Кристиан Готтхильф
Зальцманн

Книжка для раков
*
Книжка для муравьев

Издательство Райхль

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Причину всех недостатков пороков своих детей родители должны искать в самих себе. Таков символ веры, фундамент, на котором Зальцманн выстраивал свою педагогику как результат многолетнего наблюдения за своими собственными детьми и воспитанниками. Приведенные здесь, в «Книжке для раков», наглядные примеры «неразумного воспитания» помогают нам осознать наше собственное поведение в отношениях с другими людьми и значительно продвигают нас, а следовательно, и наших детей по пути к совершенству. Ведь дети судят о нас не столько по нашим словам, сколько по нашим делам и поступкам. Стало быть, если мы хотим видеть наших детей здоровыми, веселыми, внимательными и добродушными, то вначале должны позаботиться о том, чтобы самим стать живым образцом этих качеств – в противном случае все ваши слова и увещевания окажутся напрасным трудом.

- Кристиан Готтхильф Зальцманн
  -
  - Введение
  - КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ
    - Предисловие
    - Предисловие к третьему изданию
    - Предисловие к четвертому изданию
    - Как вызвать к себе ненависть у детей
    - Как сделать, чтобы дети тебе не верили
    - Как сделать, чтобы дети тебя презирали
    - Способ заблаговременно вселить в детей ненависть и зависть к своим братьям и сестрам
    - Как заглушить у детей любовь к людям
    - Как научить детей жестокости
    - Как сделать детей мстительными
    - Как сделать детей завистливыми
    - Как привить детям злорадство
    - Как внушить детям отвращение к иным животным
    - Как внушить детям отвращение к чужой религии
    - Как сделать детей бесчувственными к красотам природы
    - Как научить детей видеть призраков
    - Как внушить детям страх перед грозой
    - Как вселить в детей страх смерти

        - Как вызвать у детей ненависть к религии
        - Как сделать детей своенравными
        - Как научить детей лжи
        - Как приучить детей в раннем детстве к злословию
        - Как сделать детей угрюмыми и недовольными своей жизнью
        - Как приучить детей к упрямству
        - Как сделать детей непригодными к жизни, а саму жизнь безрадостной
        - Как приучить детей к распутству
        - Как привить детям любовь к лакомствам
        - Как сделать детей ненасытными
        - Как сделать так, чтобы детям надоели добрые дела
        - Как сделать детей глупыми
        - Как сделать детей неумехами
        - Как приучить детей к беспорядку
        - Как сделать детей заносчивыми
        - Как привить детям вкус к безделью
        - Как привить детям алчность
        - Как сделать детей безразличными к правильным наставлениям
        - Общие способы лишить детей здоровья и жизни
        - Одно превосходное средство сделать своих детей калеками
    - КНИЖКА ДЛЯ МУРАВЬЕВ
        - Герману!
        - Вступительное слово
        - Символ веры
        - Что такое воспитание?
        - Чему должен научиться воспитатель?
        - План воспитания воспитателей
        - Заключительное наставление
        - Послесловие издателя к русскому читателю
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

CHRIST.N GOTTHILF SALZMANN.

Кристиан Готтхильф Зальцманн Книжка для раков. Книжка для муравьев

© Маттиас Дрегер, издательство «Райхль», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Введение

Кристиан Готтхильф Зальцманн появился на свет 1 июня 1744 года в тюрингском городке Зёммерда близ Эрфурта. Его мать, Рахель Маргарета Сибилле, была дочерью местного аптекаря, отец, Иоганн Кристиан Зальцманн, – дьяконом и впоследствии пастором в Зёммерде. «Помоги, Боже! [Gott hilf]» – таким было первое желание, высказанное отцом, опасавшимся за жизнь ребенка, и поэтому на следующий день при крещении мальчик получил имя Кристиан Готтхильф.

Таким образом, свое детство Зальцманн провел в духовной атмосфере дома лютеранского пастора. Благодаря матери смышленый мальчик уже в пять лет научился читать и писать; после школьных занятий отец обучал его дома еще и латыни, так что чуть позже по просьбе одного несведущего в этом предмете учителя он мог исправлять работы его учеников.

В 1759 году отца Зальцманна приглашают в Эрфурт в качестве дьякона; поэтому юный Зальцманн не оканчивает школу, а готовится к университету дома благодаря частным урокам, прежде всего по древним языкам.

В семнадцать лет он становится студентом близлежащего университета Йены, избрав для изучения теологию. Он держится вдалеке от обычных, зачастую грубых студенческих проделок своих товарищей по учебе и ведет скромную, трудолюбивую жизнь. В это время он занимается наблюдениями за природой, чему прежде всего способствовали прогулки в прелестный и очаровательный Рауталь в окрестностях Косперы. Природа ведь о многом говорит, а все, что порождается ею, играло важную роль в учебно-воспитательном процессе в заведении Шнепфенталь, которое он возглавил позднее. Формируется основа мировосприятия будущего талантливого воспитателя – он учится по малому судить о великом, видеть в природе труд Творца. Эта тяга к природе, к исконному, практическому, полезному, впоследствии становится главным элементом в воспитательной работе Зальцманна. Уже в его раннем труде «О самых действенных средствах привить детям религию» красной нитью проходит эта черта: в полную противоположность моде своего времени, Зальцманн хочет, отталкиваясь от простого, подвести ребенка к высшему, прежде чем ознакомить с учением о триединстве и догматами Кристианства, сперва привить детям доброту, понимание ценности хороших поступков и связанную с ними радость, чтобы затем выстраивать на этом все остальное. Благодаря погружению в природу в часы уединения в Раутале с

Зальцманном происходит радикальная перемена, которую он впоследствии назовет своим «духовным обновлением».

После экзамена по теологии в Эрфурте в 1768 году Зальцманн получает скромное место пастора в Рорборне под Эрфуртом и четыре года трудится там в качестве проповедника и пастыря своей деревенской общины. В Рорборне у своих собратьев он познакомился с Софией Шнелль, 14-летней, но для своего возраста уже очень зрелой дочерью священнослужителя в замке Виппах. 15 мая 1770 года состоялась свадьба счастливой пары; за годы их брака София должна была подарить своему супругу не меньше пятнадцати детей.

Уже вскоре после свадьбы для молодой семьи наступают тяжелые времена в Рорборне, где сперва через несколько недель после рождения умирает их первенец, а затем родители Софии, оставившие после себя двух осиротевших дочерей в возрасте семи и двенадцати лет, которых Зальцманн и его жена берут к себе. Из-за этого их финансовое положение становится еще напряженней, а потому предложение занять место дьякона в Эрфурте с дотацией в 30 талеров, которое Зальцманн принимает по совету и просьбе своей супруги, пришлось очень кстати.

Тогдашние условия жизни в Эрфурте едва ли можно себе представить; Боссе и Мейер рассказывают об этом в «Жизни Зальцманна»: «Город был страшно измотан Семилетней войной. Нескончаемые прохождения войск, расквартирования и контрибуции всех ведущих войну сторон нанесли тяжелый ущерб благосостоянию жителей. К этому надо добавить неурожай, голод и эпидемию 1771–1772 годов, охватившую всю Тюрингию. Многие люди были унесены болотной лихорадкой и оспой, выжившие влачили жалкое существование, страшная нужда толкала на многочисленные преступления, нравы дичали. В самом городе смертность была вдвое больше, чем в прошлые годы; одних только священников от коварной болезни умерло семь человек, заразившихся при исполнении своих обязанностей. Вскоре один за другим умерли и оба пастора в церкви Андреаса, а потому Зальцманна, в третье воскресенье после Пасхи прочитавшего свою первую проповедь в качестве дьякона, уже в день Вознесения сделали пастором церкви Андреаса»[1].

Смена деревенской идиллии Рорборна, четыре года которой Зальцманн причислил к «самому счастливому времени своей жизни», на Эрфурт должна была означать для Зальцманна немалую жертву, тем более что еще в Рорборне он вынашивал планы создать в деревне собственное учебно-воспитательное заведение. Вместо этого, будучи пастором и духовником, он сталкивается в Эрфурте со всей тяжестью человеческих бед.

Лишения этого времени производят на Зальцманна тяжкое впечатление, его приемный сын Аусфельд пишет об условиях жизни в Эрфурте: «Профессия часто приводила его в обители горя, в хижины бедняков, в покои больных, в исправительные дома, тюрьмы (иногда в глухие, сырые лачуги, затерявшиеся под рыбным базаром, в которые через маленькие железные решетки вместе с грязью улиц разве что иногда попадал и луч света) и дома для сирот. Сколько несчастных предстало перед его взором, как часто сердцем его, полным любви к людям, овладевало сострадание, искреннейшее участие к бедам этих несчастных!»

Именно здесь Зальцманн становится пламенным поборником лучшей жизни. Нищета, с которой он сталкивается в Эрфурте, находит свое детальное литературное выражение в шеститомном романе «Карл фон Карлсберг, или о человеческой нищете», в котором Зальцманн не только разоблачает недостатки того времени, но и показывает пути, какими можно их устранить.

Аусфельд сообщает об этом времени следующее: «Очень скоро он осознал, что главные источники бед, от которых страдает так много людей, надо искать в них самих; что невежество, суеверие, неверие, лень, корыстолюбие, безрассудность и другие пороки влекут за собой уйму бед. Размышления навели его на два главных средства: 1) людям нужно открыть глаза на источники нищеты, от которой изнемогают они и их братья, и им нужно привить убеждение, что только от них зависит, избавятся они или нет от множества бед; и 2) детей надо воспитывать лучше, обучать целесообразней, чем прежде».

В Эрфурте в семье Зальцманна рождаются пять детей. Зальцманн как отец внимательно наблюдает за их задатками и наклонностями. «Свой педагогический опыт, – часто говорил он впоследствии, – я накопил в кругу моих детей».

Его дети получают простую, но здоровую пищу, преимущественно из собственного сада, носят простую одежду, у них мало игрушек, зато они проводят больше времени вне стен дома, на лоне природы, прежде всего в домашнем садике, где отец – который сам сажает деревья, выращивает овощи и растит цветы – может оберегать их от улицы и регулярно занимать занятиями, которые им приходятся по душе. Да и «приятные вечерние развлечения, которые он устраивает для того, чтобы улучшить настроение себе самому и наставлять малышей, во многом способствуют счастью уютного семейного круга»[2] (Аусфельд).

Благодаря своей мягкости, своей терпимости, своему общему благотворному влиянию Зальцманн приобрел большой авторитет,

а также многих друзей и почитателей, причем не только в Эрфурте.

Смелой публикацией труда «О самых действенных средствах прививать детям основы веры»[3], который радикально порывает с прежней практикой по большей части бездумного заучивания наизусть и делает акцент на формировании у детей правильного образа мыслей, Зальцманн навлек на себя гнев ортодоксальных эрфуртских священнослужителей, тем более что, будучи лютеранином, он продолжал по-дружески общаться с католическими священниками и монахами. Некий проповедник главной эрфуртской церкви предложил даже заклеймить «опасные новшества» с кафедры, что, правда, имело противоположный эффект – этот труд стал известен более широким кругам и только увеличил аудиторию Зальцманна.

В 1780 году Зальцмана пригласили на работу в учебно-воспитательном заведении «Филантропин» в Дессау, основанном в 1774 году Базедовым.

В свое время «Филантропин» был самым знаменитым учреждением такого рода. Зальцманн работал здесь с 1781 по 1784 год учителем религии и богословом. При поступлении он получает звание профессора и 400 талеров жалованья. Хотя Зальцманн нашел в «Филантропине» в Дессау многое из того, к чему он стремился и что было частью его собственных планов и размышлений, кое-что в этом институте его представлениям все же не соответствовало. Позднее Зальцманн пишет (в работе «Еще кое-что о воспитании…», 1784) о своем отношении к «Филантропину»: «Эта связь с институтом в Дессау была для меня необычайно важной. Я пришел на место, где самостоятельно мыслящие воспитатели уже несколько лет работали и продолжали работать, имея почти неограниченную свободу, и благодаря этому получил возможность судить, что в искусстве воспитания осуществимо, а что – нет, почему этот план удался, а другой потерпел неудачу, почему данное учреждение добилось столь многого, а по какой причине не добилось большего. Поэтому я всю жизнь буду себя считать должником сего замечательного учреждения и никогда не забуду, что все, что мне еще предстоит сделать на этом свете, не состоялось бы, если бы руководители этого учреждения не пригласили меня к себе и не позволили мне наблюдать за их работой и в ней участвовать.

Но чем больше я понимал суть этого учебно-воспитательного заведения, тем больше убеждался, что план, который лежал здесь в основе, хотя и был очень хорошим, но не тем, что я тогда вынашивал. Мне не оставалось ничего другого, как выбрать один из четырех путей, и я долго не мог решить, какой именно. Или

постараться постепенно включить мои идеи в уже существующий план, или употребить мою энергию на то, чтобы этот план опровергнуть, и предложить свой, или покинуть институт и найти себе место, где я мог бы реализовать свои идеи, или отказаться от моего плана и работать строго по существующему».

Вскоре Зальцман решил покинуть Дессау, чтобы в сельской местности осуществить свои давно вынашиваемые планы по созданию собственного воспитательного учреждения.

Осуществить этот замысел Зальцманну помогли прежде всего три человека: Рудольф Захариас Беккер, издававший для «Филантропина» «Дессаускую газету для молодежи и их друзей», герцог Эрнст II Готский и Альтенбургский, а также садовник при дворе в Готе Хр. Г. Вемейер. Еще в конце 1782 года Зальцманн посвятил Беккера в свои планы создания собственного института, и тот свел его с герцогом. Герцог, образец правителя, «отец соотечественникам, воодушевленный важностью своей миссии, преисполненный чувством долга, беспрестанно что-либо делавший во благо своей страны» (Боссе), благосклонно отнесся к планам Зальцманна, более того, предложил Зальцманну одну из своих усадеб для запланированного института! Но Зальцманн хотел создать нечто самостоятельное, полностью независимое, и герцог Эрнст II поддержал покупку имения Шнепфенталь, которое по поручению Зальцманна разыскал и за 8000 мейсенских гульденов (в пересчете – 7000 имперских талеров, из них 4000 талеров – дар герцога) приобрел Вемейер.

Великодушие, с которым герцог Эрнст с самого начала поддерживал предприятие Зальцманна, и наделение Шнепфенталя важными преимуществами и привилегиями позволили Зальцманну сравнительно легко разорвать связь с Дессау, хотя поначалу он очень болезненно переживал разлуку со своими тамошними воспитанниками. И еще до того как Зальцманн подал прошение об увольнении из «Филантропина», чтобы обеспечить себе и своей семье безбедное существование в будущем, он заключил с издателем Крусиусом из Лейпцига договор, по которому тот обещал каждый год выплачивать определенную сумму денег, а Зальцманн взамен – создавать определенные писательские труды.

29 февраля 1784 года семья Зальцманна покинула Дессау, и небольшая группа путешественников, состоявшая из родителей, тети Евы, шести детей, маленького Аусфельда и верной служанки, 7 марта появилась в Шнепфентале.

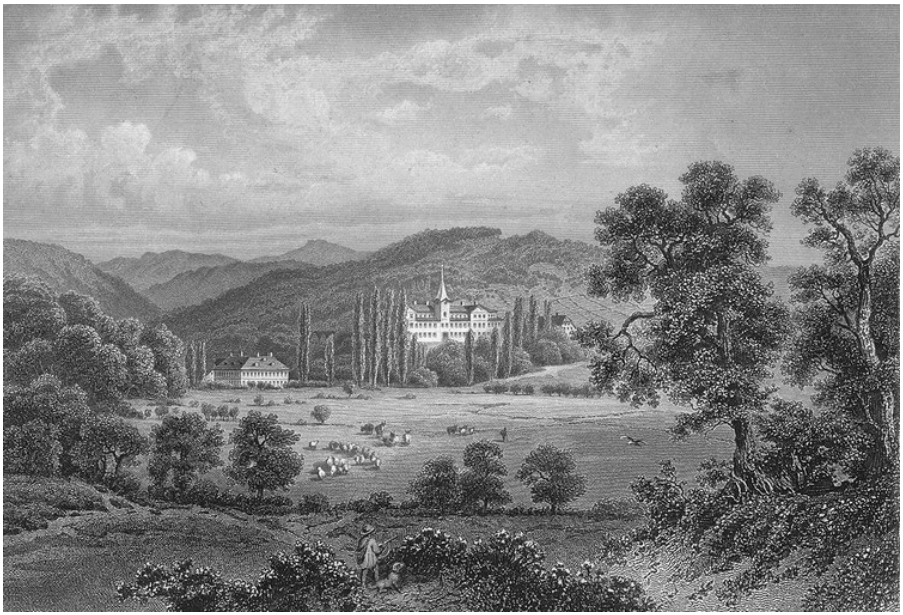
Мы вышли бы за рамки этого предисловия, если бы детальней остановились на создании института воспитания в Шнепфентале и его разнообразных учреждений. Но некоторые особенности

стоит упомянуть: Зальцманн придавал большое значение ориентированному на природу физическому воспитанию и развитию своих питомцев; укрепление тела и обучение лучшему владению им включало в себя даже относительно напряженный физический труд.

Время подъема зависело от времени года. Зимой ученики вставали в шесть часов, весной и осенью – в пять, летом воспитанники обычно поднимались уже в четыре часа, затем с пяти до шести часов «работали лопатой», то есть занимались земляными работами – с помощью лопаты и тачки заменяли каменистую почву плодородной садовой землей и разбивали грядки. Таким же образом насыпался грунт и перед домами воспитанников – так появились пригодные для садоводства участки земли.

Десятиминутные перерывы между лекциями, начинавшимися в семь часов, проводились на открытом воздухе. После лекций в течение часа можно было переработать и усвоить изученное.

Физическое закаливание вообще и движение в частности играют важную роль в системе воспитания в Шнепфентале. Зальцманн (1808) сообщает, что движению – прежде всего в виде гимнастики (с 11 до 12 часов дня) и прогулок, игр или даже верховой езды ежедневно уделялось три часа. Более того, Шнепфенталь можно рассматривать как колыбель гимнастических занятий в Германии: в 1785 году Зальцманн решил безвозмездно взять к себе на воспитание обоих детей фрау Риттер, молодой вдовы из Кведлинбурга, потерявшей своего мужа-врача. Карл и Иоганн присоединились к его сыну Фридриху и юному Аусфельду. Одновременно он принял на работу учителем в Шнепфентале их прежнего гувернера, Иоганна Христофа Фридриха Гутсмутса. По прибытии в Шнепфенталь Гутсмутс[4] застал там лишь одну-единственную «площадку для гимнастических упражнений, наполовину свободную, наполовину устланную книгами», которую после собственных упражнений, раздумий и изучения гимнастики древности он постепенно оборудовал особыми гимнастическими снарядами и приспособлениями, и в дальнейшем эта площадка приобрела значение образцово-показательного примера для многочисленных посетителей Шнепфенталя.



Учебно-воспитательное заведение Зальцманна в Шнепфентале, гравюра, 1810 г.

Карл Риттер, до 1796 года воспитывавшийся в Ш., начиная с 1817 года опубликовал 21-томный труд «География в отношении к природе и истории человека»; наряду с Гумбольдтом Риттер считается основателем научной географии.

Затем к работе в институте удалось привлечь выдающегося филолога Кристиана Людвига Ленца, до этого преподававшего в дессауском «Филантропине». Ленц, который, как и потом другие воспитатели в Шнепфентале, в 1788 году женился на одной из дочерей Зальцманна, вызвался наряду с английским и греческим языками обучать также и плаванию, и, таким образом, с лета 1790 года в качестве учебной дисциплины в Шнепфентале было введено плавание. Кроме того, при воспитании своих десятерых детей семья Ленца придавала большое значение осторожному приучению своих детей к свету, воздуху и воде; поэтому их дети были абсолютно здоровы. В 1793 году Ленц описал физическое воспитание своей дочери Туснельды Гертруды, его необычайно интересное сообщение напечатано в приложении в оригинале[5].

Подробнее о здоровом образе жизни своих питомцев Зальцманн высказывается в работе «Еще кое-что о воспитании…»: «Кроме того, многие болезни я надеюсь предотвратить образом жизни, который мы ведем. Одну часть своего времени мы

проводим сидя, другую – в движении. Помимо того что нами выделено время на игры, у нас имеется масса дел, которыми можно заниматься не иначе как на открытом воздухе. У каждого из нас есть свой садик, который, однако, надо обязательно обрабатывать, чтобы получать от него удовольствие и иметь пользу. У нас есть свои пруды, один из которых несколько отдален; но за ними нужно постоянно приглядывать, чтобы наши карпы и форели однажды вдруг не исчезли. Тут и там, зачастую на отдалении многих миль, имеется также нечто особенное, мы должны отправиться туда в путешествие, если хотим это увидеть. Далее, как я потом покажу, мы планируем иметь свою аптеку и свой естественноисторический музей, для чего должны повсюду собирать материал. В подобных делах мы не можем действовать с оглядкой на непогоду, а должны принимать ее такой, какой дарует ее милостивый Господь.

Не страшно, что у моих воспитанников, которых я *постепенно* приучил к своему образу жизни, под проливным дождем насквозь промокнет одежда. Меня это будет столь же мало тревожить, как погружение под воду моих уток».

А в перепечатанной здесь «Книжке для муравьев» (раздел «Что должен выучить воспитатель?») Зальцманн советует: «Итак, дорогие друзья! Если вы не только зоветесь воспитателями, но и действительно хотите ими быть, закаливайте свое тело! (…) Каждый день выходите на свежий воздух, не взглянув сперва через оконное стекло, какая погода на улице».

Гимнастический городок в учебно-воспитательном заведении в Шнепфентале (начало XIX столетия), первый подобного рода в Германии.

Но здоровый образ жизни, само собой разумеется, мог быть лишь фундаментом для воспитания питомцев в Шнепфентале.

При воспитании личности в центре внимания стояло использование собственных сил и их развитие. Поэтому Зальцманн придавал такое большое значение самостоятельному изготовлению сперва игрушек, а затем всяческих «полезных приспособлений и инструментов».

В этом стремлении с 1792 года Зальцманна поддерживал филолог Бернхард Генрих Блаше[6]. Блаше считается одним из пионеров уроков ручного труда в школе как формы «физических упражнений для развития здоровья, а также метода надлежащим образом побуждать к очень полезному чередованию умственной и физической деятельности».

В превосходной краткой биографии Зальцманна радио Средней Германии в общих чертах характеризует значение его института в то время: «В 1790 году “Филантропин” приютил у себя 29 учеников, десять лет спустя их число уже удвоилось. На рубеже нового столетия Шнепфенталь стал именем нарицательным среди просветителей и педагогов во всей Европе. Ученые из Амстердама и Арагона, бургомистр Роттердама, Клопшток, Виланд, Жан Поль, Гёте и Фихте – все они хотели получить собственное представление о новом методе воспитания, разработанном Зальцманном. Ученики приезжали из всех земель, да и дворянство отдавало должное шнепфентальскому учреждению при воспитании собственного потомства.

Чем же объясняется безграничная и стойкая привлекательность шнепфентальского «Филантропина»? Зальцманн организовал обучение, движимый уважением к ребенку и его правам и руководствуясь желанием еще при жизни избавить человека от его бед. Формирование религиозного образа мыслей, моральное совершенствование, воспитание характера и тренировка ума точно так же обязательно входили в него, как и знакомство с родной страной и с природой, как гимнастические упражнения и ручная работа в школьных мастерских или в саду. В будние дни обучение регулярно проводилось как в школьном здании, так и на природе; устраивались торжества и праздники. Шнепфентальцы были школьной семьей. Путешествия и прогулки тоже стали средством обучения детей; передвигаясь пешком или на фургоне, Зальцманн попутно не просто передавал знания, а добивался того, чтобы они стали для детей чувственным опытом.

До конца жизни Зальцманн лично заботился о ежедневном утреннем и воскресном богослужении в молитвенном зале Шнепфенталя. Хотя он мог проводить «частное богослужение» с

литургией, полной свободы готская высшая консистория ему все же не предоставила – в проведении крещения, венчания, отпевания, конфирмации и т. п. пастору Зальцманну было отказано. Это еще больше укрепляло его в мысли отвергать церковь, которая не хотела служить человеку, а стремилась лишь к авторитарной правоверности и не ведала каких-либо сомнений. Логичным образом в своей последней крупной работе “Книжка для муравьев, или наставление по разумному воспитанию воспитателей” (1806) Зальцманн выдвинул способность к самокритике в качестве одного из главных требований к учителям. В “самой благородной из всех профессий” настоящий авторитет может завоевать только тот, кто, видя ошибки своих воспитанников, сперва ищет причину плохого результата в себе самом»[7].

Зальцманн умер 31 октября 1811 года, его жена София, на протяжении сорока лет бывшая ему верной спутницей жизни, скончалась еще раньше – 15 декабря 1810 года.

Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале Зальцманна – единственное учреждение филантропов, сохранившееся до наших дней. После смерти Зальцманна институт возглавлял его сын Карл, а с 1840 года до недавнего времени – потомки дружившей с Зальцманном семьи Аусфельдов.

Школа Зальцманна в Шнепфентале, национализированная в 1935 году, а с 1991 года – гимназия, с 2001 года прежде всего специализируется в языках, и каждый год в ней учатся более 700 учеников[8].

Кристиан Готтхильф Зальцманн был не только одаренным воспитателем, но и столь же одаренным писателем. Он обладал удивительной наблюдательностью, талантом облекать свои знания в слова так, что их легко могли также понять все те, кто имеет дело с детьми.

Пожалуй, самые важные и вместе с тем самые известные произведения Зальцманна – появившаяся еще в 1780 году «Книжка для раков» и напечатанная в 1806 году «Книжка для муравьев». «Книжка для раков» уже при жизни Зальцманна была переведена на датский (1783), голландский (1791) и шведский (1794) языки; затем последовали издания на старочешском (1824), русском (1831), венгерском (1832), румынском (1848), украинском (1900), латышском (1902), японском (1904) и финском (1926). В немецком языковом пространстве «Книжка для раков» постоянно переиздавалась, библиография Зальцманна, принадлежащая потомку Аусфельда Вольфгангу Пфауху[9], с 1780 года напечатано свыше 40 изданий.

Следует также упомянуть издание 1870 года, в котором

ответственный редактор Карл Рихтер приводит изменения в изданиях «Книжки для раков», вышедших при жизни Зальцманна[10].

Так, в предисловии к первой части «Книги об элементах морали» (Лейпциг, 1782) он пишет: «Суди и поступай, как ты хочешь, чтобы судили и поступали твои дети. Ребенок всегда больше верит твоим поступкам, чем твоим словам. Если последними ты противоречишь первым, то последним он не поверит, а будет подражать твоим поступкам. Ты можешь сколько угодно рассуждать о том, что гнев безобразен, но если по малейшему поводу ты сам приходишь в ярость и употребляешь крепкие и резкие выражения в отношении своих друзей и подчиненных, то ребенок не верит, что гнев может быть безобразен, ведь его любимый отец или его любимая мать предаются ему. Он будет вести себя не так, как ты говоришь, а так, как ты поступаешь.

Благодаря наблюдениям за многие годы я убедился, что чуть ли не всем порокам дети учатся у своих родителей, начальников и других людей, с которыми они часто общаются, и что мы уже многого достигнем, если больше не будем учить детей дурному. Эту мысль более пространно я выразил в книжице “Наставления хотя и не по разумному, но все же модному воспитанию детей”. В ней в сатирическом тоне даны правила, с чего нужно начинать, если хочешь сделать детей испорченными и больными, и под каждым правилом приведены примеры родителей, следовавших этому правилу. Родители, которые серьезно намерены дать детям хорошее воспитание, могли бы по меньшей мере из этого вынести, чего им со своими детьми делать не надо».

А в первом выпуске «Посланий из Тюрингии» 1788 года (с. 605–612) Зальцманн знакомит читателей с «Книжкой для раков» в форме следующего разговора письмоносца с трактирщиком:

Трактирщик. Ну, будет чем его позабавить?

Письмоносец. Он что-нибудь знает о «Книжке для раков»?

Трактирщик. Ни о чем таком в своей жизни не слышал. Там что, говорится о том, как воспитывать раков или как их ловить?

Письмоносец. Там нет ни слова о раках. Вообще-то, там сказано: наставление по неразумному воспитанию детей.

Трактирщик. По неразумному воспитанию? Тогда, наверное, он не будет ее читать. О разумном, быть может, он бы прочел.

Письмоносец. На! (вытаскивая книгу) Пусть все-таки почитает!

Трактирщик. Боже милостивый! Что это еще за штуку написали о неразумном воспитании! Ха, ха, ха! По-моему, люди и так уже весьма неразумно воспитывали своих детей, не получая никаких наставлений.

Письмоносец. В том-то и дело. Тот, кто написал книгу, думает, что и без того уже было написано много наставлений по разумному воспитанию и почти никто им не следовал; раз уж людям повсюду хочется воспитывать своих детей неразумно, вот он и решил рассказать, как правильно взяться за это дело. Он дает правила, как следует поступать, чтобы дети лгали, воровали, научились обманывать, стали непослушными, драчливыми, завистливыми, больными и немощными. И по каждому правилу он рассказывает небольшую историю.

Трактирщик. Что ты такое говоришь! Книгу надо бросить в огонь!

Письмоносец. Только не так поспешно, дорогой крестный! Пусть он сперва прочтет, а потом мы друг с другом поговорим. Я хочу ему раскрыть кое-что, как я это понимаю. Пусть послушает!

После того как была приведена история о том, как можно научить детей видеть призраков, которую можно прочесть в «Книжке для раков», разговор продолжается.

Трактирщик. Ага, теперь я кое-что понимаю! Не правда ли, человек, который написал эту книгу, хочет, так сказать, ткнуть людей носом и показать им, что, если их дети больные или невоспитанные, то они виноваты сами?

Письмоносец. Совершенно верно! Таково, собственно, его мнение. Иной раз ради забавы давал я почитать книгу другим людям. Потом многие пожимали мне руку и благодарили.

Трактирщик. Но почему она называется «Книжка для раков»?

Письмоносец. Из-за того, что в ней изображен один старый рак со своими детьми.

Трактирщик. Но при чем тут раки?

Письмоносец. Вот это я и хочу ему сказать: один старый рак говорил своим детям, что они не должны пятиться задом – но сам пятился задом.

Трактирщик. Так, теперь мне понятно…

Появившись на свет в 1806 году, «Книжка для муравьев» пережила больше пятидесяти изданий в разных издательствах, по большей части в виде отдельной публикации, иногда также в собраниях классических трудов по педагогике. Уже в год первого издания появилось голландское издание (1806), годом позже – датское (1807), затем последовали венгерское (1889), чешское (1878), румынское (1894), болгарское (1895), шведское (1897), итальянское (1902), португальское (1904), а между 1906 и 1934 годом – несколько японских изданий. Примечательно, что и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» на английском, французском или испанском языке не издавались, при том что можно найти французское и многочисленные английские и

американские издания «Книги об элементах морали».

«Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» входили не только в сборники работ педагогов-классиков – в XX веке обе работы иногда выходили вместе в одном томе (Verlag Volk & Wissen, Reclam). Такое объединенное издание главных педагогических трудов Зальцманна имеет смысл, ибо и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» адресованы в первую очередь воспитателям – а в конечном счете всем тем, кто в силу своей профессии постоянно имеет дело с людьми!

Этого мнения, очевидно, придерживался и сам Зальцманн, ибо в одном из своих последних трудов, в рассказе «Судья Паппель» (опубликован в «Посланиях из Тюрингии», 1812), он вкладывает в уста проповедника, беседующего с судьей, слова: «Тут я хочу дать вам с собой еще “Книжку для раков” и “Книжку для муравьев” Зальцманна, в которых эти материи изложены пространнее». А в одной из сносок Зальцманн извиняется перед читателем: «Простите автору, что он рекомендует свои собственные сочинения. Это происходит лишь потому, что какие-либо другие работы, где так наглядно была бы показана истинная причина человеческой порчи, ему неизвестны».

В обзоре сочинений Зальцманна, напечатанном в приложении, была предпринята попытка упорядочить по группам отчасти весьма различающиеся публикации. Первую группу образуют сочинения по педагогике, адресованные в первую очередь родителям и учителям. В этой группе «Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» являются самыми популярными произведениями, поэтому они публикуются вместе и составляют первый том педагогических сочинений Зальцманна.

Детальные рассуждения Зальцманна на тему воспитания («Еще кое-что о воспитании вместе с уведомлением о создании учебно-воспитательного заведения», 1784) наряду с описанием существующих («Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале», 1808) образуют ядро второго тома педагогических сочинений, дополненного монографией «О самых действенных средствах привить детям религию» (1780). Третьим томом серии должно стать переиздание монографии «О тайных грехах юности», труда, в котором Зальцманн дает родителям ценное разъяснение пороков, которые и сегодня еще, по-видимому, присущи многим молодым людям.

Наряду со своими сочинениями педагогического содержания Зальцманн пытался распространять в народе знания об улучшении человеческих отношений, также в форме романов и рассказов. При этом его принцип сколь прост, столь и эффективен: Зальцманн либо непосредственно преподносит свои

знания и опыт в диалогах соответствующих персонажей, либо же главный герой размышляет о своей судьбе, своих прошлых и задуманных поступках, основываясь на этике, которая содействует, должна содействовать хорошему в людях! При этом читатель, разумеется, вживается в действующего персонажа и получает возможность, идя за ним в огонь и в воду, вместе с ним переживать и следить за шагами его развития. Тем самым Зальцманн дает читателю простые, но прочные рамки духовной «небесной механики» требований обыденной жизни, которая ни в чем не уступает кеплеровской небесной механике космических тел, более того, даже ее превосходит, поскольку работает лучше, чем любая механика. События, в которые Зальцманн побуждает читателя включиться в своих рассказах, начинаются на самом простом уровне, где причина и следствие рассматриваются и прослеживаются исключительно в естественнонаучном биологическом ракурсе. В ходе событий опыт персонажей романа накапливается, приобретает все более высокое качество, пока, наконец, читателю не становится очевидным управляющее судьбами влияние Творца – реальная сила, в чьей преисполненной любви действенности Зальцманн сам десятилетиями снова и снова мог переживать связь с Небесным Отцом.

Примечания Зальцманна снабжены звездочкой, все более поздние примечания, которые отчасти были заимствованы из более старого издания Боссе и Мейера, обозначены цифрами.

Сент-Гоар, июнь 2007 года

М. Дрегер

КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ
или Наставление по неразумному воспитанию детей

Krebsbüchlein,

oder

Anweiſung

zu

einer unvernünftigen

Erziehung der Kinder,

von

Chr. Gotth. Salzmann.

Vierte, rechtmäßige, umgearbeitete, vermehrte und durchaus verbeſſerte Auflage.

Faciam, mi papule, si te idem facientem prius videro.

Erfurt, 1807.
Bey Georg Adam Keyſer.

Предисловие

Помнится, я где-то прочел, что некое общество Кристиан-европейцев, поселившихся в одном бенгальском городе ради торговли, в один радостный день чревоугодничали под звуки труб и литавр, пили, шутили, смеялись и веселились, в то время как темнокожие граждане изнывали от дороговизны и голода, перетаскивали трупы в узкие улочки и сваливали их в кучи, частью у порога дома терпимости, хрипели и умирали, и ни на кого в веселой компании это печальное зрелище не произвело ни малейшего впечатления. В связи с этим был поставлен вопрос: как так получается, что у европейца, едва вступившего на горячую землю Ост-Индии, настолько сильно меняется его сущность и вместо сострадания к ближним, которое он принес со своей родины, появляется варварская бесчувственность?

Причину этого найти нетрудно. Почва и климат здесь ни при чем. Скорее предрассудок, эта плодородная мать многих бед, порождает и эту бесчувственность. Если уж при царящем у нации предрассудке некий класс людей обречен на порабощение и лишен человеческих привилегий, то тогда сердце каждого обывателя за короткое время настолько черствеет, что он может смотреть на стенания, слезы и конвульсии этого типа людей, не переживая при этом больше, чем при виде судорог убитого быка. В странах, которые мы посещаем лишь с целью пополнить свои богатства, у местных жителей из-за позорящего человечество предрассудка отняли человеческие права, а за европейцами признали безграничное право надругаться над ними. Этот предрассудок вдыхает европеец, едва ступив ногой с корабля на берег, и вскоре ощущает его воздействие в своем сердце.

Мне было бы легко привести несколько примеров – из всевозможных столетий и климатических областей – подобной бесчувственности к страданиям определенных людей. Но зачем идти так далеко, если подобный пример мы можем найти совсем рядом? Мы живем в умеренном климате, и многие из нас с некоторых пор стали настолько сентиментальными, что жалеют блоху, срок жизни которой им приходится сократить. Тем не менее и у нас предрассудок обрек определенную категорию людей на полное порабощение и признал за их повелителями неограниченное право обращаться с ними как им заблагорассудится. Подобно тому как первым Кристианам приходилось искупать вину за все беды, которые случались в Римской империи, так и этим обычно приходится расплачиваться за все неприятности, которые возникают в домах их господ, при

том что они за них не ответственны. Их часто выставляют на поругание в обществах, а им не позволено жаловаться на это; их стегают розгами, даже если ничего дурного они не сделали; их часто до смерти истязают долгими пытками, а большинство их сентиментальных сограждан слышат их крик, видят, как их истязают, но ничего несправедливого в этом не усматривают.

Эти стонущие от гнета люди – дети, а их угнетатели – родители. Жестокое обращение, которое они вынуждены терпеть в большинстве домов, столь вопиюще, что должно вызывать жалость; и тем не менее большинство наших современников уже настолько привыкли к подобным зрелищам, что могут смотреть, как истязают невиннейшего ребенка, и слышать его крики отчаяния, следовать за гробом другого ребенка, казненного предрассудком отца или матери, не задумываясь при этом о несправедливости.

В первые годы жизни многие дети по вине родителей лишаются здоровья – их тело и его члены больны, потому что либо уже при зачатии получили яд, который родители внесли в их кровь из-за своего распутства, либо те разрушают их здоровье предрассудками и беспечностью. Поэтому, как мне кажется, без преувеличения можно утверждать, что ни в одном диком разбойничьем притоне не шатается так много изувеченных рабов, сколько бродит по обычному городу хилых и дряхлых людей, которых родители винят за то, что они собой представляют.

В большинстве семей средства сохранения здоровья детей настолько извращены, столь явно вредят их здоровью и жизни, что я не переборщу, заявив, что большинство детей, которых год за годом хоронят, убил предрассудок родителей.

Наказания, которые чуть ли не каждый день вынуждены терпеть эти маленькие, беззащитные и безоружные люди, по большей части несправедливы. Хотя мало кого можно назвать чудовищем, в ярости кровожадно избивающим и калечащим своих детей, тем не менее совсем мало кто из детей заслужил наказание, которое они вынуждены терпеть, то есть они страдают от несправедливости, и каждый удар розгами, который нужно выдержать, не заслужив его, – несправедливость.

Вот сидит мать, в кругу своих подруг, и публично жалуется на своих маленьких детей, самыми черными красками изображает их своенравие, упрямство, злобу, леность, неаккуратность; вот стоит отец перед своим восьмилетним сыном и устраивает ему головомойку, представляющую собой переплетение самых горьких упреков и грубейших оскорблений; другой бьет кнутом своих детей за всяческие проявления невоспитанности, которые он у них заметил. Но, друзья, если вы сами привили детям пороки

и дурные привычки, которые у них замечаете, разве справедливо обращаться с ними поэтому с такой злобой? Если вы сперва привили своим детям некие недостатки, а потом наказываете за то, что они так хорошо их усвоили, разве это не жестоко?

И это не вызывает сомнений. Причину всех ошибок, дурных привычек и пороков детей по большей части надо искать у отца или матери или одновременно у них обоих. Звучит резко, и все-таки это так[11].

Человек всегда зачинает детей, которые на него похожи. Мозг, кровь и плоть ребенка произошли от его родителей. Если же родители с изъяном – в теле или в душе или одновременно в том и другом, – больны, то все эти болезни непременно передадутся плодам их тела. Сильнейшая тяга к известным порокам, безудержная злость, своенравие, упрямство, беспорядочная похотливость, чрезмерная чувственность, дурное настроение, даже глупость, из чего большинство детей приносят с собой с пеленок то или другое, – очевидно, приданое отца или матери.

Далее, тот, кто видел семьи, где детям по большей части не дают хорошего воспитания, тот мог заметить, что недостатки детей с годами множатся и разрастаются. Как невинно улыбается двухлетний маленький Карл и как лукаво глядит десятилетний Леопольд! Это замечание сплошь и рядом принимали как нечто совершенно естественное, и поэтому во многих домах возраст, когда обычно пробуждается разум ребенка, то есть когда становятся заметнее его проявления, называют переходным [Flegeljahre, буквально – годы хамства] (простите мне это выражение!). И, стало быть, должны быть, пожалуй, еще и причины, из-за которых после рождения недостатки ребенка множатся и разрастаются. И по большей части их нужно искать в родителях.

Во-первых, в их примере. Ребенок, еще не владеющий своим разумом, не может поступать иначе, как подражать тому, что видит у других и от других слышит. Если бы решили потребовать от него противоположного, то мне это представлялось бы таким же бессмысленным, как если бы добропорядочный немец, никогда не говоривший на иностранном языке, потребовал от своего сына, растущего рядом с ним, разговаривать не по-немецки, а по-французски; а если бы он этого не смог, то стал бы ему за это выговаривать и сказал: «Ты – неумеха! Только посмотри, как другие дети хорошо говорят по-французски, а ты – ничего из тебя не получится!» Рассмотрим теперь пример, который многие родители подают своим малышам! Они бранятся и требуют от своих детей миролюбия; они часто приходят домой пьяные, а от

них требуют воздержания; они рассказывают о грехах своей юности и негодуют, если дети тоже их совершают; они жалуются на работу, расхваливают бездельников и ропщут, когда дети выказывают нерасположение к работе; они позволяют себе все излишества и наказывают за них своих детей. Родители, которые подают такой пример, наверное, не смогут отрицать, что они – самые главные наставники, у которых дети научились своим порокам.

Во-вторых, в недостатке надзора. Они часто сетуют, что дали своим детям наилучшее воспитание, а никакого толку от него не видят. Но если посмотреть на это воспитание вблизи, то оно окажется не более чем обучением, которое каждый день по нескольку часов они им дают либо сами, либо через других. В остальном они предоставляют малышей самим себе, дают им общаться с самыми невоспитанными детьми, передают их прислуге, либо очень усердно занимаются своими делами, либо посещают многочисленные компании, столь активно участвуют во всякого рода увеселениях, что их дети бóльшую часть своей юности совсем без надзора проводят среди людей испорченных нравов. Если девушка становится такой же бесцеремонной, как служанка, если мальчик перенимает у уличных мальчишек низменный образ мыслей, то кто тому виной? Конечно же, не ребенок, а те, кто оставил его такой компании.

В-третьих, в ошибках воспитания. Они столь многочисленны, что можно было бы написать толстую книгу, если попытаться привести хотя бы далеко не полный их перечень. Что, к примеру, привычнее, чем не замечать множество дурных привычек, пока у тебя хорошее настроение, и, наоборот, наказывать за малейшее упущение, когда, скажем, убежало молоко, пришло письменное напоминание об уплате долга или случилось еще что-то неприятное, в чем дети совсем неповинны! Что детей бьют, если они уронили стакан, а дурные поступки оставляют безнаказанными! Что за самый незначительный промах наказывают, если дети в нем признаются, но никогда не карают, если они его отрицают; что родители никогда ничего не делают по своей воле, если дети их просят, но стараются успокоить их самыми ласковыми словами, когда те топают ногами и буйствуют! Что от шестилетней девочки требуют, чтобы она вела себя столь же рассудительно и была не по годам умной, такой, как двадцатичетырехлетняя мать или тридцатилетний отец! Воспитывать так детей – все равно что тушить огонь маслом и пытаться утопить в воде рака.

Разве я не прав, когда утверждаю, что общество своими предрассудками обрекло детей на угнетение, а их хозяева

жестоко обращаются с ними, и при этом их печальная участь никого настолько не трогает, чтобы попытаться им предоставить права?

Печальные последствия, из этого вытекающие для общества, нельзя подсчитать. Печально уже то, что страдают многие тысячи ни в чем не повинных людей, вынужденных проводить лучшие дни своей жизни удрученными; что очень многих, кого когда-нибудь могли бы считать наиполезнейшими членами государства, лишенных сил из-за невежества их родителей, искалеченных, делают неспособными к любому делу, требующему энергии, или вовсе казнят. И если правда, как с давних пор утверждала самая разумная часть людей, что истинное удовлетворение дает людям лишь добродетель, а обладание миром неспособно даровать им такого блаженства, какое проистекает из нее, то не будет ли у каждого, кто любит людей, обливаться кровью сердце при виде того, как огромную часть потомков лишают этого блага и учат пороку? Если молодой человек, для которого пока еще нет лучшего, более разумного друга, чем его родители, воспринимает их слова так, словно они прозвучали с небес, с надеждой доверяется их руководству, но в них находит предателей, направляющих его на опасные ошибочные пути, с которых он либо вообще не сойдет, либо сойдет слишком поздно – с ослабленным телом, нечистой совестью и глазами, полными слез?

Но это еще не всё. Душевное состояние родителей теряет при этом столько же, сколько и душевное состояние детей.

Удовольствие видеть себя преумноженным в хороших детях настолько чарующе, что его ощущает даже животное. Даже у курицы, похоже, есть свой праздничный день, когда она может в первый раз вывести своих птенцов. Даже овца скачет от радости, когда в сопровождении своего ягненка идет на пастбище. Для человека же, способного в любой вещи замечать еще больше прекрасного, это удовольствие еще гораздо чарующе. Мысль о том, что дети являются частицами нас, что при некотором количестве благонравных детей мы никогда не состаримся, потому что у наших детей растут силы и они становятся нашей опорой, когда наши собственные силы убывают, что наше имя, наш образ, наши мысли все же останутся в мире, когда нам придется его покинуть, что плоды сорока – пятидесяти лет усердия не пропадут даром, – это одна из самых сладких мыслей, которая способна возникнуть в душе человека. Хорошие дети – истинное богатство. Кто умеет с ними ладить, тот растит себе некое количество слуг, с радостью следующих его указанию. Он может несравненно больше трудиться, сделать, приобрести, чем другой, бездетный. Это хорошо понимали древние, чьи нравы

были простодушнее, но невиннее, чем наши; они исчисляли богатство по числу своих детей и полагали: юные мальчики – как стрелы в руке сильного воина; счастлив тот, чей колчан полон ими! Они не подведут, когда у ворот ведешь переговоры со своими врагами. – Многие дочери приносят богатство[12]. – Хорошая комната, полная хорошими детьми, постоянно преподносит родителям самые приятные сцены. Никакие театральные подмостки не способны принести в душу такую чистую, здоровую и придающую силы радость, как занятия и игры маленьких потомков; ни один канатоходец-эквилибрист не может нас так развеселить, как пошатывание ребенка, отважившегося сделать свои первые шаги; поистине ни один концерт не сладок отцовским и материнским ушам так, как его лепетание; соло с пятью матадорами не может тронуть сердце так, как добрый поступок ребенка, и ни одна парижская шляпка не имеет такого очарования, как кусок сукна, для которого маленькая Лотта сама спряла нити и который теперь преподносит матери, или рисунок, сделанный маленьким Вильгельмом.

Но эти радости, эти сладкие и все же общедоступные радости, которыми может наслаждаться даже батрак, которые могли бы развеселить нас при всех тяготах жизни, для большинства родителей более не существуют. Невосполнимая потеря!

Как редко встречаются родители, которые знали бы цену своим детям, считали бы их богатством! Первого и второго они принимают с радостью, при появлении третьего их лица уже выражают досаду, а крестьянин, ставший отцом уже троих детей, чуть ли не всякий раз больше радуется увеличению численности своих стад, чем родам жены. Так уж устроен человек! Как редко встречаются родители, которые испытывали бы сладкую радость, способную вселить в душу гнездышко славных детей! Большинство рады, если могут вырваться от своих детей, для них нет часа радостнее, чем тот, что они проводят вдали от них; они ищут последний геллер, нередко закладывают одежду, домашние вещи и участки земли, чтобы доставить себе час удовольствия за пределами своего дома; считают потерянным каждый день, который им приходится проводить со своими детьми, и сетуют, что из-за детей их жизнь стала безрадостной. Как убоги и жалки эти люди! Они сидят на чистом источнике, который бьет из-под земли рядом с ними и своим нежным журчанием приглашает их испить воды, и жалуются на жажду.

Чуть ли не все эти угрюмость и безрадостность, которые замечаешь у большинства родителей, происходят из неправильного обращения со своими детьми. Они учат их непослушанию, упрямству, своенравию, лени, неаккуратности и

лживости. Дети с такими пороками и впрямь отнюдь не богатство. Отец столь одичавшей семьи – скорее несчастный, достойный сожаления человек. Для него каждый ребенок – командующий, который каждый день требует продовольствия, развлечений, одежды и обслуживания, не прикладывая ни малейших усилий для того, чтобы в целом семье жилось лучше. Поэтому бедный отец должен, выбиваясь из сил, трудиться и тянуть лямку, чтобы всегда быть способным уплачивать контрибуции, требуемые от него детьми. Единственное, что еще остается в его власти, – это позволять себе подчас устраивать головомойку и побоями проявлять свое недовольство. Люди лишают своих детей сил и делают их больными, им прививают множество самых отвратительных и неприятных пороков; и поэтому, конечно, нет ничего удивительного в том, если родителям крайне неприятно находиться с ними, если родители, вынужденные проводить свои дни в комнате, где один ребенок хнычет, другой своим бледным лицом вызывает жалость, третий бранится, четвертый галдит, тоскуют по месту, где можно свободно вздохнуть и за кружкой пива или вина либо в веселой компании забыть про детей и про свои страдания.

Все это и подвигло меня сочинить эту книжку. Она должна стать заступничеством и ходатайством за бедных беззащитных детей, многие из которых из-за невежества и неосмотрительности родителей лишились радости, добродетелей, здоровья и жизни. Я доказал это многочисленными примерами, прочитав их, едва ли кто-нибудь не вспомнит хотя бы об одном доме, где все происходит в точности так, как описывается в книге.

Несомненно, повсюду есть люди, обращающиеся со своими детьми неразумно, именно так, как здесь об этом рассказывается, и столь же несомненно, что родители по большей части сами являются причиной пороков своих детей, а нередко их болезней и смерти.

Правда, родители, которые совсем неотесанны, благодаря этой книге лучше не станут, они отложат ее, полные негодования, станут браниться и по-прежнему будут обращаться с детьми неподобающим образом. Но для них я и не писал.

Но что касается родителей, которые еще способны задуматься, у которых еще можно найти проблеск симпатии к своей собственной плоти и крови, то благодаря этой книге они все же станут внимательными. Каким образом? Они задумаются: быть может, я сам делаю моих детей больными? Быть может, я сам виноват в их порочных наклонностях, доставляющих мне столько неприятных часов? Эта мысль прочно засядет в них, они и дальше будут об этом размышлять и очень скоро убедятся, что я

говорил правду. Если хотя бы десяток родительских пар таким образом продвинутся так далеко, что будут стыдиться глупостей, которые они совершали прежде и которые я здесь порицал, если они откажутся от них, станут оберегать детей от изнеженности, противоестественных кушаний, лап шарлатанов и всего остального, что вредит здоровью и жизни юного гражданина мира, станут говорить и поступать всегда так, как им хочется, чтобы говорили и поступали их дети, станут проявлять больше любви и рассудка при их воспитании, если хотя бы в десяти домах восстановятся семейные радости, самые сладостные и здоровые из всех земных удовольствий, о, сколько добра я сотворил бы этими немногочисленными страницами! Как я хотел бы гордиться тем, что их написал!

Правда, мои читатели и читательницы еще не смогут из этой книги узнать, что им, собственно, надо делать со своими детьми, чтобы видеть их радостными. Пусть они сперва лишь убедятся – чему я и хотел научить их на всех этих примерах, – что причина недостатков их детей заключена в самих родителях, затем они могут найти дальнейшие поучения в моей книге «Конрад Кифер, или наставление по разумному воспитанию детей».

Вся книга написана в шутливом тоне; но не потому, что я думаю, будто глупости, о которых я здесь говорю, – несущественные, достойные осмеяния мелочи; ведь из того, что сказано мной в этом предисловии, уже можно заключить, что эти глупости я считаю злом, заслуживающим слез того, кто любит людей.

Я писал в шутливой манере скорее для того, чтобы заинтересовать больше читателей и в виде шутки преподнести им истины, столь полезные и необходимые большинству; тем самым книжку захочется прочесть также и тем, у кого нет достаточного терпения, чтобы выдержать серьезный доклад.

Надеюсь, мне простят, что тут и там иной раз встречается вульгарное выражение. Если хочешь изобразить, то нужно представлять вещи такими, какими их видишь. Опрятный, чистый костюм, который художник захотел бы надеть на тело нищего, оскорбил бы глаз знатока больше, чем порванный пиджак. Причина для недовольства появилась бы только в том случае, если бы изображение характера было настолько гротескным, что при этом пострадала бы стыдливость. А этого мне поставить в вину нельзя.

Впрочем, надеюсь, что все родители, имеющие хоть чуть-чуть здравого смысла, спрячут подальше от детей эту книжицу, чтобы она не попала им в руки. Они утратили бы у своих детей всякий почет и уважение, если бы те познакомились с этими глупостями

в их поведении. Даже самый ограниченный отец часто какое-то время утверждает свой авторитет у детей. Но этот авторитет сразу же пропадает, как только в присутствии детей отец обнаруживает свою ограниченность.

Предисловие к третьему изданию

В этом третьем издании я повсюду поправил некоторые обороты речи, привел различные педагогические ошибки, пропущенные в первых изданиях, и, таким образом, это издание имеет значительные преимущества по сравнению с предыдущим.

Насколько забавна форма изложения, которую я позволил себе в этой книге, настолько серьезно его содержание и настолько он заслуживает того, чтобы к нему прислушались. По моим ощущениям, подлинная беда людей – всегда следствие предрассудков людей, их глупостей, слабости и т. д., которые, в сущности, не связаны с их природой, а чуть ли не всегда отчасти подпитываются, отчасти действительно порождаются неправильным воспитанием. Приведенные в этой книге рассказы правдивы по содержанию, хотя их облачение – вымысел; пусть это утверждение будет служить вместо доводов. И в самом деле похоже на то, что главная причина человеческих бед лежит в первом воспитании, которое дают человеку, и, стало быть, дело можно поправить, если это воспитание улучшить.

Но именно это вселяет в нас надежду на то, что люди станут лучше и наступят более счастливые времена. Еще десять лет назад о воспитании говорилось крайне мало. Обязанность правильно воспитывать детей проповедовали и внушали со всех церковных кафедр, но как правильно воспитывать – об этом обычно хранили глубокое молчание. Пожалуй, это и не могло быть иначе, поскольку на собрании, состоявшем из родителей и детей, было неподобающим давать первым правила воспитания и порицать за ошибки. В сочинениях для народа, например в назидательных книгах и т. п., эта тема либо вообще не затрагивалась, либо обсуждалась лишь очень поверхностно. Поэтому неудивительно, что грубейшие педагогические ошибки допускались не только неотесанными, безнравственными людьми, но нередко и самыми образованными и просвещенными, преследовавшими наилучшие намерения, и зачастую дети самых образованных, честнейших отцов попадали в число наихудших.

Теперь же наоборот, повсюду мы видим рвение, с которым бьются над улучшением воспитания и стараются донести свободомыслящие о нем представления даже до сельского жителя! Разве это серьезное, все дальше распространяющееся стремление, в котором нельзя не увидеть руку провидения, не должно было оказать благотворного действия на человеческий род?

Пусть в этом поможет ему и настоящая книга – таково мое

искреннее желание.

Шнепфенталь, декабрь 1791 года

Х. Г. Зальцманн

Предисловие к четвертому изданию

Раз мой издатель счел нужным подготовить новый тираж моей «Книжки для раков», благодаря этому я получаю успокоительную уверенность в том, что и через двадцать пять лет после ее появления книгу продолжают читать. Удача, которая при нынешнем бумагомарании выпадает немногим книгам. При ее подготовке я сделал целью защитить мир детей от их родителей, сделать так, чтобы они могли радоваться своему детству и их радость не омрачалась предрассудками и неправильным обращением. Тому, кто все знает, известно, сколько я этим добился. Но я полностью убежден в том, что мой труд не был совершенно напрасным, что иная мать, которая обычно не могла терпеть своих детей, находит счастье в их детской комнате, а иной отец, который обычно искал радости за порогом своего дома, не может больше расстаться со своими детьми и что «Книжка для раков» способствовала такой перемене.

От «Книжки для муравьев», изданной мной некоторое время назад, я жду такого же действия, поскольку она преследует ту же цель, что и «Книжка для раков». В ней тоже я встаю на сторону малышей и стараюсь их защитить от неправильного обращения с ними их воспитателей.

Главный вывод той и другой таков: родители и воспитатели! Если у ваших детей есть пороки и дурные привычки, то ищите причину не в них, а в себе! Для многих, конечно, эти слова очень жесткие, но, несомненно, правильные, и если они верно поняты, приняты и им следуют, то результат, который они должны принести, будет весьма благотворным. Если они будут приняты, то у родителей и воспитателей откроются глаза, и мир ребенка предстанет перед ними в привлекательном свете.

Проявлений невоспитанности, коварства, злобы, слабонервности и т. п., которые они обычно замечают у своих малышей, больше не будет; они увидят лишь невинных созданий, пока еще неразумных, а потому подверженных тысячам глупостей и легкомысленных поступков, и столь же мало будут возмущаться ими, как спотыканием маленького однолетнего Фрица, косолапящего при ходьбе.

И счастья вам, вашим малышам, которым так повезло, что растут под присмотром людей, ищущих причину их недостатков в себе. Тогда они станут по-настоящему здоровыми и радостными, добрыми и разумными, им останутся неведомы все те мучения, которые в противном случае отравляли бы радости детства, а их улыбку превращали бы в гримасу страдания, и вырастут в мужчин

и женщин, которые своим потомкам передадут по наследству всю благодать, данную им разумным воспитанием.

Шнепфенталь, ноябрь 1806 года

Хр. Г. Зальцманн

Как вызвать к себе ненависть у детей

Поступайте с ними несправедливо, и ненависть возникнет сама собой!

1. Маленькая Лотта гуляла в саду своего отца. Там было полно фиалок. «Ух ты! – воскликнула Лотта от радости. – Какие красивые цветочки! Я нарву их полный фартук и сделаю маме букетик». Она проворно опустилась на колени и с величайшим старанием собрала их полный фартук, затем уселась под яблоней и сделала букетик. «Вот так! – сказала она. – Теперь я поспешу к любимой маме и принесу его ей. Как ей будет приятно! А мне за это достанется парочка сладких поцелуев».

Чтобы доставить маме еще больше радости, она пробралась на кухню, взяла фарфоровую тарелку, положила на нее букетик и устремилась, прыгая по лестнице, наверх к матери. Тут Лотта споткнулась, упала, и на тебе – фарфоровая тарелка разбилась на сотни кусков, а букетик отлетел на большое расстояние. Мать, которая в комнате слышала падение, тотчас подскочила к двери и увидела разбитую тарелку, она побежала назад, принесла толстый прут и, ни словом не осведомившись, зачем ребенку понадобилась тарелка, разгневанно набросилась на него.

Тот, ужасно напуганный из-за падения, из-за разбитой тарелки и из-за прута, был полуживой и не мог вымолвить ничего, кроме: «Милая мама! Милая мама!» Но это никак не помогло. «Ты, маленькая бестия! – сказала мать, – разбила такую красивую тарелку!» – и дала ей один крепкий шиллинг [удар розгами].

Лотта пришла в ярость, поскольку видела, что с ней обошлись явно несправедливо. Она долго не могла этого забыть, и ей никогда больше не приходила в голову мысль сплести маме букетик.

2. Маленькая Луиза получила от своей крестной в подарок на Рождество небольшой поднос, полный оловянной посуды. Большей радости она не могла бы ей доставить. Еще в тот день, когда ей его подарили, она аккуратно расставила на нем всю посуду. Если к ней приходили другие дети, то обычно она устраивала для них небольшое пиршество, при этом всякий раз использовались чашечки, тарелочки и маленькие подсвечники, стоявшие на подносе. Как только они уходили, все снова перемывалось и ставилось на свое место. Ее крестная была этим

очень довольна, потому что рассматривала это как способ уже в раннем возрасте приучить ребенка к порядку.

Но радость длилась совсем недолго. Однажды Вильгельм, ее младший брат, потянулся к оловянной посуде, и отец тут же дал ему мисочку. Затем он попросил еще раз и получил тарелочку. Ту и другую он мгновенно согнул. У Луизы, когда она вернулась и увидела ущерб, который нанес ей брат, выступили на глазах слезы. Но она слышала, что мисочку и тарелочку ему дал отец, и поэтому свою горечь сдержала. Но на другой день повторилось все то же самое, и оказались согнутыми два подсвечника.

Луиза не могла больше терпеть. Полная горя, она побежала к отцу: «Милый папа, – сказала она, – ты ведь знаешь, что Вильгельм испортил мои красивые вещи?» – «Глупая девчонка, – получила она в ответ, – какое тебе до этого дело? Я могу делать с твоими вещами все, что хочу».

Луиза замолкла. Не прошло и четырех недель, как вся ее радость оказалась в мусорном ведре. Она подавила горечь, но с тех пор так злилась на своего отца, что долгое время не могла ласково на него смотреть.

3. Я знал одного чудаковатого отца, который не был способен спокойно за что-нибудь выговаривать своим детям или наказывать их. Хотя они часто буянили, ссорились и дрались, он не особо пытался их успокоить; но если в работе шло что-то не так, как он хотел, или если его оскорбляли – жена или кто-то другой, – то он приходил в дикую ярость.

Когда он еще не был женат, разбивал в гневе чайные чашки или колотил свою собаку. Но с тех пор как у него появились дети, он обычно старался сдерживать с ними свой гнев. Хотя по самому ничтожному поводу он вел себя столь свирепо, что у них часто изо рта и из носа текла кровь.

Разве могли дети остаться добрыми к такому тирану?

4. «Скажи только, что мне делать с моей Кристианой? Такой упрямой, черствой девочки на свете больше нет. Если я ей на что-то указываю, она тут же огрызается; если я что-то приказываю, ты бы только посмотрел, как она на меня смотрит – словно хочет меня задушить. Глаза бы мои больше не видели эту девку!» Так одна мать говорила своему брату.

Брат, который прежде подмечал в маленькой Кристиане самую невинную, самую нежную душу, немало был удивлен этим суровым обвинением, призвал сестру к терпению и обещал ей вскоре выяснить причину перерождения ее дочери.

Повод вскоре нашелся. Фрау Зельбстин, так звали мать

Кристианы, принимала у себя компанию друзей, среди которых находился и ее брат.

Когда подали кофе, дети должны были подойти к фрау Зельбстин.

Их было трое. Двое из них были необычайно красивы, и во всей их внешности было что-то настолько приятное, что они обязательно должны были понравиться каждому, кто их видел. Они были смелыми и богаты мыслями, над которыми все смеялись, потому что иной раз они были невпопад. Маленькая Кристиана тоже не была безобразной. Но она терялась, когда стояла между своими красивыми сестрами. Ей приходили в голову очень милые мысли, но она была такой робкой, что говорила мало, особенно в большом обществе. Те девочки были одеты с иголочки, и по ним можно было видеть, что мать очень старалась красивой одеждой сделать их еще более очаровательными. Маленькая Кристиана была одета крайне небрежно, и совершенно отчетливо было видно, что весь ее костюм был составлен из предметов одежды, которые раньше носила мать.

«Какие прелестные дети!» – воскликнули гости, как только те вошли в комнату, и каждый расцеловал сестер Кристианы. Она же получила лишь пару холодных поцелуев, а затем ее оставили стоять в стороне. Других же девочек целовали и целовали, сажали себе на колени, расхваливали их наряд, банты, ленты на руках; с ними заводили беседу, а бедную маленькую Кристиану не замечали. Мать, в течение нескольких минут с величайшим удовольствием наблюдавшая эту комедию, начала расточать похвалу двум этим девочкам. «Такие потешные дети, этого я не могу вам даже передать. Только представьте себе, какую проделку вчера учинила Лотта! Я могла бы до упаду смеяться. А Луиза, вот ведь тоже пройдоха!»

Так мать болтала, наверное, полчаса. О маленькой же Кристиане вообще никто не думал. Она стояла в углу, будто вообще не имела отношения к дому. Она сконфуженно опустила глаза, разглядывала ногти на пальцах, теребила бант на своем фартуке – ее лицо окончательно искривилось, потому что она не могла этого больше выдержать, она выскочила из комнаты и довольно громко хлопнула дверью.

«Видишь, брат, – сказала мать, – какой ужасный ребенок?»

Но брат был вне себя от негодования. Его руки и ноги дрожали. Ему потребовалось удалиться в соседнюю комнату, где он опустился в кресло.

«Ну? – сказала мать, застав его в таком состоянии, – что это значит?»

Брат. О, оставь меня, жестокая мать!

Мать. Я? Жестокая?

Брат. Да, ты.

Мать. С кем же я жестокая?

Брат. Ты жестокая со своими детьми и особенно с бедной Кристианой.

Мать. Не понимаю, что это за болтовня. Объяснись четче! Разве это жестокость, что я не сразу приказала ее отлупить, чего она заслужила, когда хлопнула дверью?

Брат. Фи! Как может женщина, которая хочет быть разумной, говорить так необдуманно. Кристиана не такая красивая, как ее сестры, и тут она ничего поделать не может. Но вместо того чтобы подумать, какой ей подобрать костюм, который все же немного восполнит то, в чем ей отказала природа, ты заставляешь ее донашивать свои тряпки, а других детей увешиваешь сотнями бантиков, чтобы весь мир на них смотрел и не замечал Кристиану. Всем тем, что произносят те дети, даже если это совсем неумно, восхищаются и улыбаются. Вместо того чтобы одернуть посторонних людей, которые не знают о хороших качествах Кристианы, и обратить их внимание на ее достоинства, ты выступаешь заодно с ними и стараешься сделать все, чтобы расположить их к тем детям. Быть может, маленькая Кристиана балда? Разве они ее не обидели? Разве ты сама не причиняешь ей зла?

Разве ты не делаешь так, чтобы она тебя невзлюбила, чтобы она стала завидовать своим сестрам? А сестры! Короче говоря, я беру Кристиану к себе.

И он действительно это сделал. Прощаясь, он взял Кристиану с собой домой, и под его присмотром за несколько недель она стала самой хорошей и очаровательной девочкой.

Или этой цели можно также достичь, если родители постараются привить детям неприязнь к другим

1. У одной матери были три вещи, которыми она старалась запугать своих детей, – Боженька, отец и Серый Волк. Если дети друг с другом играли и подчас становились чуть шумными, то она грозила им кем-то из трех. Либо она говорила: «Тише, дети, Боженька накажет, он бросит вас в жаркую преисподнюю!» Либо: «Тише, Серый Волк придет!» Либо: «Вот придет отец и задаст вам такую порку, что свет милым не покажется».

Эффект от этого был таков, что дети одинаково невзлюбили Боженьку, отца и Серого Волка.

2. Когда отец наказывал маленькую Маргарет за ее своенравие, то она всякий раз бежала к матери и жаловалась на отца. Та ее жалела и говорила: «Какой злой отец, так бить бедного ребенка! Вот, Маргарет, тебе пфенниг, сходи и купи себе булочку». Разве удивительно, что маленькая Маргарет невзлюбила злого отца?

Будь бесчувственным к ласкам своих детей!

Не разделяй их радости, и они непременно будут питать к тебе злобу

1. Одна милая супружеская чета всегда была настолько занята делами и предприятиями, что каждое мгновение, когда нужно было поговорить со своими детьми, считалось потерянным. Муж вел подсчеты, а жена все время строила планы, как им сохранить и преумножить свой скарб. Поэтому они всякий раз болезненно переживали, когда дети отрывали их от дел.

Тоскуя, младенец протянул свои ручонки, чтобы погладить щеки отца, но тот безучастно его оттолкнул. Улыбаясь, к нему подскочил со своей азбукой маленький Никлас и сказал: «Смотри, папа! Милая обезьянка держит в лапке яблочко!» – «Оставь меня в покое»! – получил он в ответ. Он подбежал к матери, и та его оттолкнула.

Тогда Никлас со своей книгой подошел к служанке, и та обошлась с ним лучше. Она порадовалась вместе с ним обезьянке, показала ему волка и зайчика и рассказала ему, как волк пожирает овечку и какой вкусный жареный заяц.

За это она и стала для него милой Марией, знавшей все его секреты и разделявшей все его радости.

Отец и мать могли уехать на три месяца, а он нисколько из-за этого не переживал. Но если Марии не было дома хоть день, то можно было услышать плач!

2. Маленький Людвиг получил от своего знакомого несколько растений левкоя и посадил их в цветочный горшок. Он привязался к ним всем своим сердцем. Утром первое, что он делал, – шел в сад, чтобы взглянуть на свои растеньица. Вечером он никогда не ложился спать, их не полив.

Однажды утром он пришел в сад, и – вот радость так радость! – один левкой расцвел, да к тому же махровый!

Захлопав в ладоши и несколько раз подскочив от радости, он

побежал к отцу.

– Папа! Папа! Пошли со мной быстро в сад!

– А что мне там делать?

– Я хочу тебе показать что-то очень красивое.

– Что же?

– Пошли! Пошли! Очень красивое!

– Ты дурень!

– Нет, действительно! Левкой, махровый!

– Отцепись со своим дурацким левкоем!

Но поскольку сердце маленького мальчика настолько было полно радости, что ее обязательно нужно было кому-то излить, он побежал к маленькому Килиану и показал ему красивый цветочек.

Тот порадовался вместе с ним и постепенно завоевал любовь и доверие, которые Людвиг с большой охотой даровал бы отцу, если бы тот только захотел это взять.

Отказывай своим детям в невинных забавах, и они тебя возненавидят

Одному мужчине в пятьдесят лет выпала радость стать отцом. По причине возраста он был степенен и серьезен в своем поведении и хотел, чтобы его Густав был точно таким же.

Но тот был другим. Когда он стал твердо стоять на ногах, он ощутил свои силы и ловкость, прыгал, шутил и искал друзей, чтобы развлекаться с ними.

Это доставляло отцу немалое огорчение.

Иногда он брал с собой маленького Густава к своему компаньону, и они шли по полю. Если же тот гонялся за бабочками или бегал вприпрыжку по лугу, чтобы набрать цветов, то отец в негодовании тут же ему кричал: «Густав! Густав! Чего же ты бегаешь? Быстро ко мне! Фу, какой дикий уличный мальчишка! Посмотри, как хожу я! Разве ты не можешь ходить точно так же?»

Кегли, которые Густав получил в подарок от своего кузена, он сжег, а мяч, который сын однажды принес домой, порезал и сказал, что время, которое тот хотел потратить на игры, можно использовать лучше, если выучить главный раздел из катехизиса.

Если Густав находился при нем в комнате, то он должен был все время сидеть, не вставая со своего места.

Таким обращением этот мужчина добился того, что его сын настолько его возненавидел, что предпочитал общаться с самыми неотесанными людьми, нежели со своим отцом.

Когда отец умер, ни одна слеза грусти не пролилась из его глаз. «Хорошо, – думал он, – что я избавился от этого докучливого надзора, ведь теперь я могу жить, как хочу».

Высмеивая своих детей, ты тоже можешь вызвать у них к себе ненависть

1. Мастер Якоб настолько привык к насмешкам и издевкам над людьми, что не мог обходиться без них, даже когда разговаривал со своими детьми. Он никогда не мог мягко указать на их промахи, а делал это оскорбительным, язвительным тоном.

Если, к примеру, ребенок вечером засыпал на своем стуле, то, как правило, в наказание он рисовал ему чернилами или углем усы, а затем хвастался издевкой перед прислугой.

Однажды за столом его дочь пролила на фартук похлебку, он тут же сказал ученику, что, когда он от них уйдет, пусть закажет у плотника корытце, чтобы она впредь могла из него есть; вскоре он также раздобудет ей пару приятелей; соседская свинья родила прелестных поросят, он купит пару самых пестрых, пусть они составят Марте компанию! Но неразумная мать, вместо того чтобы пожалеть пострадавшего ребенка, залилась громким смехом, и все ее остальные дети рассмеялись вместе с ней.

Однажды во время игры Марта испачкала лицо, руки и одежду так, что и впрямь выглядела теперь весьма неопрятно. «Ай-ай-ай! – воскликнул отец, увидев ее. – Какая галантная барышня! Должно быть, она в самый раз подойдет Дректхомзену (имя одного глупого человека, над которым потешались уличные мальчишки). Не правда ли, Марта, это был бы милый возлюбленный для тебя?»

И это всегда происходило в присутствии служанки и ученика, которые обычно с громким смехом воспринимали подобные издевки, а потом точно так же дразнили детей.

Разве могли дети любить такого отца?

2. Несколько дней назад маленькая Луиза научилась у своей матери управляться со швейной иглой. Теперь она должна была под боком у матери пройти испытание своего умения и подшить носовой платок. «Хочется, – думала она, – сделать действительно хорошо, чтобы мама тебя похвалила, а отец – кто ж знает, что сделает он, если и впрямь хорошо получится!»

Нужно было видеть, как старательно шила славная девочка, от большого усердия она даже забыла съесть крендель, который ей дали на завтрак. Но Луиза была не только прилежной, ей и в

самом деле хотелось очень хорошо сделать, и поэтому она, как только делала двадцать – тридцать стежков, подбегала к матери и спрашивала: «Так правильно, милая мама?» И тут же быстро опять бралась за работу.

Все шло к тому, что у нее должно было получиться как нельзя лучше, и – надо же! – славный ребенок так уколол себя в палец, что полностью растерялся, испугавшись непривычной и неожиданной боли. Девочка грустно протянула палец матери и скорчила такую несчастную рожицу, что могла бы разжалобить даже камень.

Но неразумная мать, вместо того чтобы пожалеть страдающего ребенка, разразилась громким хохотом, и все ее остальные дети рассмеялись вместе с нею.

И тут Луиза, полная негодования, бросила носовой платок и иголку, громко зарыдала, побежала на кухню и выплакалась.

Там она и нашла сочувствие и утешение, а маленькая Катрин проявила доброту, перевязав ей лоскутком раненый палец и заверив ее, что вскоре он заживет.

Но неуместная насмешка матери настолько ее обидела, что на какое-то время она ее возненавидела. Да и в дальнейшем не раз бывало, что мать ее высмеивала, когда она ударялась или резалась, и в конце концов та стала ей совсем ненавистна, а мать совершенно не понимала, как такое могло случиться.

Как сделать, чтобы дети тебе не верили

Почаще лги и обманывай, и они больше не будут тебе верить

1. Первого апреля мать договорилась со служанкой и учеником подшутить над маленькой Сабиной. Вскоре заговор был осуществлен – Сабине было поручено в большом горшке, который ей дали для этой цели, принести из аптеки жир домового. «Сейчас, милая мама! – сказал невинный ребенок. – Я только накину свое пальтишко».

И вот она побежала вприпрыжку, полная радости от того, что могла оказать любезность матери. Но когда она пришла в аптеку, над ней посмеялись.

Рыдая, она вернулась домой и хотела осведомиться у матери, правильно ли она ее поняла.

Тут мать, ученик и служанка разразились звонким смехом и напомнили ей: «Разве ты не знаешь? Сегодня же первое апреля».

Сабина с негодованием развернулась, бросила на мать взгляд, полный презрения, будто хотела сказать: «Подлая женщина! Разве ты заслуживаешь, чтобы я впредь тебя называла мамой?»

Если по прошествии времени мать что-нибудь ей говорила или от чего-либо предостерегала, то Сабина думала: «Хм! Кто знает, правда ли это?»

2. У Франца появился братик. Когда он его увидел, то спросил отца: «Папа! Скажи мне все-таки, как появился братик?»

– Его принес аист.

– А где его взял аист?

– На улице перед воротами, там есть пруд, в котором плавают дети, оттуда и взял аист твоего братика.

Маленький Франц в это поверил, побежал к своей старшей сестре и рассказал ей о том, что только что узнал от отца.

Сестра посмеялась над легковерием мальчика и рассказала ему все, что знала о том, как рождаются дети.

Когда потом отец что-то рассказывал, маленький Франц обычно спрашивал: «Папа! А ты не обманываешь, как тогда с аистом?»

Как сделать, чтобы дети тебя презирали

Ознакомьте своих детей с вашими недостатками, и они точно будут вас презирать

Ганс и Грета довольно хорошо относились друг к другу, но у них обоих был такой темперамент, что мелочь, на которую в других семьях вообще не обращают внимания, настолько выводила их из себя, что они теряли всякую рассудительность. Утром они нередко нежнейшим образом обнимались и заверяли друг друга в любви, но в тот же час морщили лоб, хмурили брови, скрежетали зубами, открывали рты и произносили кучу грубых и оскорбительных слов.

Так, например, однажды Ганс страстно обнял свою Гретхен и сказал: «Наимилейшая Гретхен!»

Гретхен. О милый Ганс!

Ганс. Если бы я только мог тебе сказать, как я тебя люблю!

Гретхен. О, ты самый лучший на свете!

Ганс. Но дырку у Христофа в куртке ты все еще не зашила.

Гретхен. Так и знала. Стоит лишь встать с постели, как начинается брюзжание. Это…

Ганс. Но! Но! Я вправе все-таки об этом сказать, разве не я в доме хозяин?

Гретхен. Ха, ха, ха! Хозяин? Такой парень, как ты? Только не тебе говорить, кто в доме хозяин.

Ганс. Женщина, не разглагольствуй! Ты должна быть благодарна Богу, что заполучила меня.

Гретхен. Ах, подумать только! Такого оборванца, как ты, можно найти где угодно.

Ганс. Ты, Гретхен, говори да не заговаривайся. Ты же ничего не делаешь, тебе совсем наплевать, что твои дети ходят как нищие. А твое белье – стыд и позор, что порядочному человеку приходится его видеть.

Гретхен. Фу! Что за болтовня. Тебе ведь только до самого себя есть дело!

Дети обычно очень жадно внимали таким перебранкам.

Заметив это, родители удваивали свои силы, обзывая друг друга самыми обидными и оскорбительными словами, потому что каждому хотелось убедить детей в том, что прав именно он, а не другой.

Дети мысленно признавали правоту обоих и считали того и другого никчемными людьми. В конце концов дело зашло так

далеко, что они совсем перестали обращать внимание на приказы своих родителей, а родители никак не могли понять, почему так случилось.

2. Один человек имел тот недостаток, что если в компании своих друзей он выпивал стаканчик вина, то без раздумий выбалтывал все, что было на языке. Нередко он забывался настолько, что рассказывал обо всех своих юношеских сумасбродствах. Его распирало от смеха, когда он вспоминал, как в детстве накинулся на свою мать в чулане, где хранились яблоки, или о том, что он из озорства вытворял вместе со своими школьными товарищами и каким излишествам предавался то в одном, то в другом трактире во время своих странствий.

Его дети находили в этих рассказах так много удовольствия, что зачастую оставляли лежать на столе нож и вилку, забывали про еду и питье, чтобы не упустить ни слова.

Правда, когда он это заметил, осекся и произнес: «Что поделаешь, если молод, молодо-зелено, погулять велено!»

Поскольку же дети знали, что они тоже молоды, то подумали: у них тоже должны быть пороки, и позволяли себе все излишества, которые совершал их отец, и еще многое другое.

Если затем отец делал им за это внушение, то обычно он мало чего добивался, ибо они думали: «Но ты ведь поступал не лучше!»

Побольше отдавай приказаний, но не расспрашивай, как их исполнили; всегда угрожай, не приводя своих угроз в исполнение, и вскоре ты станешь посмешищем для детей

1. Если судить по требованиям, которые хозяйка предъявляет к детям, то можно подумать, что их семья – образец порядка.

– Кристиана! Ты должна следить за чистотой в спальне и каждое утро ее убирать; вешать свою одежду в этот шкаф! Белье класть в этот ящик! Помни об этом!

– А ты, Вильгельм, должен полоскать стаканы и чистить нож; весь день ты должен справляться, за чем мне тебя нужно послать! Заруби это себе на носу!

Эти речи она вела ежедневно и ежедневно устанавливала им новые законы, не выясняя, как исполнялись старые. А маленькая Кристиана не убирала спальню и бросала свою одежду и нижнее белье там, где снимала; Вильгельм же не полоскал стаканы и не чистил нож, а весь день проводил, конечно, на детской площадке.

В конце концов дело зашло так далеко, что дети

поворачивались спиной и смеялись, когда мать хотела установить им новые правила.

2. «Посмей еще раз хлопнуть дверью, и ты узнаешь где раки зимуют! Если ты еще хоть раз сядешь с немытыми руками за стол, то непременно получишь на обед сухой хлеб! На этот раз я тебе это прощу, но если ты опять так поступишь, то я непременно задам тебе такую порку, какой ты еще никогда не получал! Так, посмотри на меня! Ты, наверное, думаешь, что это была шутка? Только посмей! Ты увидишь, что со мной шутки плохи».

Таким тоном отец каждый день говорил с детьми. Его слова были сплошными угрозами, которые никогда не исполнялись.

Дети это вскоре заметили. Они хлопали дверью, с грязными руками садились за стол, по-всякому озорничали, ничуть не боясь угроз отца.

Из-за этого добрый человек входил в такой раж, что его всего трясло, он так бил кулаком по столу, что звенели стаканы, и божился, что однажды задаст другим наглядный урок на примере своих детей, который они на всю жизнь запомнят.

«Хм! – думали тогда дети, – так быстро это не получится».

3. «Скоро Рождество! Тот из вас, кто и вправду был благочестивым, получит что-то очень красивое. А кто был плохим, тому кроме прута ничего не достанется».

Эти речи фрау Лора произносила своим детям каждый день, начиная с первого предрождественского воскресенья. Константа, который и без того был добрым и послушным мальчиком, они еще больше подвигли на добрые дела, но Клару, маленькую ветреницу, они нисколько не побудили отказаться от своего легкомыслия. Она осталась такой же шаловливой, ленивой и злой, как прежде.

Констант часто выговаривал ей за это и напоминал, что она может получить дополнительный подарок на Рождество.

«Хм! – отвечала Клара, – непременно; еще до того как наступит Рождество, мать все забудет!»

И вот наступило Рождество. И что же произошло? Добрый и послушный Констант получил целый чан яблок, орехов и пару новых брюк; зато непослушная Клара получила точно такую же большую корзину, полную яблок и орехов, да к тому же еще и красивую юбку, которая, наверное, стоила не меньше, чем брюки Константа.

«Ну что, съел?! – сказала она ему. – Что я тебе говорила? Я все-таки не была дурой и не побоялась ругани матери». Констант взял себе это на заметку. Если фрау Лора впредь говорила о пруте

или палке, то он смотрел на Клару и посмеивался.

Способ заблаговременно вселить в детей ненависть и зависть к своим братьям и сестрам

Лиши своей любви одного и подари ее кому-то другому!

Два брата, Кристиан и Христоф, по существу, были добрыми мальчиками, но обладали совершенно противоположными нравами. Кристиан был веселым и остроумным, Христоф – наоборот, угрюмым и недовольным. Каким был их нрав, такими были и их повадки. Кристиан всегда был улыбчивым, на лице его читалась любезность. Христоф всегда выглядел серьезным и мрачным, его редко видели смеющимся. Тот всегда передвигался вскачь и вприпрыжку, этот имел неуклюжую походку. Тот был очень богат на шутливые мысли, и тем беднее был этот. И даже если оба они произносили одно и то же, благодаря своему дружелюбию Кристиан выражал свои мысли лучше, чем Христоф. Если Кристиан говорил: «А мне будут вишни?» – то отказать ему было почти невозможно. А если Христоф говорил: «А мне будут вишни?» – то казалось, будто он проявлял невоспитанность.

Совершенно естественно, что все, кто не знал добрую душу Христофа, им пренебрегали и отдавали предпочтение Кристиану. Дети толпились возле него и вовлекали его в игру, а того оставляли стоять в стороне; если в дом приходили чужие люди, то они без устали расточали Кристиану похвалу и лесть; а доброго Христофа попросту не замечали.

В конце концов это зашло так далеко, что сами родители заглядывались на Кристиана, а Христофа лишили чуть ли не всей любви.

Уже тон, которым они говорили с обоими, был совершенно различным, так что можно было подумать, что Христоф – пасынок.

– Кристианчик, ты не мог бы принести мне стакан воды?

– Так, Христоф, возьми стакан! Принеси его полным воды!

– Иди ко мне, голубоглазый птенчик! Я кое-что тебе принесла. Вот смотри – вишни!

– Так, Христоф, вот тебе тоже вишни!

– Ах! Милый Кристиан, у тебя все личико синее от черники.

– Разве можно так выглядеть мальчику – как свинья! Как будто у меня других дел нет, как за тобой стирать.

– Кристиан! Кристиан! Если ты мне еще раз это сделаешь, то

держись. Я не люблю наказывать, ты это знаешь. Но если ты по-хорошему не понимаешь, ты ведь знаешь, что такое розга?

– Негодный мальчишка! Что ты наделал? Если посмеешь сделать так еще раз, то, будь уверен, я так надеру тебе уши, что ужом будешь вертеться.

Каким разным был тон, которым эти люди говорили со своими детьми, точно так же по-разному они вели себя с ними.

При самых серьезных проступках Кристиан отделывался небольшим замечанием. Христофа же строго наказывали при малейших провинностях; тот получал то медовую коврижку, то миндальное пирожное, то персик, а бедный Христоф оставался ни с чем. Наверное, с десяток раз за день мать щипала Кристиана за полные щеки, а добрый Христоф – так он лишь однажды получил ласку! За столом Кристиан всегда получал первый и лучший кусок; если родители шли на прогулку, то ему нужно было лишь покоситься своими голубыми глазами на мать и отца, чтобы пойти вместе с ними; а Христоф – тот всегда должен был оставаться дома; его взяли с собой лишь однажды, и ему это было преподнесено как особая милость. Само собой разумеется, Кристиан имел предпочтение и в одежде, и ему всегда старались привязать или приколоть что-нибудь такое, что бросалось в глаза.

Из-за этого Христоф с каждым днем все больше ожесточался. Он невзлюбил своего брата. Если тот получал что-то в подарок, то, вместо того чтобы порадоваться за него, он злился; и наоборот, если Кристиану делали замечание, если тот ударился или упал, то он испытывал радость. Обычно Христоф мало смеялся, но однажды все-таки можно было его увидеть смеющимся, когда со шкафа упал красивый цветочный горшок, полученный его братом от матери.

Злость в его сердце каждый день получала подпитку и стала настолько сильной, что в конце концов он не мог ее больше скрывать.

Вначале он просто бранился. Если Кристиан получал что-нибудь до него, то он разражался всякого рода неподобающими речами: «Это правда непозволительно – Кристиан получает все, я не получаю ничего, ой-ой-ой, я точно такой же ребенок», – остальное он бормотал сквозь зубы, которые обычно скрежетали от злости.

Впоследствии он зашел так далеко, что стал строить своему брату всевозможные козни. Он вырывал страницы из его книг, пачкал его одежду, они каждый день нападали друг на друга, ругались и дрались, а поскольку у Христофа кулаки были крепкие, он часто валил своего брата, хватал его за волосы и бил головой о землю.

Разумеется, его каждый раз за это наказывали, но это нисколько не помогало. С каждым днем он вел себя хуже и хуже, и его мать не раз говорила: «Если бы я только знала, откуда все это взялось! Он неисправим! Ему каждый день устраивают порку, а он все такой же злой!»

Когда наказываешь одного ребенка, похвали другого!

Фрау Анна в своем поведении была немного вспыльчивой. Если ребенок допускал какую-нибудь оплошность, то она обрушивалась на него, трепала за волосы, давала ему оплеуху и била кулаком. Устав, она опускалась в кресло, читала долгие нотации, а затем обычно обращалась к другому ребенку, который в этот день обошелся без побоев, и точно так же преувеличенно произносила ему хвалебную речь.

Чтобы меня лучше поняли, я все же хочу привести пример.

Маленькая Катрин, ее старшая дочурка, однажды забавлялась возле воды. Она бросала в воду деревяшки, говорила, что это кораблики, и получала от этого удовольствие. Затем ей захотелось ловить рыбу, она опускала руки по локоть в воду и если ухватывала камешек или кусочек железа, то кричала своим подружками: «Эй! Я поймала рыбу! У меня карп! У меня форель!» Так забавляясь, Катрин потихоньку настолько промокла, что вся ее одежда стала насквозь мокрая. А маленькая Христина, которой на этот раз нравилось ощипывать пару молодых воробьев, в этой забаве участия не принимала и поэтому осталась сухой.

И вот фрау Анна увидела свою насквозь промокшую Катрин и тотчас – шлеп, шлеп – отвесила ей пару крепких оплеух. Она схватила ее за волосы, поволокла в комнату, еще несколько минут трепала ее, а затем, запыхавшись, опустилась в кресло и прочла ей еще следующую нотацию: «Ты – Богом забытый ребенок! Стыд тебе и позор! Я наряжаю ее и наряжаю, а все по-прежнему. Я все уши тебе уже прожужжала, а ты все такая же. Твое место в свинарнике, замарашка, форменная неряха. Как она тут стоит; штахета ты этакая! Недотепа! Только сегодня я тебе подвязала белый фартук – а как он уже выглядит! Фу! Я бы со стыда удавилась, если бы была ребенком у приличных людей и так по-свински себя вела! А вот Христину мне хочется похвалить! Какая чистая она тут стоит, словно ее котенок вылизал! Вот в ней что-то есть! Она никогда не совершит такой глупой выходки! Ну, подойди же, моя дорогая Христинка! Я хочу тебя поцеловать. А о Катрине – фу! я и знать о ней больше ничего не хочу – гнать ее нужно поганой метлой!»

Если же на другой день Христина делала что-нибудь не по матери, то такую же головомойку получала она, а Катрин ставили ей в пример.

Какую цель, собственно говоря, преследовала фрау Анна таким поведением по отношению к своим детям, я не знаю.

Но если этой целью было натравить детей друг на друга, то она успешно ее достигла.

Они так ожесточились друг против друга, что с удовольствием выкололи бы друг другу глаза. Ребенок, которого расхваливали, всегда злился на наказанного, потому что тот доставил матери так много огорчений, а наказанный негодовал, что сестренке, которая ведь ничем не была лучше нее, доставалась такая похвала.

Будь очень мягок, когда твои дети обижают друг друга, и остерегайся досконально разбираться в их ссорах

Марианна очень хорошо умела вкрасться в доверие к своим родителям, но не будет неправдой сказать, что она бывала также очень коварной, а иной раз и злой. Если у ее брата появлялась какая-нибудь вещь, которая нравилась ей, то она ее или надевала, или рвала, или разбивала, или скручивала. В таком случае Вильгельм начинал истошно вопить. Прибегали родители.

– Что такое? – восклицали они.

– Марианна, – отвечал Вильгельм, – забрала мои фишки и разорвала картинку.

– Надо ли поднимать такой шум из-за мелочи? А ну, утихомирься! Как долго это будет продолжаться? Ей эта игрушка надоест, она ее бросит, и ты сможешь взять ее обратно.

Таким было обычно все моральное удовлетворение, которое получал Вильгельм за обиды, которые ему наносила сестра.

Иногда, если дети начинали кричать, родители прибегали тоже и, не выясняя, кто затеял ссору, лупили обоих. Обычно особенно доставалось Вильгельму, потому что он имел обыкновение кричать громче всех.

Это так его злило, что он начал пытаться сам за себя постоять. Если сестра учиняла с ним злую выходку, то он набрасывался на нее и хватал за волосы, и истязал, и они так друг на друга озлобились, что всю жизнь ненавидели один другого лютой ненавистью.

Как заглушить у детей любовь к людям

Говори в присутствии своих детей побольше плохого о людях

1. Господин Оргон ставил свое кресло так, чтобы он мог видеть оттуда всю улицу и наблюдать за прохожими. Поскольку ему нечего было больше делать, он занимался тем, что обсуждал прохожих и этими суждениями развлекал свою женушку и детей. Эти суждения сплошь да рядом оказывались очень язвительными.

– Как все же лихо вышагивает Кетхен, будто и воды не замутила! Она, конечно, думает, что город уже забыл, что в прошлом году произошло с ней и с соседом? Хм!

– Вот идет дочка мастера Фридриха. Кто ее получит в жены, вот уж налюбуется ею: как она вырядилась, как виляет хвостом!

– Взгляните все сюда! Какой доктор Н. чванливый! Черт побери! Эх, будь улочка чуть пошире. Если бы он все же вспомнил о деньгах, которые ему нужно еще заплатить зятю, то вся его спесь сразу пропала бы!

– Подумать только! Мастер Йоргенс Готфрид, настоящий пропойца, в чулках! И все же наверняка у него нет рубашки на теле.

– Дети Н. ходят как оборванцы! Как они жалко выглядят – как будто куры отняли их хлеб! Хотя о мертвых принято говорить лишь хорошо, но их отец – утешь его Бог, если его можно утешить! – был подлецом. Сколько же зла он натворил в своей жизни! И все-таки Божья кара его не минует.

– Эй, крестьянин! Почем твое зерно? Восемь грошей осьмина? Мы что, дураки? *(Своим детям:)* Все верно, и все же нет большего проходимца на свете, чем крестьянин. Если он что-нибудь продает горожанину, то всегда подсовывает всякую дрянь, а лучшее оставляет себе. Тухлые яйца, молоко, которое пили мыши, больных кур и гусей – все это он несет на рынок, а наш брат должен все это съедать.

– У мастера Франца новый рокелор?[13] Наверняка он сделал пару хороших подвенечных платьев, чтобы присвоить несколько аршинов сукна. Я как-то слышал: все без исключения портные, мельники и ткачи – жулье.

– Смотрите! Вот мимо идет фрау Марципиллен. Какая важная! А если подумать, как женщина обычно взбирается так высоко! Ни в одной лавке ей не было что-либо по карману. «Все воскресенья должно быть жаркое – все дни два раза кофе». Ах, ах! Ей бы сейчас иметь хотя бы вдоволь селедки и ковента![14]

– Скорее, дети! Видите там человека в коричневом пиджаке? Это как раз тот, кого в прошлом году обвинила служанка.

Такими вот язвительными и бессердечными были суждения, которые господин Оргон выносил о своих знакомых. Ничего хорошего ни о ком он не говорил.

У всех людей он выискивал недостатки, которые отчасти давно уже были забыты, а если не мог их найти, то старался хотя бы зародить подозрение.

Дети, которые все это с любопытством выслушивали, постепенно стали приходить к мысли, что все люди – мошенники и дураки и что, кроме них, их папы и мамы, хороших и раз-умных людей на всем белом свете не существует.

Они с презрением смотрели на весь род человеческий, всегда думали лишь о себе, и никогда им не приходила в голову мысль что-нибудь сделать для счастья других людей.

2. Однажды Луиза, совершенно расстроенная, вошла в комнату и полезла в копилку.

– Ну? – спрашивает отец, – что случилось?

– Ах! Там, на улице, совсем бедная женщина. Она сказала, что у нее сегодня еще маковой росинки во рту не было и что у нее подагра.

– Ты не спросила, как ее зовут?

– Анна Барбе – это женщина с клюкой, которую я тебе уже однажды показывала.

– Разве? Ладно, тогда ты можешь сберечь свои деньги. Эта женщина все промотала. Иди! Скажи ей, что если бы в молодости она лучше хозяйничала, то ей не пришлось бы теперь попрошайничать.

– Я действительно не могу на это решиться.

– Тогда это сделаю я. Дружище! Разве не стыдно обременять других людей? Разве у вас нет своего дома, нет сада? Вы ведь берете за горло, не так ли?

– Боже мой, дорогой господин!

– Давайте! Давайте! Убирайтесь, или я покажу вам что-то другое.

Так бессердечно этот человек обходился со всеми бедными. Если все же по причине зажиточности ему иной раз приходилось отдавать пфенниг, то он все же старался заставить их расплатиться за этот пфенниг выслушиванием самых язвительных замечаний. То он говорил, что они лодыри и тунеядцы, которые не хотят работать, а ведь он тоже должен работать, то уверял, что они повергли себя в нищету своей прошлой безалаберной жизнью, что надо было правильно вести свои дела, чтобы

выбиться в люди, он, мол, лучше всех знает, как надо жить бережливо. Если же о помощи его просили калеки, которых он не мог обоснованно обвинить ни в лености, ни в мотовстве, то он говорил: «Кто знает, где они это заработали! Без причины Бог ничего не делает!»

Благодаря подобным речам благодетельная Луиза стала совершенно бесчувственной к нуждам бедных людей, более того, с течением времени она стала испытывать к ним самое настоящее отвращение. Если бедные люди жалостливо умоляли ее помочь, то она равнодушно проходила мимо и думала: «Какое тебе дело до всего этого сброда, а свои деньги ты можешь потратить и лучше».

3. Матери маленькой Лоры, как она говорила, ужасно не везло со служанками. Она давно уже искала прислугу, которая полностью ее бы устраивала, но, к сожалению, не может найти. Каждый год она выгоняла трех-четырех служанок в надежде, что когда-нибудь наконец у нее появится и в самом деле хорошая, но такую она так и не приобрела. «Одну чертовку, – имела она обыкновение говорить, – я прогоняю и получаю снова другую». Одна была слишком медлительная, другая – слишком нахальная, у третьей был такой вид, будто она хотела всех поубивать своими глазами, четвертая без умолку болтала. Словом, каждая из шестидесяти служанок, которые у нее побывали за шестнадцать лет супружеской жизни, имела свой большой недостаток.

И она всегда его замечала. Как только речь заходила о служанках, она с величайшей горячностью рассказывала, чего ей пришлось натерпеться с Юлиями, Христинами и Катринами, и имела обыкновение добавлять, что этот сброд не стоит того, чтобы подать ему даже кусок хлеба.

Если служанка допускала какой-нибудь промах, то надо было только услышать тот шум, который она из-за этого подымала! «Мерзавка, – говорилось обычно, – ты недостойна того, чтобы тебе солнце светило. Ну что за дура! Ты разве не знаешь, что ешь мой хлеб?» и т. п.

Под боком этой матери и росла маленькая Лора. С утра до вечера ей прислуживали служанки, они ей стелили постель, стирали ее белье, пекли ей хлеб, штопали ее одежду, готовили ей еду, из самых отдаленных районов города приносили ей все, что ей хотелось, и ни разу ей не приходила в голову мысль поблагодарить Бога за благодеяния, которые он ей расточал через служанок, ни разу ей не приходила в голову мысль хоть как-то проявить признательность за то многое добро, которое делали ей служанки.

Напротив, она обращалась с людьми, которые оказывали ей столько услуг, самым пренебрежительным образом. «Дура», «обезьянья морда», «недотепа» – такими были обычные прозвища, которые она им давала. И если что-нибудь было не так, как ей хотелось, если, к примеру, рвалась тесьма или не хотел правильно сидеть головной убор, то тогда звали служанку, чтобы она могла излить на нее свое недовольство.

Если бы кто-нибудь стал так обращаться с ее болонкой, то хотел бы я посмотреть, каково бы ему это было!

Как научить детей жестокости

Заблаговременно приучи их испытывать удовольствие при виде боли и мук невинных созданий

Сосед Килиан, по единодушному мнению всей деревни, был самым настоящим варваром. Он не знал большего удовольствия, чем мучить своих домашних животных. Обычно он спал под церковную музыку, но если слышал визг страдающего существа, то тогда у него появлялась ухмылка, он наслаждался.

После еды его обычное времяпрепровождение состояло в том, что он поднимал свою собаку за уши и сильно тряс; чем жалобнее она скулила, тем больше сверкали глаза Килиана, он стискивал зубы и тряс ее до тех пор, пока не задыхался. Если он скакал верхом хотя бы час, то лошадь должна была быть вся в пене, а сходя с нее, он всякий раз осматривал окровавленные шпоры. Он всегда сажал на свою телегу столько крестьян, что лошади едва могли сдвинуться с места, а если они хотели остановиться, то он тут же к ним подскакивал и так яростно колотил их дубинкой, толщиной в руку, что всем присутствующим из-за воплей приходилось отворачивать свое лицо. Поэтому у его лошадей всегда были ссадины размером с чайную чашку. Когда он шел рядом с лошадьми, то не отводил от них глаз, так что казалось, будто для него это было не печальное зрелище, а загляденье.

От побоев и страха его жена была полностью парализована, а ее здоровью после последних родов был нанесен последний удар, когда за то, что она потеряла ключ, он вытащил ее за волосы из кровати, защемил голову между дверьми, приставил к шее пилу и грозил перепилить ей шею.

Если он наказывал своих детей, а это очень часто случалось, то связывал им руки, подвешивал их и так бесчеловечно стегал свитой веревкой, что у них часто выступала изо рта пена.

Чужую служанку, которую он застал на своем лугу, когда та ощипывала траву, он так избил, что та осталась лежать полуживой, и ее жизнь удалось спасти лишь с великим трудом.

Когда он замечал, что у него воровали фрукты, то устанавливал самострелы, и все утро досадовал, обнаружив, что никто не застрелился.

Его обычной угрозой было: «Погоди, я разрублю тебя на мелкие части; однажды поймаю тебя и проверну нож в твоем теле».

Если родственники говорили ему, что для него все плохо

кончится, если он не изменит свой лютый нрав, то всякий раз он отвечал им словами: «Пошли прочь! Все равно когда-нибудь я помру. Или в постели, или на виселице, или на лобном месте– какая мне разница».

Такой своеобразный человек, должно быть, имел и своеобразное воспитание. Хотя и при обычном воспитании формируются многие странные существа, все-таки редко услышишь о таком странном субъекте, как Килиан.

После того как я долгое время тщетно пытался собрать точные сведения о его воспитании, в конце концов я повстречал одного его старого школьного товарища, которого спросил, не знает ли он, как все-таки получилось, что сосед Килиан стал таким ужасным чудовищем.

– Об этом легко догадаться, – ответил он, – разве могло быть иначе? Его отец – упокой, Господи, его душу – тоже был человеком никчемным. Ничего на свете он так не любил, как доставлять неприятности людям. Двое его сыновей не смогли с ним ужиться и отправились в морское плавание.

– Что ж, тогда легко понять, откуда взялась у Килиана жестокость. Но не можете ли вы припомнить, – спрашиваю я, – как с ним занимался отец, когда тот был еще маленьким?

– Думаю, что могу. Ведь я часто бывал у них дома, мы были соседскими детьми. Пожалуй, могу добавить, что маленький Килиан был избалованным ребенком и что отец приносил ему все, чем мог доставить ему радость.

– И что это было?

– Он разорял птичьи гнезда и приносил птенцов Килиану. Тот брал их и ощипывал, отрезал им крылья и лапы и смеялся до упаду, когда они катались в крови и пищали. Он притаскивал ему и отдавал на растерзание всевозможных щенков, мне самому было жалко бедных животных! Он не обезглавливал голубя, а сперва выкручивал ему крылья и давал поиграть с ним Килиану. А если резал курицу, то всякий раз делал так, чтобы она бегала с перерезанным горлом, при этом садился вместе со своим мальчиком и помирал со смеху от кувырков, которые совершало бедное животное.

– Так! Так! Если Килиана так воспитывали, то неудивительно, что он стал таким тираном. Кто выродился настолько, что получает удовольствие от страха и писка птенца и визга щенка, тот, когда вырастает, и сам обычно любит мучить людей и животных.

Как сделать детей мстительными

Если они недовольны, то всякий раз давай им нечто такое, на чем они могут выместить свое недовольство

Если маленький Густав падал или ударялся, то он всегда поднимал такой жуткий крик, что весь дом вставал от него как по тревоге. Прибегали напуганные родители и пытались его успокоить, причем следующим образом: они спрашивали его, как он упал, обо что ударился. Затем они приносили кнут или розгу, били ими по вещи, которая, как он считал, его обидела: «Ты гадкий камень! Надумал свалить маленького Густава! Я тебя научу быть вежливым! Ты подлый стул! Это ты ударил бедного ребенка по голове? Я тебя так поколочу, что навеки запомнишь!» Так говорили они, затем вкладывали кнут Густаву в руку, чтобы он тоже ударил с размаху, и таким образом он успокаивался.

Особенно необузданным он становился в том случае, если мама хотела его умыть. Вместо того чтобы настоять на своем и убедить его, что он сам испачкал лицо из-за своего легкомыслия, она всегда перекладывала вину на бедного Филара. «Это все, – говорила она, – из-за гнусной собаки, которая опять была тут и испачкала твое личико. Но погоди! Уж мы с ней сочтемся». И тогда Густав всякий раз косо смотрел на собаку. И едва отнимали от лица полотенце, тут же принимались колотить бедного пса.

Так Густав постепенно привык, каждый раз сталкиваясь с чем-то ему неприятным, набрасываться на ближайший предмет и вымещать на нем свою злость.

Поскольку теперь чаще всего рядом с ним находилась служанка, то именно ей и приходилось обычно испытывать на себе его гнев. Он бил ее, царапал и кусал. Часто это происходило в присутствии матери, но ничего неподобающего она в этом не находила.

Когда однажды он расцарапал служанке лицо и та настолько вышла из себя, что ударила его по рукам, из-за этого поднялся сильный шум. Родители бранили и оскорбляли ее. «Что вы себе вообразили, – говорили они, – что поднимаете руку на нашего ребенка? Вы ведь видите, что это маленький ребенок. Толстую крестьянскую шкуру сразу не порвешь».

И служанке тотчас пришлось убраться из дому.

Так воспитывали Густава, который, когда подрос, не раз избивал своих старых родителей и измывался над ними самыми ужасными речами, в ярости набрасывался на каждого, кто его

обижал, а если не мог отомстить человеку, то ломал стулья и бросал на пол кружки.

Если кто-то обидел твоего ребенка, то убеди его, что его серьезно обидели и он не должен давать обидчику спуску

Однажды после школы Мельхиор прибежал на детскую площадку и по-всякому там озорничал. Помимо прочего он забавлялся тем, что бросал в своих товарищей комьями земли и камнями, а они в ответ стали кидаться в него.

Пару минут все было весело и замечательно. Дети друг в друга не попадали, а если иной раз и попадали, то все же обходилось без травм.

Но вот маленький Иоганн бросил так неудачно, что попал Мельхиору в голову и пробил ему лоб. Тут все начали причитать. «Беда! Беда! У Мельхиора в голове дырка!»

Особенно безутешен был Иоганн. Он обнял окровавленного Мельхиора, поцеловал его. «Ах ты бедный шалун! – сказал он, – я не хотел этого сделать. Я не думал, что попаду в тебя. Ты тоже попал мне по коленям. Пошли со мной к воде, я тебя умою. Только не говори своему отцу! Слышишь! Мельхиор! Ради бога, не говори своему отцу, а то он меня побьет. Ладно? Обещай мне».

Мельхиор был растроган. Он понимал, что сам был виноват в своей напасти, потому что именно он затеял безрассудную игру. Кроме того, его пожалел бедный Иоганн, который так явно продемонстрировал свое раскаяние. Поэтому он поклялся, что своему отцу ни о чем не расскажет.

Тем не менее умолчать о случившемся было нельзя. Ведь голова была все же разбита, и Мельхиор не мог этого скрыть. В течение часа он не попадался отцу на глаза; но когда его позвали к столу, ему пришлось появиться, и отец сразу заметил, что голова у Мельхиора разбита.

– Ну! Что такое? Что с глазом? Я полагаю, ты разбил голову? Храни тебя Господь! Что же с тобой случилось?

– Я упал.

– Упал? Чего ж ты упал? Кто знает, чем ты занимался, где ты был?

– На детской площадке за церковью.

– А кто там был из мальчиков?

– Кристиан, Готфрид и Якоб.

– Больше никто?

– И… и Иоганн.

– Ну, я все же спрошу мальчиков, что произошло. И если

узнаю, что ты меня обманул, то непременно тебе этого не спущу. Прямо сейчас оденусь и пойду.

– Я хочу только сказать: один из них в меня бросил камнем.

– Кто? Кто в тебя бросил?

– Мне кажется, Иоганн.

– Вот ведь мерзкий негодник! Невежа! Так бросить! Жена, у нас беда! Этот негодник Иоганн бросил камнем в нашего Мельхиора. Смотри, у него в голове дырка! Если бы попало на толщину пальца ниже, он мог бы выбить ему глаз. Тогда это был бы несчастный случай, и нам пришлось бы кормить калеку. Он мог бы его убить. Но погоди! Погоди! Я хочу тебе кое-что сказать», – и тут он взял с собой Мельхиора и направился вместе с ним домой к Иоганну.

И все же он шел не так быстро. Ибо всем, кого он встречал, показывал рану на лбу Мельхиора и громкоголосо рассказывал о злом поступке Иоганна, гнусного негодяя. И вот собралась толпа женщин, мужчин и детей, все они обступили Мельхиора, хотели увидеть рану, разводили руками и уверяли, что отец не должен просто так оставить этого дела. И вот процессия подошла к дому Иоганна.

Тем временем Мельхиор совершенно переменился. Теперь он начал понимать, что Иоганн, должно быть, сквернейший мальчик, и очень радовался тому, что подобного негодяя, который подбил ему глаз или вовсе хотел убить, изрядно накажут.

Наконец они оказались перед домом Иоганна. Отец Мельхиора постучал в дверь так, что она едва не треснула. Отец Иоганна выглянул в окно, увидел толпу людей и столпотворение перед своим домом, подошел полуживой от страха и открыл дверь.

Но еще больше он испугался, когда отец Мельхиора набросился на него с самыми вульгарными и грубыми словами, назвал его никчемным человеком, а его семью – мерзким отродьем и стал угрожать предъявлением иска и тюрьмой.

При таком поведении отец Иоганна, должно быть, потерял всякое самообладание. Он взял под защиту своего сына, выругался в ответ, в конце концов выставил Мельхиора вместе с его отцом из дома и захлопнул дверь.

На другой день он выяснил, как все случилось, и как следует наказал Иоганна.

Но отец Мельхиора этого не видел. Поэтому он все дни напролет говорил о несчастье, которое мог принести Иоганн, и поклялся ему отомстить.

И он сдержал свое слово. Ибо однажды, повстречав Иоганна на улице, он так отлупил его своей испанской тростью, что тот не

мог оправиться много дней.

И так отец Мельхиора вел себя постоянно. Если вдруг его мальчика кто-нибудь отругал или ударил, то он всякий раз поднимал ужасный шум. Он ругался на мальчиков, которые его обидели, и на их родителей, поджидал их перед дверью и с ними бранился.

Если Мельхиора наказывали в школе, то он приходил к учителям домой и говорил им величайшие грубости. «Надо быть воспитателями, а не школьной прислугой, они не знают, чего стоит вырастить ребенка», – таковы были обычные комплименты, которые они получали.

При таком воспитании Мельхиор стал именно тем, кем и должен был обязательно стать – мстительным мальчиком. Если его кто-нибудь обижал, то он так горячился, что терял всякую рассудительность. Он не думал, что сам часто провоцировал оскорбления и что поэтому его обидчик не был таким уж злым, как он считал. «Я этого не оставлю, тебе это дорого обойдется», – такими были угрозы, которые он обычно выкрикивал, если кто-нибудь его обидел.

И действительно, его нельзя обвинить в том, что он когда-нибудь кому-то не давал спуску. Мальчиком, подростком, взрослым человеком он всегда вел бой до конца. Он либо мстил своим языком или своими руками, либо тащил своих противников в ратушу и там решал с ними дело.

Но теперь ему все же приходится давать спуску. Его состояние, которое досталось ему от отца и которое существенно увеличилось еще и благодаря наследству богатого кузена, было израсходовано на денежные штрафы и судебные издержки. Даже дом был продан, и он вынужден жить очень бедно на подаяния своих родственников. Ему теперь, разумеется, часто приходится слышать самые язвительные насмешки и самые жестокие обвинения, а он ничего не может поделать, кроме как стиснуть зубы и грозить кулаком.

Как сделать детей завистливыми

Всегда представляй им счастье других людей как большое несчастье

Госпожа Элеонора имела большое пристрастие обращать на себя внимание одеждой и убранством своего дома и – малый доход, которого едва хватало на то, чтобы покрывать самые необходимые траты. Это ее очень расстраивало.

И все же она легко преодолела бы свое горе, если бы только другие люди жили точно так же бедно. Но дело обстояло иначе. Ей всегда приходилось слышать о людях, имевших большой доход, получивших наследство, удачно женившихся, выигравших в лотерею, и такие известия были для нее, как она имела обыкновение говорить, настоящим гвоздем в крышку гроба.

Напротив нее жила ее сестра, вышедшая замуж за зажиточного торговца, в лавке которого редко бывало пусто, потому что он был очень душевным и своим радушием всегда привлекал к себе многочисленных покупателей. И вот госпожа Элеонора вместе с Фикхен, своей дочерью, сидела у окна и наблюдала. Как только кто-нибудь заходил в лавку и по его костюму она могла заключить, что тот имеет при себе туго набитый кошелек, у нее начинало колоть сердце, и она горько вздыхала: «И вправду, у других все складывается по их воле и желанию – вот сидит моя сестра, важная, словно придворная дама, к ней текут и текут деньги, а мне хоть кто-нибудь что-нибудь принес?»

Однажды она услышала, что ее соседка получила наследство от богатого кузена – это ее расстроило окончательно. Она вернулась домой с трясущимися руками. «Ты можешь себе представить, Фикхен, – сказала она, – наша соседка, которая и так уже не знает, как ей задрать нос еще выше, получила в наследство 3000 талеров. Можно лопнуть от злости, если взглянуть, как мир устроен. Я хочу только посмотреть на спектакль, который устроит эта женщина! Накупит зеркал, комодов! Заметь, как она вырядится! Не буду больше смотреть на всю эту мерзость. Лишь ты, бедная девочка (здесь она разразилась слезами), лишь ты меня жалеешь, только тебе – ах, мое сердце не выдержит, – тебе придется остаться в таком безбожном мире, с этой сволочью!

Получив известие, что дочь ее сестры стала надворным советником, она свалилась в конвульсиях.

У Фикхен было поистине доброе сердце. Она жалела добрую

мать, плакала, если видела ее плачущей, ругалась вместе с нею, если мать бранила других, поскольку думала, что этим дает ей некоторое облегчение.

Но вследствие подобного обращения в сердце Фикхен зародилась некая штука, которую принято называть завистью.

Эта штука очень сильно истощает, ибо Фикхен лишилась при этом всех сил. Цветущий румянец, который обычно окрашивал ее щеки, исчез и сменился желтизной. А как могло быть иначе: у доброго ребенка не было ни одного радостного часа, день за днем только досада. Тут одна из подруг ее детства вышла замуж за богатого человека, там ее тетка купила новое платье. Одна получила наследство, другой посчастливилось в лотерее. Иного человека все это не беспокоило бы, но Фикхен раздражало. Она часто говорила, что ей словно червь сердце гложет, что ей не спится, с тех пор как ее прежняя подруга купила большой дом на рыночной площади. Когда в этом году была сильнейшая гроза, то она успокаивала себя тем, что однажды милостивый Боже проявит понимание и попадет куда надо. Но и этого не случилось. Разве Фикхен могла долго продержаться в мире, где она видела так много счастливых людей и так много радостных лиц!

По сведениям церковной книги, она умерла от чахотки в возрасте двадцати двух лет четырех месяцев и пяти дней.

Как привить детям злорадство

Сперва научи их досадовать из-за удачи другого, и они обязательно будут радоваться его неудаче

Это совершенно естественно. Ведь если кому-то неприятна удача других, то он обязательно будет также желать, чтобы им не посчастливилось. И какая радость, если это его желание исполняется!

Во всяком случае, это можно было увидеть на примере завистливой Фикхен. Единственную радость, которая порой делала ее печальную жизнь отрадной, приносило то, что тут и там отчасти по их собственной вине, отчасти в силу неудачного стечения обстоятельств с людьми все же случались печальные события.

Когда ее тетка, надворная советница, чья свадьба чуть не свела ее мать в могилу, стала вдовой, лицо Фикхен полностью прояснилось. «Не может быть, – сказала она женщине, первой принесшей ей об этом известие, – разве такое возможно? Это случилось с тобой, госпожа надворная советница! Я никому не желаю чего-то плохого, но госпоже поделом. Невозможно было терпеть, как она задавалась. Но уж теперь, я думаю, она остепенится, хорошего дохода теперь не будет, а к роскоши и приятным мелочам она привыкла – даже представить себе не могу, что будет. Быть может, она еще умрет на навозной куче, великая надворная советница».

И от этих мыслей ее сердце забилось так радостно, как сердце невесты, обнимающей жениха. Хотя обычно она не очень любила чье-либо общество, но на этот раз женщину, принесшую ей эту радостную весть, она от себя не отпустила. Та должна была остаться к столу и провести с ней весь вечер. Какой это был замечательный вечер! Перемывались косточки многим семействам. Рассказывались новости, совершенно неизвестные другим людям. О большинстве семейств говорилось: «Эти люди долго не просуществуют; наверное, я еще доживу до того, когда им придется уехать из города. Попомните меня, госпожа Урзель!»

Когда ей разболтали о том, что горничная Ребекка низко пала, Фикхен целый день не приходила домой. Она колесила по улицам, с одной стороны, для того, чтобы где только можно в этот же день распространить по всему городу весть об этом отрадном событии, с другой стороны, чтобы самой разузнать о нем поподробнее.

Итак, чтобы у ваших детей когда-нибудь появилась склонность радоваться беде своего ближнего, сперва непременно надо привить им зависть.

Как внушить детям отвращение к иным животным

Попробуй наговорить своему ребенку, что такие животные ядовиты

Отец Вильгельма в своей комнате почуял мышей и, чтобы поймать их, поставил ловушку. К нему подошел Вильгельм и спросил:

– Папа, а что ты делаешь?

– Ставлю ловушку, чтобы поймать мышей, которые прибежали в мою комнату.

– Ах, бедные зверьки! Но ведь они тебе ничего не сделали.

– Они мне еще ничего не сделали, но легко могут что-нибудь сделать. Если бы они забрались в одежду или белье, то прогрызли бы дырки.

– Да, верно. Я этого не знал. Но как сделать так, чтобы мыши поймались?

– Смотри, вот я подвешиваю на крючочек кусок сала! Его чуют мыши, прибегают и хотят съесть, когда они его тянут, то бац – ловушка захлопывается, и мыши остаются внутри.

Вильгельм взял себе это на заметку. Рано утром он соскочил с постели, чтобы посмотреть, не поймалась ли мышь, – и действительно одна оказалась в ловушке! Это была радость! Он ее вытащил, погладил, восхитился ее ушами, милыми лапками, острыми зубками, мягкой шерсткой, а потом поднялся по лестнице, чтобы показать матери прелестного зверька. Но как только он вошел в комнату, мать подняла такой ужасный крик, что его услышал отец в саду. «Ой! Ой! Ой! Мышь! Мышь! Брось ее! Ведь она ядовита. Ты плут! Как ты меня напугал! Кто же дотрагивается рукой до мышей? Ведь у них в хвосте яд».

Бедный Вильгельм стоял словно окаменевший. Он был бледен как труп и с ужасом смотрел на мышь, как на скорпиона.

Его отец, прибежавший на крик, предпринял все усилия, чтобы уговорить его снова взять в руки мышь и выпустить ее на улицу. Но все было напрасно. Он пообещал ему кружку орехов, если тот послушается, и это действительно подвигло его протянуть к ней руку. Но происходило это очень медленно, очень медленно, и едва он приближал палец к мыши, как в страхе вновь убирал от нее руку и говорил: «Ой! Ой! Ой! Ах, если я до нее дотронусь, то сделаю ужасную вещь, ведь она ядовита».

Этот страх мышей не покидает его и в зрелом возрасте. Он отскакивает на десять шагов назад, когда видит мышь, а если она прыгает через его тело, то падает в обморок.

Его друзья уверяют, что это отвращение к мышам досталось ему по наследству.

Как внушить детям отвращение к чужой религии

Говори им, что Бог ненавидит всех тех, кто не разделяет их веры

Госпожа Элизабет была очень предана лютеранской религии и поэтому хотела, чтобы этот религиозный пыл передался и ее детям. Она полагала, что этой цели лучше всего сумеет достичь, если всегда будет представлять любимого Бога как своенравное существо, которое из всех людей никого не может терпеть, кроме лютеран.

Поэтому когда она давала своим детям уроки религии, то не считала правильным, следуя примеру Иисуса, представлять им Бога как отца всех людей, а старалась им внушить, что Он лишь отец лютеран, а всех, кто не принял лютеранское вероисповедание, предал дьяволу на вечные муки.

Вначале, к своему великому огорчению, она заметила у своих детей жестокосердие. Вильгельмина, ее старшая дочь, однажды ей возразила, что знает очень много хороших людей среди кальвинистов, католиков, иудеев, менонитов и гернгутеров, живших по соседству, и разве могли эти честные люди, ничего дурного не сделавшие, быть прокляты Богом? Но мать различными изречениями из Библии сумела ей доказать, что только лютеранская вера правильная, что все люди, если бы только того захотели, могли бы стать лютеранами и что поэтому у них не было бы причины жаловаться, что Бог за это их проклинает, если этой свободой они не воспользовались.

Ее сын Фриц однажды так обнаглел, что сказал ей в глаза: в 25-й главе Евангелия от Матфея все-таки говорится, что в день Страшного суда Иисус не спросит, был ли кто-нибудь лютеранином, кальвинистом, католиком, иудеем и т. п., а спросит, проявлял ли он к своим ближним любовь и милосердие.

Но за эту дерзость он получил такую увесистую оплеуху, которая подействовала на него так, что он перестал докучать ей подобными возражениями.

Чтобы еще лучше защитить свою совесть, она попыталась найти информатора. Вначале ей предложил себя один очень душевный и толковый человек, который уже два года самым лучшим образом воспитывал детей переходного возраста и очень далеко продвинулся в своих знаниях. Она и впрямь была уже

склонна доверить ему своих детей, когда, к своему великому счастью, узнала, что едва не попала впросак, а именно: что он посещает реформатскую церковь. В своей вечерней молитве она от самого сердца поблагодарила милостивого Бога за то, что он предотвратил большую беду, которая обрушилась бы на головы ее бедных детей.

На следующий день она тут же представила некоему господину Маркольфусу своих детей для воспитания и обучения. Хотя он был грубоват в своих манерах, вульгарен в поведении, да и понимал не много – но такая уж это беда? Ведь он все-таки истинный лютеранин, и за спасение душ своих детей ее совесть была спокойна. Некоторые доброжелатели хотели ее убедить, что спасение души состоит в добром разуме и правдивости сердца, но она не позволила сбить себя с толку подобными разглагольствованиями и продолжала считать, что спасение души состоит именно в лютеранской вере.

Ей радостно было видеть, что ее старания не пропали даром. Ее дети ненавидят все, что не является истинно лютеранским, и когда в прошлом году верующие реформатской церкви пытались получить у магистрата разрешение совершать причащение в лютеранской церкви, именно ее сын помешал этому в первую очередь. За это она его благословила на своем смертном одре и радовалась блаженному мгновению, когда всех своих соседей, которые не были лютеранами, увидит в геенне огненной.

Подай хороший пример своим детям

Господин фон Гутберг умер, оставив после себя много денег, но бездетным. Чтобы эти деньги были истрачены с пользой, он сделал всякого рода распоряжения. Помимо прочего он распорядился, чтобы ежегодные проценты, составляющие 30 000 талеров, расходовались на пособие таким людям, которые не по своей вине были бедными, но совершил при этом ошибку, не определив, верующие какой конфессии могли, собственно, на это пособие претендовать. Слава Богу, что о распределении этих благодеяний стало известно господину Критцкопфу, который был очень бдителен и делал все, чтобы они не достались никому, кроме истинных кальвинистов. К нему часто приходили женщины, потерявшие своих мужей и ничего, кроме детей, от них не унаследовавшие, опекуны сирот, не имевших матери и отца, главы семейств, утратившие из-за несчастных случаев всякую дееспособность, и им отказывали, поскольку они не были верующими реформатской церкви, под предлогом, что в

настоящее время денег нет. И наоборот, если за пособием обращались безалаберная бабенка, домохозяин, безрассудно промотавший свое имущество, то они получали его без промедления, если только заявляли о своей принадлежности к реформатской церкви. Это всегда происходило в присутствии его детей, которым он имел обыкновение объяснять, почему никого, кроме кальвинистов, не нужно любить.

Этот красивый пример имел самые желательные последствия. Дети судили о ценности человека не по его прилежанию, разуму и порядочности, а по его приверженности реформатской религии.

У Луизы, его старшей дочери, был возлюбленный – человек отменного здоровья, красивый, разумный, деятельный, порядочный. Она полюбила его, как только увидела, ее сердце не желало никакого другого супруга, кроме господина Брава. Но он был лютеранином и не мог отказаться от своей религии, поэтому она нашла в себе достаточно силы духа, чтобы ответить ему отказом и выйти замуж за истощенного сластолюбца-кальвиниста, который в первые же недели брака передал ей болезнь, стоившую ей жизни. Она умерла в надежде, что Бог на небе вознаградит ее за то, что она предпочла плохого кальвиниста славному лютеранину.

Как сделать детей бесчувственными к красотам природы

Выговаривай им, если они хотят созерцать природу, и старайся отвадить их от этого всевозможными обещаниями

Маленький Матиас не мог увидеть в городе ничего из красот природы, кроме кусочка неба шириной с переулок, ибо его отец, бывший ремесленником, жил на узкой улочке в маленьком доме, где не было даже садика. Затем когда отец однажды взял его с собой в поле, то для него это было неописуемой радостью, потому что все для него было новым. Вот он увидел цветок, вот червяка, вот птицу, которые привлекали к себе его внимание. Тогда он подбегал к отцу и кричал: «Папа! Папа! Ты только взгляни! Какой премилый цветочек! Какая славная птичка!»

Но отец каждый раз недовольно отвечал: «Опять ты со своими проделками, ты что, никогда птиц и цветов не видел?»

Однажды он обнаружил большую гусеницу, поднял ее, полный изумления, и принес отцу. «Смотри, – сказал он, – какая большая, это я нашел». Но отец сказал: «Фу! Какая мерзость! Сейчас же выброс! Раздави ее; она может тебя запачкать».

Всякий раз, когда Матиас что-нибудь видел, он останавливался и восхищался, поэтому часто отставал, и его отцу приходилось ждать, пока наконец он подойдет.

Это раздражало отца. Он выговаривал ему за эти задержки и часто говорил: «Давай же иди, скверный мальчик! Если ты не будешь идти быстрее, то пеняй на себя! В другой раз ты непременно останешься дома».

Тогда Матиас снова какой-то кусочек пути бежал; но страстное желание разглядывать все, что его окружало, было слишком большим, чтобы он сразу сумел его преодолеть. И едва отец делал несколько шагов, как Матиас видел прыгающую лягушку или слышал стрекочущего кузнечика, – и он опять останавливался.

В конце концов отцу это надоедало, он брал его за руку, тащил за собой, а если Матиас, несмотря на это, смотрел по сторонам, то, как правило, начинал следующий рассказ: «Пошли, Матиас! Пошли! Если ты поспешишь, то мы вскоре придем в деревню. Там тебе понравится больше, чем в пустом поле. Я попрошу сделать кофе и взбить молоко и яйца так, что молоко едва будет литься». – «И я тоже что-нибудь получу?» –

«Разумеется. Ты получишь две чашки. Только пошли! Всегда вперед! Побежали! Там я велю поджарить пару сарделек и принести пиво, вот где ты получишь настоящее удовольствие».

Благодаря этой уловке в конце концов ему удалось полностью заглушить страстное желание Матиаса восхищаться красивой природой и благодаря ей познать доброго, мудрого и могущественного Творца. В дальнейшем он бодро шагал вперед, думал о кофе, а природу оставил природе, к великой радости отца. Теперь он мужчина, а следы воспитания, которое он вкусил, по-прежнему видны у него. Во время своих прогулок он быстро движется по лугам, лесам, посевным полям, ничего удивительного не видя. Перед ним пролетает жаворонок, при входе в лес его приветствует соловей – он этого не замечает, ибо мысли его уже в кружке пива.

Если по возвращении его спрашивали, видел ли он что-нибудь интересное, то единственное, что он мог сказать, это: «Сегодня было очень тепло, дорога была чертовски тяжелая, пиво было превосходным». Если же он играл в карты, то об этом мог рассказывать часами.

Один-единственный раз природа все-таки возымела над ним свою власть и заставила обратить на себя его внимание. Взошла полная луна. И тут он прокричал своему товарищу: «Черт побери! Какая красивая луна! Как она висит! Как кухонная миска».

Постарайся пораньше заставить своих детей изучать латынь

К радости профессора Панкратиуса его супруга родила ему сынишку. Он получил это радостное известие как раз в тот момент, когда занимался разъяснением непонятного места у древнего латинского писателя Светония, которое уже несколько дней не давало ему покоя и несколько ночей лишало сна. Сколь велика была его радость, можно понять хотя бы уже из того, что он сразу же отложил Светония и направился к жене и сынишке.

Он сперва взглянул на нос, и когда, как ему показалось, он обнаружил в нем некоторое сходство с носом древнего римского мыслителя Цицерона, его радость стала еще сильнее. Прежде всего он позаботился о том, чтобы ребенка крестили, а затем весь дальнейший уход за ним предоставил матери и сиделке, потому что считал неприличным, чтобы такой ученый муж, как он, озадачивался подобными мелочами, как пеленание, умывание и кормление маленького ребенка.

Прожив с тех пор около четырех лет в своем рабочем кабинете, он вдруг решил, что, пожалуй, настало время заняться

воспитанием своего маленького Тулия (так он имел обыкновение в шутку его называть, потому что такое же имя носил Цицерон). Он начал с того, что сказал ему, как по-латыни называется стол. Затем он ежедневно учил его называть по-латыни сперва пять, а потом и десять предметов. Вслед за этим малыш должен был каждый день учить полстраницы слов, например, alumen – квасцы, aluta – семская кожа. Вначале малыш спрашивал отца: что такое квасцы? семская кожа? Но у ученого мужа никогда не находилось времени на подобные мелочи, да он и сам не знал, что это значит, и поэтому выговаривал маленькому Тулию за любопытство и вскоре добился того, что эти вопросы больше не задавали, а славный малыш ежедневно учил целую страницу латинских слов, не зная предметов, которые должны были ими обозначаться.

Вскоре после этого ребенка стали заставлять читать латинских писателей. Поскольку понимать их было трудно, ему пришлось чуть ли не всю свою юность провести за подготовкой к чтению и заучиванием цитат.

На прошлой неделе мне посчастливилось совершить прогулку с молодым магистром господином Панкратиусом и его ученым отцом. Я был поражен, сколь многому отец научил сына. Тот мог рассказывать обо всех улицах и удивительных домах Древнего Рима, как коренной берлинец о достопримечательностях Берлина, что господин отец выслушивал с любезной улыбкой. Но со всем тем, чем богата природа, он был совершенно незнаком. Когда я выразил свое восхищение пашней, принесшей небывалый урожай ржи, он спросил меня, что это такое. А когда я ему ответил: «Рожь», – он снова спросил: «А что делают с рожью?» Пройдя еще несколько шагов, я заметил кокон гусеницы, из которого вылуплялись личинки наездника и превращались в куколок. Я показал на кокон пальцем и сказал: «Посмотрите сюда!» «О, – воскликнул он, – не беспокойте бедную гусеницу, а то она убежит от яиц».

Так далеко может продвинуть нас изучение латинского языка в раннем возрасте.

Как научить детей видеть призраков

Рассказывай своим детям как можно больше о призраках

Когда мастер Мартин кончал работу, вокруг него собирались его дети и просили что-нибудь им рассказать. Тогда он набивал свою трубку, садился возле печи, а рядом с ним – его дети. Затем он начинал рассказывать и чуть ли не всякий раз о призраках, с одной стороны, потому что ничего другого не знал, с другой стороны, потому что заметил, что его детям это нравилось слушать больше всего.

Он мог назвать им двадцать четыре поселка в своем крае, где было нечисто. В одном, должно быть, стоял монастырь, где еще до сих пор перед Рождеством и во время поста можно увидеть монашку.

В заводи, неподалеку от большого тополя, который стоит прямо под мельницей, должно быть, утопился некий мужчина, призрак которого скитается до сих пор. Было также забавно, что всегда ровно в одиннадцать на погосте появлялся черный пес с огромными, как поварешка, огненными глазами, а когда пробивало двенадцать часов, он исчезал на могиле старого шведского капитана. Однажды при штурме монастыря в предместье ему что-то упало на спину – нечто похожее на мешок с мукой, который ему пришлось нести до ворот своего дома. Никогда в жизни ему не захочется снова ночью пройти мимо этой башни. Под большим камнем на рыночной площади по правую руку, если идти в школу, должно лежать большое сокровище, которое положили туда вместе с черным козлом. Его бабушка рассказывала ему, что от своей бабушки слышала, что однажды пара смельчаков отважилась туда проникнуть, и они уже действительно видели, как блестят деньги, поскольку один воскликнул: «Это клад!» И этот клад тут же опять провалился под землю. В старом замке на вершине горы живет заколдованная девушка, которую уже сотню лет можно было видеть в образе ящерицы, и ее нельзя будет выручить до тех пор, пока ей не отрубит голову непорочный холостяк, и т. д.

Если он начинал говорить о горе Кифхойзер, Брокене, Рюбецале или о докторе Фаустене, то был неисчерпаем.

В качестве служанки он держал при себе старую Марию, от которой, правда, было мало толку; но она умела красиво рассказывать детям истории, и он сам от нее узнал одну байку про призрака, которая ему еще была неизвестна, а потому он ее

все же оставил.

Благодаря такому способу обучения мастер Мартин за короткое время очень далеко продвинул своих детей. Они хорошо все запомнили, а их голова была настолько полна привидениями, что, когда наступала ночь, они ждали призраков. В результате они стали столь предусмотрительными, что не решались в темноте сделать и шагу за дверь. Если природа все же брала свое, то каждый раз их должна была сопровождать пожилая Мария и стоять рядом с ними, пока они облегчались. Если они ложились спать, то Мария должна была сидеть у постели до тех пор, пока они не засыпали.

Если же им приходилось, когда они стали старше, идти в темноте по полю, то они принимали каждое дерево за черного человека, каждый метеорит за летающего дракона, а каждого хомяка, который им попадался, за вещь, над которой глумится злой дух.

Особенно далеко в искусстве видеть призраков продвинулся старший сын Петер. Уже в восемнадцать лет он мог рассказать о семидесяти семи призраках, которых он видел своими собственными глазами. Его отец полагал, что парню просто неимоверно везет и что его еще ждет впереди большая удача.

Кто знает, что еще со временем будет. Он, правда, уже потерпел немалый убыток от озорства злых людей! Однажды вечером, например, он шел с деревенской ярмарки домой, увидел на дороге противень, полный раскаленных углей, и услышал, как из кустарника раздаются жалобные причитания: «Спаси меня, спаси меня!» И следуя известному мнению, что угли – это богатство, он бросил на них свою новую шапку-ушанку, которая сразу же загорелась ярким пламенем, потому что один легкомысленный человек из их компании положил настоящие угли. Его служанка тоже под видом призраков совершает всякие безобразия и обкрадывает его кладовую. И все-таки нельзя знать наперед, что случится в промежуток между нынешним днем и днем святого Михаила.

Ему ведь доподлинно известно, что на одном перепутье зарыт большой клад, который достанется лишь тому, кто в этом месте, совершив определенные церемонии, которые он тоже знает, трехгранным ножом заколет черного как смоль кролика, похищенного, надо заметить, в Вальпургиеву ночь. Он и в самом деле видел у одного человека черного кролика и твердо решил в следующую Вальпургиеву ночь его выкрасть. Тогда-то и поглядим, как все сложится.

Как внушить детям страх перед грозой

Притворись сам, что, когда начинается гроза, тебе очень страшно, и вскоре твои дети будут тебе подражать!

Господин Зигфрид имел обыкновение обращать внимание своих детей на все удивительные события в природе и при этом всегда им напоминал о доброте и мудрости Бога. Это зашло так далеко, что всякий раз, когда начиналась гроза, он даже отправлялся с ними в чистое поле и наблюдал за ней до тех пор, пока дождь не заставлял их вернуться в свой дом.

Он имел обыкновение тогда говорить своим детям: «Смотрите, дети, как добр с нами Господь! Сегодня день был таким жарким, таким душным, что если бы эта жара продолжала стоять еще какое-то время, то наша растительность засохла бы, а сами мы ни к какой работе были бы непригодны. Но милостивый Господь сделал так, что сильная жара сменилась грозой. Это охладит воздух – вы разве не чувствуете, каким прохладным он уже становится? Вскоре последует полезный для посевов дождь, который освежит все наши изнемогающие от зноя растения».

Благодаря этому дети вскоре перестали бояться грозы. Если в небе сверкала молния, то они восклицали: «Смотри, отец, какая была великолепная молния!» Если раздавался гром, то они говорили: «Какой удар можно услышать!» А если уж начинался дождь, то они пели обычно:

Ты насыщаешь землю,
Нас на зеленые луга ведешь,
И день, и ночь,
Вино и хлеб, и радости
Мы получаем из твоих рук.

Что стало бы с этими детьми, если бы их вырастили таким манером! Все соседи раздражались бы, бормотали бы себе под нос и шептали бы друг другу на ухо: «Господин Зигфрид – натуралист, изгоняющий всякую богобоязненность из сердец своих детей».

К великому счастью для них, господин Зигфрид вскоре умер, и его брат спас по меньшей мере старшего сына Адольфа.

Он взял его к себе и очень постарался исправить у него все, что, так сказать, испортил отец. Из самых разных средств,

которые он применял, чтобы достичь своей цели, я приведу здесь только одно – то, как он вел себя при грозе.

Как только она разражалась вдалеке, он заламывал руки и говорил: «Боже, сжалься над нами! Господь, будь милостив к нам!», при этом рассказывал, сколько деревень с тех пор сгорело от удара молнии и сколько людей были ею убиты. Вначале Адольф пытался всячески возражать, но очень скоро его заставили замолчать. А если раздавался гром, то кузен Адольфа вместе со всей своей семьей затягивал привычную покаянную песню. Но как только случался сильный удар грома, песня звучала в более высоком хоре. В большинстве случаев это было:

Не карай меня в своем гневе;
Боже великий, помилуй!
Ах, не дай мне его потерять,
Не плати по заслуге!
Если грех
Тебя воспламенил,
Погаси в агнце
Свое яростное пламя!

Это обращение оказало на Адольфа очень хорошее действие. Когда звучали слова: «Погаси в агнце свое яростное пламя!», он начинал дрожать, потому что совсем не был приучен к таким выражениям, а Бога он знал всегда как бога любви.

Вскоре это зашло у него так далеко, что он не мог больше видеть молнию и испытывал страх смерти, как только приближалась гроза. Его кузен этому очень радовался и каждому говорил, что он привил маленькому Адольфу богобоязненность.

Как вселить в детей страх смерти

Изображай им смерть как самое ужасное зло

У мастера Генриха было два сюртука – сюртук повседневный и сюртук выходной. Один он надевал, когда шел в церковь, другой – когда занимался своими делами и для повседневного общения. Стало быть, он полагал, что надо иметь и две религии – одну для церкви, другую для повседневной жизни.

Чтобы это пояснить, я приведу лишь один пример. В церкви, которую он посещал, проповедовал магистр господин Рудольф, обычно изображавший смерть как переход из земной жизни в другое состояние, которое для всех, кто жил на земле праведно, является истинным благодеянием, и поэтому он утверждал, что Кристианину не нужно бояться смерти. Мастер Генрих охотно это слушал и верил в это – пока находился в церкви. И это было частью его религии для церкви.

Но в его религии для повседневной жизни смерть представлялась совершенно иначе, как самое ужасное зло, с которым могут столкнуться люди. Если он получал известие, что кто-то из его знакомых умер, то всякий раз всплескивал руками и говорил: «Господи, помилуй! Он тоже умер? А был таким славным и милым человеком!» Если он чувствовал небольшое недомогание, то часто терял все свое самообладание и говорил: «Ах, Боже милостивый! Я готов все стерпеть, лишь бы не умереть!» Когда смерть лишила его жены, он хотел повыдергивать все волосы на голове, надел черный, как смоль, сюртук, повязал длинную траурную повязку вокруг своей шляпы и точно так же переодел детей.

Этим он добился того, что его дети, особенно его сын Бернхард, и в самом деле стали бояться смерти. У него всякий раз начинало колоть сердце, если он слышал звон колоколов по умершему, а если он видел мертвеца, то у него по спине начинали бегать мурашки.

Однажды Бернхард заболел корью, с которой он мог бы легко справиться, потому что обладал довольно крепким здоровьем. Но когда его состояние стало внушать некоторые опасения, отец в тревоге начал бегать по комнате, жалобно стонать и говорить: «Господь Иисус, сжалься, он умирает! Мой Бернхард умирает! Беда! Бернхардик! Не умирай! Ах, не умирай! Ах ты, милый сердцу Бернхард, не умирай!» Мальчик испугался, у него начались судороги, и он действительно умер.

Как вызвать у детей ненависть к религии

Сделай так, чтобы они возненавидели Бога, и тогда они будут ненавидеть также религию

«Чу! Как милый Боже бранится!» – говорила мать своему ребенку, когда гремел гром. «Берегись, Бог накажет!» – говорила она, если тот не хотел сразу слушаться. Часто, когда он позволял себе самые невинные шалости, она грозила ему огненной преисподней, а если что-то рассказывала, то обычно о преисподней, в которую добрый Господь бросает плохих детей на вечные муки дьяволу.

Фикхен не могла не верить своей матери. Она тотчас представила себе милого Боженьку как злого мужчину, который получал удовольствие от того, если своим грохотом мог испугать людей, не позволял бедным детям никаких радостей, а сразу с гневом на них набрасывался, если они немного шалили и, скажем, порвали фартук, и был таким жестоким, что сразу отдавал их дьяволу, если, к примеру, они разбивали чашку или опрокидывали стакан с пивом.

Фикхен непременно должна была невзлюбить милого Боженьку.

Вместо того чтобы при грозе подойти к окну и восхититься величественностью Творца, помолиться Ему и восхвалить Его за благодать, пролитую Им на их сады, она забивалась в угол и вся дрожала.

Хотя она ежедневно молилась во время своего утреннего и вечернего богослужения, но не из любви и благодарности, а из страха, что милый Боже вдруг станет злым и накажет ее.

У нее обязательно должна была появиться также и неприязнь к Его слову. Она рассматривала это как способ, которым Бог хотел лишить людей радости.

Она слышала, когда стала большой, как все проповедовали, что Божье слово – великая благодать, но никогда не могла в это поверить.

Преподноси им религию ненавистным способом, и вскоре они будут испытывать к ней неприязнь!

1. Отец Каспара заставлял его каждый день учить наизусть большие отрывки из псалма и катехизиса. Если он запинался или

не выучивал вовсе, то отец за это его сильно лупил.

«Обрати свое стремление на Господа, который позаботится о тебе и не оставит праведников в тревоге». – «Невежда! Неужели ты не можешь этого запомнить?»

Так он однажды ему сказал, когда тот не выучил этот красивый стих, и вдобавок дернул его за волосы.

Каспар непременно должен был невзлюбить книгу, из-за которой его так часто лупили. Едва он приходил из школы, как ее отбрасывал, и у него никогда не возникало желания снова в нее заглядывать.

2. Один отец действительно хорошо относился к религии и очень хотел, чтобы к ней как можно скорее обратились и его дети. Но он вел себя так неразумно, что невольно привил им отвращение к ней.

Уже с четырех лет его дети должны были от начала до конца присутствовать на публичном богослужении. Хотя они еще не умели читать, все равно должны были брать с собой сборники псалмов и слушать пение прихожан, и хотя они пока еще совсем ничего не понимали из проповеди, их все-таки заставляли ее внимательно слушать.

А поскольку все дети любят движение и не могут часами сидеть на одном месте без дела, Кристианское богослужение, где они вовсе не находили развлечения, что было более подобающим для их детского разума, обязательно должно было вызвать у них неприязнь.

Эта неприязнь стала еще больше, потому что даже зимой, в самую лютую стужу, они должны были идти в церковь.

«Боже милостивый! Уже опять воскресенье!» – говорили они, когда слышали звон колоколов, служивший сигналом к богослужению, и часто со слезами искали одежду, в которую должны были облачиться.

Эта неприязнь укоренилась в них так глубоко, что они не избавились от нее и став старше. Они жадно ухватывались за любую возможность не ходить в церковь, а если и посещали ее, то проповедь и песнопение приносили им мало пользы, потому что то и другое они слушали с неудовольствием.

Ты можешь также достичь этой цели, если вызовешь у них ненависть и презрение к тем, кто их учит религии

1. Сосед Томас помимо всех прочих недостатков имел еще тот, что всегда говорил плохо о людях. Особенно колкие фразы он

отпускал, когда разговор заходил о священниках или учителях.

Если священник прочитал проповедь, которую прихожане приняли с одобрением, то он говорил: «В этом нет никакого умения, если бы и я тоже, как пастор, получил десятину в двенадцать мальтеров и мог бы сидеть дома на кафельной печи, то делал бы это не хуже». Если, к примеру, он видел священника, идущего в дом пастора, то говорил: «Так, так, вот оно поповское гнездо, ничего не делают – лишь набивают брюхо и бьют баклуши, а наш брат весь день должен работать».

Если священник порицал недостаток, который был у соседа Томаса, то он полагал, что пастор говорил про него колкости, а затем за столом немилосердно набрасывался на доброго человека. «Пусть уж поп, – говорил он обычно, – займется собой и выучит, сколько псалмов на самом деле. (Священник однажды оговорился и вместо семидесятого сказал сто семидесятый псалом.) Что этот тип говорит!» А потом начинал все высмеивать – его походку, его парик, то, как он ведет домашнее хозяйство и занимается земледелием.

С учителем он обходился не лучше. «Вот, мальчик! Вот тебе деньги для учителя. Отнеси их этому нищему, прежде чем он тебе напомнит. Иди и скажи учителю, что этим вечером пусть приходит на праздничное угощение по случаю убоя свиней, он ведь знает, каково оно, если можно наесться досыта».

Так плохо говорил этот человек о церковнослужителях и учителях.

У юного Томаса на всем белом свете не было никого, у кого он мог бы изучать религию, кроме пастора и учителя, о которых отец так презрительно отзывался; неудивительно, если он презирал хорошие учения, которые они преподносили, их наставления и замечания.

«Гм, – думал он про себя, когда в доме пастора или учителя получал хорошее наставление, – чему может научить меня этот поп, чему может научить меня этот нищий?»

2. Не лучше поступил мастер Симсон. Он отправил своего сынишку в школу, в которой работали три учителя, и каждый из них имел свои недостатки, потому что они были обычными людьми. Один был несколько вспыльчив и поэтому часто ссорился со своими соседями; другой любил наряды, а поскольку его доход был весьма невелик, то он чуть ли не полностью уходил на одежду; если же надо было купить мясо, пиво или другие необходимые вещи, то ему часто не хватало денег, ему приходилось тут и там занимать, а его кредиторы порой отзывались о нем довольно невежливо; третий был веселым и в

компаниях, где ему нравилось, позволял себе выпивать на стаканчик вина больше, чем нужно, а затем часто болтал о вещах, о которых, разумеется, не совсем подобало говорить человеку, обязанному быть образцом для своих учеников.

Если же один из этих людей вдруг давал маху, то мастер Симсон очень точно это подмечал и часто об этом говорил в присутствии юного Симсона.

«Ну и учителя – Господи, помилуй! Один все дни пререкается, другой – банкрот, третий – пропойца. Если учителя себя так ведут, то что взять с детей!»

Подобные речи были для него вполне обычными.

Но хуже всего он о них говорил, когда они делали сыну замечание или его наказывали.

«Что этому дураку, – говорил он тогда обычно, – нужно? Пусть он лучше о себе позаботится. Нечего ему соваться в чужие дела».

Маленький Симсон, который отнюдь не был особо умен, все-таки очень хорошо это запомнил. Если потом один из этих людей объяснял ему катехизис и рассказывал, что должен делать и чего не должен делать Кристианин, то он посмеивался в душе и думал, что пусть уж этот дурак лучше позаботится о себе и нечего ему соваться в чужие дела.

Когда юный Симсон окончил школу, он стал очень необузданным мальчиком, не считавшимся ни с мнением отца, ни с мнением пастора. Он затеял так много распрей, что постепенно истратил все свое состояние на судебные издержки, и в конце концов ему пришлось жить в величайшей нужде, о чем известно каждому, кто его знал.

Так кто же навлек беду на несчастного юного Симсона?

Как сделать детей своенравными

Делай все, что они от тебя требуют!

Господин Курт прожил уже десять лет в браке со своей любимой женой, а детей все не было. И вот наконец, к его великой радости и к радости госпожи Куртин, на свет появился маленький Генрих Курт. Его родители считали себя обязанными сделать все, что в их силах, чтобы поистине добросовестно заботиться об этом единственном любимом ребенке. Они не просто баловали его, как это часто бывает, но и делали все в угоду ему, чтобы милый ребенок не рассердился.

Если ему чего-то недоставало, то это нужно было ему принести. Ему приносили собак и кошек, ему давали все попробовать, ему подавали даже нож и вилку, после того как их убирали в футляр, как только он тянул к ним ручонку. Если ему что-то не нравилось, то это нужно было моментально удалить, и три служанки были уволены, поскольку родители полагали, что ребенок не мог их терпеть.

Маленький Генрих начал ходить – но не туда, куда хотели его привести мать или служанка, а куда хотелось ему самому. «Ой! Ой! Ой!» – кричал он всегда, тянул за руку свою провожатую к определенному месту, и она должна была за ним следовать. Так, выйдя из комнаты, он бродил часами по дому, двору и саду, а оттуда снова наверх по всем лестницам до самого верхнего этажа. Однажды перед Генрихом возник погреб, и он тут же захотел в него войти, а когда служанка это ему запретила, начал ужасно реветь. «Тише! Тише! – сказала служанка, – в погребе темно. Давай пойдем к курочкам. Смотри, Генрих! Славные курочки! Цып-цып! Подойдите, курочки, к Генриху!» Но это нисколько не помогло, Генрих извивался, вопил, топал ногами – тут подскочила встревоженная мать. «Что такое? – спросила она. – Что сделала эта глупая женщина!»

– Совсем ничего! Госпожа Куртин! Маленький Генрих хочет в погреб, а я совсем не могу сладить с ним. Вы только посмотрите, как он себя ведет. Я поистине не могу больше его удержать.

– Пусть ребенок войдет! Зажгите свет! Тише! Тише, Генрих! Ты хочешь в погреб?

– Да! Да!

И вот они стали спускаться в погреб. Служанка должна была идти перед ним и светить. На середине лестницы Генриху пришло на ум возвратиться. Он развернулся – мать и служанка

развернулись вместе с ним и поднялись снова по лестнице в гостиную.

Генрих научился теперь говорить. И каждое его слово стало восприниматься как приказ, которому должен был подчиняться весь дом.

Если за столом ему что-нибудь предлагали, то обычно он говорил:

– Этого я не хочу.

– А что же тогда, милый мальчик?

– Я хочу вот этот кусочек.

– Вот, Генрих, на тебе.

– Это тоже невкусно.

– Невкусно? А к чему у тебя есть аппетит?

– Я хочу печенье.

– Печенье? Его нет.

– А я хочу печенье!

– Я тебя побалую. Завтра я испеку тебе вкусненький пирожок.

– А я хочу печенье!

– Ну что нам поделать с ребенком? Катрин, вот тебе грош, принеси все-таки ребенку какое-нибудь печенье!

– Вот, маленькая обезьянка! Это печенье. Все хорошо?

– Да. Хочу пить.

– Бедный ребенок! Хочешь пива или вина?

– Хочу кофе.

– Оно еще не готово. Побыстрее поставь кофе на огонь. Тихо! Тихо!

– Кофе скоро будет?

– Скоро, скоро!

– Не хочу кофе! Хочу пиво, пиво! Мама, пиво!

– Вот! Вот пиво.

– Это не мой стакан! Хочу свой стакан!

– Посмотрите, какой умный ребенок. Подумать только! Сразу понимает, что это не его стакан. Вот, Генрих, вот твой стакан.

Так происходило за столом, так происходило везде. Одежда, спальня, прислуга, компания – все должно было выбираться по его велению.

Теперь он вырос, и повсюду его зовут «своенравный Курт». Трижды он уже менял свою квартиру. Каждый год комнаты нужно было обклеивать новыми обоями и переставлять печки. Одну жену он уже замучил до смерти, а другая, нынешняя, тоже долго не протянет. Каждый год у него обычно от четырех до шести служанок, и ему самому, если я верно увидел, жить осталось не больше двух лет. Весь белый свет ему неугоден – а это и вправду до смерти раздражает.

Как научить детей лжи

Как можно раньше заставляй их лгать!

В этом мастер Штефен был необычайно искусен. Не проходило и дня, чтобы он не заставлял маленького Штефена сказать хотя бы одну неправду.

Если он знал, что к нему должен прийти кто-то, кого ему не хотелось видеть, то он подводил его к двери и говорил: «Слушай! Если придет такой-то или такой-то и спросит, дома ли твой отец, то говори: отца нет дома, отец в поле». Если, скажем, приходила бедная женщина или ребенок, которые просили немного хлеба, то мастер Штефен говорил своему сынишке: «Подойди к ним! Скажи, что у нас самих сегодня нет хлеба, мы только этим вечером заквасили тесто».

Сынишка не любил ходить в школу и поэтому часто ее пропускал под всякого рода пустячными предлогами. На следующий день он еще больше боялся идти в школу. «Я не пойду в школу, – говорил он. – Ах! Я не пойду в школу, меня будут бить, потому что вчера я там не был». Но мастер Штефен вскоре сумел дать умный совет. «Дурачок! – сказал он. – Ты ведь можешь сказать, что вчера принял слабительное или что должен был сделать для меня пару дел. Учителя, наверное, в это поверят».

Госпожа Штефен была несколько скуповата и раз десять переворачивала в руках пфенниг, прежде чем отдать его. Если же сынишка ее просил: «Мама! Дай мне пфенниг, я хочу купить себе булочку», или если он упрашивал ее дать пятачок на вишни или землянику, то обычно получал отказ: «Елки-палки! Разве такой мальчик, как ты, не имеет от всяких простофиль?» Но несмотря на это, каждый день Штефен все-таки ел вишни, или землянику, или еще что-нибудь, что приносило с собой новое время года. Его отец совал ему тайком один пятак за другим, но всякий раз по-отцовски доброжелательно ему напоминал: «На тебе пятачок! Сходи купи себе что-нибудь! Но только чтоб мать не видела! А если она увидит, то говори: денег дал тебе крестный».

Юный Штефен за короткое время достиг во лжи необычайного прогресса. Он мог, не краснея, рассказывать целые истории, в которых не было и слова правды. Старик тогда так хохотал, что у него трясся живот, и говорил: «Ну и пройдоха, вот уж у кого язык хорошо подвешен».

Но, правда, став старше, он проделывал и другие штучки, которые его отцу были уже не по нраву.

В воскресенье он рано утром шел обычно в кабак, а по возвращении говорил, что был в церкви. Если отец его спрашивал, что он запомнил из проповеди, то он умудрялся так много ему рассказать, что отцу вообще не приходило в голову его заподозрить.

Всю неделю он полдня отлынивал от работы под тем предлогом, что должен был сходить к крестной, к кузине или к бабушке, а сам шел в самые распутные дома, где оставлял один гульден за другим.

Постепенно у отца стали пропадать деньги, белье и ручной инструмент. У него голова пошла кругом. «Должно быть, – сказал он однажды за столом, – у нас в доме завелся жулик, иначе быть не может. Я должен его найти, чего бы это ни стоило». Юный Штефен стоял ни жив ни мертв. Он отвел отца в сторону и прошептал ему на ухо: «Хотите знать, кто вор? Это подмастерье. Он так много тратится во всевозможных трактирах, что об этом говорит весь город. У вас пропал гульден, не так ли? Верно? Так вот, в прошлое воскресенье он поставил его на постоялом дворе на игру».

Конечно, это должно было рассердить мастера Штефена. Он набросился на подмастерье, обозвал его вором, жуликом.

«От такого слышу, – сказал подмастерье. – Жулик вам дорого обойдется».

Он побежал в ратушу, подал жалобу на своего мастера и добился того, что тот принес ему публичное извинение и вдобавок должен был уплатить штраф в несколько гульденов.

Так теперь часто бывает. Воду наливают в кружку, пока кружка цела. Постепенно мастер Штефен раскрыл все плутовство своего сына. Он его ругал, бил, грозил тюрьмой, но все это нисколько не помогало. Постепенно мастер Штефен стал бедняком. Если прежде он давал работу некоторым мастерам, то в конце концов дело зашло так далеко, что ему самому пришлось работать как подмастерье. Теперь он часто жаловался своим коллегам: «Я бедный человек! И всю эту беду навлек на меня мой мальчик, кандидат на виселицу. Ни одного правдивого слова не вылетает из его рта. Он врет, как птица летает по воздуху. Если б я только мог знать, где он научился проклятой лжи!»

Подтрунивай над ложью и вознаграждай ее

– Мне тоже дадут вино? – спросила за столом свою мать маленькая Лотта.

– Нет, Лотта, детям вино не положено.

– Но я ведь болею, и у меня расстройство желудка. Ты ведь как-то однажды сказала, что при расстройстве желудка вино полезно.

И тут все общество, собравшееся за обеденным столом, посмеялось над потешной девочкой. Мать тут же протянула руку к бутылке, налила ей и сказала:

– Ты получишь только стаканчик, маленькая пройдоха! Ну что, желудок выздоровел?

– Да, мама! И вправду выздоровел. У меня больше ничего не болит.

Эта мысль опять была встречена смехом. Лотта это отметила и несколько раз попыталась таким способом заслужить похвалу своей матери. Как известно, человек ко всему привыкает. И вот благодаря таким шуточкам и Лотта тоже настолько привыкла ко лжи, что впоследствии все в городе знали ее по прозвищу «Лживая Лотта».

Верь всему, что говорят твои дети!

Госпожа Зимпелин по возвращении из гостей каждый раз справлялась, как в ее отсутствие вели себя ее дети. Причем у самих детей, потому что считала, что они будут говорить ей всю правду о своем поведении.

– Ну, дети! Вы были очень послушными?

– Очень послушными, милая мамочка!

– Но вы не шумели?

– Нет, и вправду не шумели.

– А вы не носились по переулку?

– Мы не выходили из комнаты. Я вязала, а моя сестра листала Библию в картинках.

– Ну и ладно. Тогда я принесу вам по кусочку пирога, раз вы были такими послушными.

Если дети ходили гулять, то их мать всякий раз спрашивала, где они были. И они всегда указывали ей одно место, не вызывавшее у нее нареканий. И она всему верила, нисколько не выясняя, говорили ли дети правду.

Вначале они всегда говорили правду. Но затем то и дело стали все же что-то утаивать – то, что по их мнению, от матери лучше было скрывать. Однажды, к примеру, в отсутствие матери они носились по улице с плохими детьми, из-за этого им было не по себе, и вначале они не решались обмануть мать. Но в конце концов старшая сестра сказала: «Мы не можем сказать, что бегали на улице, ведь тогда мы не получим пирога». Это подвигло других

детей стать заодно со старшей сестрой и, как они говорили, провести мать за нос.

И вот мать спросила: «Вы и вправду оставались дома?» Они очень испугались, никто не решался ответить, пока старшая сестра не сказала: «Да, милая мамочка! Мы не выходили за дверь». Это подтвердили и младшие дети.

Мать похвалила их за послушание. Но дети подумали: раз мать верит всему, то, значит, мы сможем еще не раз проделывать подобные штучки.

Теперь, когда матери не было дома, они стали позволять себе разные вольности, но всякий раз по ее возвращении заверяли, что были очень прилежными и послушными. Во время своих прогулок они приходили на детские площадки, где творились самые дикие вещи, а потом всегда называли другое место, которое, как они знали, было угодно матери.

С каждым годом они становились все более дерзкими и нахальными в своей лжи, и в конце концов дело дошло до того, что госпожа Зимпелин для своих детей стала посмешищем.

Наказывай своих детей, если они говорят правду!

Однажды Фриц захотел поймать муху, и вот он взмахнул рукой вслед за ней, ударил по стеклянной кружке отца так, что она упала на пол и вдребезги разбилась. Бедный мальчик чуть не умер со страху. Вместе с тем он подумал, что все-таки будет лучше, если он сразу пойдет к отцу и сам признается ему в содеянном. Он уныло поплелся его искать и в конце концов застал в саду.

– Ах, папа! Папа! – сказал он. – Только не ругайся, я хотел поймать муху и попал по твоей стеклянной кружке.

– Что? По стеклянной кружке? И ты ее разбил?

– Да, я ее разбил, миленький папа! Но я вправду сделал это нечаянно.

– Ах ты, безбожный мальчишка! Ну, погоди, я рассчитаюсь с тобой за стеклянную кружку, так что ты меня навеки запомнишь.

– Ах, папа! Что ты хочешь сделать? Миленький, миленький папа! Ты что, хочешь срезать иву и меня побить? Ах, я… я прошу, я прошу… я никогда больше…

– Ты несносный мальчишка.

– Ой, папа, не бей.

– Нет, ты получишь.

– Папа, мне больно.

– Ничего, зато поумнеешь.

– Ах, моя рука! Моя рука! Ах, папа, послушай! Я никогда больше не буду.

– Навеки запомнишь! Я научу тебя, как разбивать стеклянную кружку.

– Ах, Господи – моя рука! Моя рука!

В другой раз Фриц листал книжку с картинками. Не успел он опомниться, как книга выскользнула из рук, он хотел было ее поймать, схватил за листок, и – на тебе – листок порвался прямо посередине. Никому не было так страшно, как Фрицу; он закрыл книгу и молча поставил ее обратно на место, откуда взял.

Через несколько дней отец захотел что-то найти в этой книге и обнаружил разорванный лист. Он сразу же спросил Фрица, не знает ли тот, кто порвал лист? Фриц признался, но, кроме того, рассказал, как это произошло, и попросил отца за это все-таки не наказывать.

Но все это нисколько не помогло. Отец задал Фрицу такую же трепку, как в тот раз, когда тот разбил стеклянную кружку.

Тогда Фриц понял, что его отец вообще не хотел слышать правды, и начал постепенно от нее отвыкать.

Если затем он опять что-нибудь учинял, то никогда в этом не признавался. То он вообще отрицал это, то перекладывал вину на кого-то другого.

Он был очень рассеян и поэтому разбивал то стеклянные банки, то чашки, но всякий раз умел выпутаться и доказать, что он в этом не виноват. То ветер распахнул окно и сбросил стаканы, то кошка вскочила на стол и разбила чашки.

Однажды он пролил на свою одежду полную тарелку с соком от жаркого. Вместо того чтобы признаться в этом отцу, он без единого слова повесил одежду на свое место. Когда на следующий день он должен был ее надеть, он с диким ревом прибежал к отцу. «Папа! Папа! – закричал он. – Посмотри, что с моей одеждой! Кто-то пролил на нее жир, и появилось большое пятно – испорчена красивая одежда!»

«А уж не сам ли ты, – спросил отец, – это сделал?»

«Я? – ответил он, – Я не пачкал своей одежды. Нет, правда, я этого не делал».

Теперь Фриц всякий раз легко выходил из затруднительного положения. Если он лгал, то все его легкомысленные выходки сходили ему безнаказанно. Если он говорил правду, то получал порку. Надо ли винить его в том, что он предался лжи?

Давай им своими разговорами повод ко лжи!

1. Маленький Трауготт встал с постели совершенно бодрый, разве что был несколько румянее, чем обычно, наверное, потому, что с головой залез под одеяло.

– Сердечко мое, – спросила напуганная мать, – что с тобой? У тебя же все лицо горит.

– Со мной все в порядке.

– Давай-ка проверим твой пульс! Ой, и вправду как он стучит! Ты все же не болен? Голова у тебя не болит?

– Немного.

– Ну вот. Где у тебя болит?

– Я и сам не знаю.

– Не здесь ли, у лба?

– Да, очень сильно болит.

– А тело режет?

– Да.

– О, Боже милостивый! От своих детей ничего не имеешь, кроме беспокойства и горя. Муж! Муж! Беда! Наш маленький Трауготт заболел. Он жалуется, что у него болят голова и тело. Мы действительно не можем отпустить его в школу.

Мать маленького Трауготта обманывалась так очень часто. Она несколько раз за день спрашивала, не жарко ли ему? не замерз ли он? не болит ли тело? Она начинала крайне беспокоиться, если на этот вопрос он отвечал утвердительно. Ведь такому больному ребенку нельзя было идти в школу. Такому болезненному ребенку ни в чем нельзя было отказать – все должно было быть в его распоряжении, чтобы он, скажем, не рассердился. Не могло отсутствовать и какое-либо лакомство, чтобы все-таки несколько усладить маленького хитреца.

«Ну и ладно! – подумал маленький Трауготт, – раз так, то и впредь это будет тебе помогать». Если у него не было желания идти в школу или если ему хотелось лакомства, то он шел к матери и жаловался: «Ах, мама! Моя голова! Моя голова! Мой живот! У меня все болит – обвяжи мне голову носовым платком».

2. Если Юленька была в гостях у Каролины, своей маленькой подруги, то ее мать всякий раз с большим любопытством у нее выясняла, что происходило в доме Каролины. Юленька, которая, кроме своих игр, ничем не интересовалась, не могла ответить даже на простейшие вопросы и все равно должна была на них отвечать. Мать приставала с вопросами до тех пор, пока она не давала ответ. Ей не оставалось ничего другого, как его придумать.

– В какой комнате ты была – наверху или внизу?

– Наверху.

– Ты, наверное, видела маму Каролины?

– Да, она была там.

– Как же она была одета?

– Ой! Я не обратила внимания.

– Ну! Ты же, наверное, видела, какое на ней было платье – из ситца или из льна?

– По-моему, из ситца.

– Что за глупая девочка – по-моему, из ситца! Разве ты не знаешь этого точно?

– Да, теперь я припоминаю, это был ситец.

– У ситца была темная основа?

– Да, очень темная.

– На нем были крупные цветки или мелкие?

– Мелкие.

– Ты не принюхивалась, что они готовили на кухне?

– Пахло жарким из зайца.

– Тогда другим это, наверное, понравится. Каролина не говорила тебе, кто к ним придет этим вечером?

– Нет. Я ее не спрашивала.

– Ну ты все же настоящая дура. Подумай! Как можно чуять запах жаркого и не спросить, кого ждут в гости! Каролина ничего не говорила о своем крестном?

– Да, говорила.

– Он, наверное, придет этим вечером.

– Да, теперь я припоминаю, кто придет этим вечером.

Во всем этом не было ни слова правды. У Юленьки, наверное, не было ни малейших задатков к лживости, но остроумная мать умела все-таки подобными вопросами так ее разговорить, что той приходилось лгать.

В этом она, к великой радости мамы, продвинулась весьма далеко. В дальнейшем она уже не заставляла себя подолгу расспрашивать, а сама, всякий раз когда была в чужом доме, рассказывала, какими застала мужа и жену, как выглядели гостиная и кухня, что варили и жарили, какие люди туда входили и выходили. В ее рассказах часто не было ни слова правды. Но маме это было как раз то, что надо.

Как приучить детей в раннем детстве к злословию

Поощряй своих детей говорить о других как можно больше дурного!

Мастер Йорг был в высшей степени любопытен. Ему очень хотелось знать, что ежедневно происходит в домах у всех его соседей. Он долго не мог придумать, как об этом узнать, но в конце концов ему пришла в голову мысль использовать своего сына как шпиона.

Каспар – так звали сына мастера Йорга – всякий раз, как только мастер Йорг слышал, что кто-то из его соседей уехал, получал задание прохаживаться перед домом соседа и наблюдать, кто приходит и уходит в отсутствие мужа. Если он слышал, что в неком доме громко ругали служанку, или что ярко горели светильники, или были задернуты шторы, или громко говорили, то Каспара посылали узнать, что там делается. Если это происходило днем, то обычно он должен был что-либо одолжить в этом доме, или о чем-то спросить, а если был вечер, то он должен был стоять под окном и, если такое было возможно, даже подслушивать.

Вначале Каспар честно рассказывал все, что видел и слышал. Но потом он заметил, что его отец проявлял чрезвычайное любопытство, что он по десять раз спрашивал: «Как? Кто? В самом деле?», что все его лицо светилось от радости, если Каспар рассказывал о людях очень много плохого, и тогда он начал очень стараться своими рассказами угодить дорогому отцу.

Если он говорил, что некая женщина в отсутствие своего мужа нанесла визит другой женщине, то за этим не следовало ничего, кроме сухого «Так, так». Но если он рассказывал, что к ней приходил мужчина, что она вместе с ним смеялась и шутила, то отец тут же готов был навострить уши и всегда хотел больше узнать.

Особенно ему нравилось слушать, что некие муж и жена поссорились или что у них случалась какая-нибудь неприятность.

Обычно детям очень хочется угождать другим. У Каспара тоже было такое желание, и когда он увидел, что ничем не мог снискать большего расположения у своего отца, чем говоря дурное о других людях, вскоре очень поднаторел в этом искусстве. Благодаря ему отец получал известия о самых

скверных вещах, случавшихся в самых разных домах, ни один сосед и ни одна соседка не смогли уберечь от мальчишки своего честного имени.

Постепенно клевета стала для него настолько привычной, что и теперь он не может от нее отказаться. Ни о ком он не говорит хорошего, обо всех он хочет узнать что-то плохое. Не проходит и недели, чтобы своей клеветой он не натравливал друг на друга соседей, друзей или супругов. Иногда, правда, его коварство разоблачают. Ему уже несколько раз приходилось уплачивать штраф, а пару раз его побили товарищи. Но к чему привыкаешь смолоду, то будешь делать и в старости. В свои двадцать лет он остается таким же клеветником, каким был в десять.

Ни о ком он не говорит так много плохого, как о своем собственном отце. Тот, по его словам, – скряга, крохобор, глупый, ограниченный человек.

Должно быть, мастер Йорг ненароком что-то об этом узнал, и это здорово промыло ему мозги. «Такова вот награда за воспитание, которое я тебе дал, – сокрушался он, – так срамить и позорить меня, старого человека? Ты интриган! Погоди, погоди, тебе это просто так не сойдет, злоречивый ты человек! Разве ты не прочел в Сирахе: «На воре стыд, и на двоязычном – злое порицание»?[15]

Как сделать детей угрюмыми и недовольными своей жизнью

Показывай им все с самой плохой стороны!

Когда Амалия кушала, то обычно складывала губы бантиком, как будто жевала пилюлю, и в самой лучшей еде всегда находила какой-нибудь недостаток. Каждый раз, учуяв запах говядины, она говорила, как жаль, что в страну больше не завозят польских быков; овощи, по ее мнению, имели совсем не тот вкус, как те овощи, которые она ела, когда еще была жива ее покойная мать. Тогда, как она говорила, было совсем другое время; креветки тогда были такие нежные, что таяли во рту, а теперь она не находила в них ни вкуса, ни запаха. Рыба, как ей казалось, всегда отдавала гнилью, а соусы кухарка никогда правильно не готовила. Часто от огорчения она откладывала нож и вилку и подходила к окну.

Когда она одевалась, чтобы пойти в гости или принять гостей, ей все было не так. В шелковом поясе, в кайме, которую она прикладывала, не было ни на пфенниг вкуса, а ее платья казались ей настолько глупо выкроены, как будто делались для самой что ни на есть неотесанной крестьянки.

Она всякий раз уходила недовольной из общества и сетовала на отсутствие обходительности, которое она подмечала у того или иного человека, и тысячу раз желала вообще больше не видеться с такими людьми.

До сих пор сам милостивый Боже ничего хорошего ей не сделал. Если несколько дней идет дождь, то она говорит: «О, какая мерзкая погода! Тут поневоле впадешь в уныние». Если жарко, то она чуть не сходит с ума, а если холодно, то стонет: «Лютая зима! Но когда-нибудь она все-таки кончится! Нам бы только до Пасхи дожить!»

Словом, даже там, где все замечательно, Амалия находит повод для жалоб.

И нигде ей так не нравится жаловаться, как в присутствии своих детей.

Поэтому все ее дети как две капли воды похожи на нее. Когда они утром встают, то плачут. У одного нет подвязки для чулок, у другого – пряжки, для третьего вода, которой нужно умыться, слишком холодная. Таким образом, в этом доме всегда стоял такой плач, что проходившие мимо люди часто думали, что в

доме кто-то заболел или вовсе умер.

Если подают на стол шоколад, то хныканье начинается заново. Посторонний человек, наверное, решил бы, что их заставляют есть ревень. Для одного он недостаточно сладкий, для другого он слишком горячий, третий жалуется, что ему налили слишком полную чашку.

Так происходит за столом, так происходит весь день. Нытье не прекращается до тех пор, пока они не заснут.

Прошла пара недель, и Амалия не могла больше этого выдержать. Она спустилась к ним с розгой и сказала: «Вы, безбожные дети! Что вы все время ревете? У вас есть теплая кровать, одежда, шоколад, вкусная еда, а вы все равно ноете, как будто у вас ничего этого нет! Если бы всем бедным детям было так хорошо, как вам! Григорий! Быстро успокойся, или я пройдусь по тебе прутом. И ты, Герман! Ты, Каролина! Зарубите это себе на носу или я непременно вас отлуплю».

И все-таки дети так никогда и не стали довольными. И как такое могло случиться?

Представляй им поистине приятными вещи, которые они не могут иметь!

Благодаря своему усердию мастер Штефан зарабатывал так много, что в его доме никогда не было недостатка. Каждый день в обед на столе стояла большая чаша, полная овощей, а вечером всегда подавались масло и сыр. Его дети были здоровы, а так как и мать была весьма работящей, у них всегда были чистыми белье и одежда. Кроме того, милостивый Боже так часто одаривал их, что иногда они делали обновки, а в соседних деревнях могли съесть полную тарелку ветчины и выпить кружку пива.

«Какими же довольными должны были быть эти люди», – подумает кто-то. Но ничего подобного, мастер Штефан умел всегда так поговорить со своими детьми, что они казались себе самыми несчастными людьми на земле. Он всегда старался отвлечь их внимание от того, чем они наслаждались, и красочно описывал им как нечто очень приятное все, в чем они должны были испытывать недостаток.

Если он приносил им полную тарелку с кислой капустой, то обычно говорил: «То ли будет сегодня в таком-то доме. Там будут подавать дичь, рыбу, вино. Ах! Там, правда, нашему брату не место, так что придется остаться с носом». И тотчас квашеная капуста была уже не по вкусу детям. Если мимо проходил красиво одетый ребенок, то он окликал своих детей, показывал на него и

говорил: «Видите, как наряжен ребенок? Как ангел. Вы – бедные дети, если бы я только мог сменить ваши лохмотья. Эх, если бы по милости Бога я когда-нибудь оказался в лучших условиях, то знал бы, что делать». И дети сразу же понимали, что должны стыдиться своей одежды.

Если он шел гулять, а мимо проезжала карета, то он говорил: «Ну вот! эти могут ездить. А мы – люди бедные, должны ходить пешком».

Если порой его детям хотелось в деревне немного себя порадовать, если они наслаждались хорошей ветчиной и хорошим пивом, то он показывал на компанию, сидевшую рядом с ними, и говорил: «Вот кому все-таки действительно хорошо! Вот кто может выпить и стаканчик вина!» И дети кривили рот, как только подносили к нему стакан.

Без сомнения, подобными разговорами мастер Штефан ставил целью сделать мир неприятным детям, и он достиг этой цели. Все они хорошо обеспечены и тем не менее недовольны. Они никогда не радуются тому хорошему, что у них есть, но всегда огорчаются из-за того, чего иметь не могут.

Как приучить детей к упрямству

Не обращай внимания на их просьбы!

Но будь уступчив и исполняй их желания, если они чего-нибудь настойчиво требуют!

Кто стал бы обвинять Изабеллу, что она проводит время в праздности, тот совершил бы по отношению к ней величайшую несправедливость. Ведь с раннего утра до поздней ночи она постоянно чем-то занята. Если она заканчивала хозяйственные дела, то пряла или вязала, чтобы заработать этим несколько грошей и потихоньку сколотить небольшой капиталец, который после смерти она могла бы оставить детям.

Правда, при таком образе жизни у нее не оставалось времени на то, чтобы присматривать за своими детьми так, как положено. Если она приступала к работе, то сажала рядом с собой маленького Якоба, который еще не умел ходить. Если маленький Якоб сидел четверть часа, то это ему надоедало, он протягивал ручонки к матери, ласкал ее и ласково восклицал: «Мама! Мама!»

Когда блеет маленькая овечка, то мать всякий раз отвечает, оставляет траву, которую так ей нравится щипать, и, встревоженная, бежит к блеющему детенышу.

Но Изабелла овцой не была. Поэтому, когда младенец ее ласкал, она оставалась совершенно бесчувственной. Если маленький Якоб ничего не мог добиться просьбами, то тогда он начинал хныкать. Но и это тоже нисколько не помогало. Мать не давала сбить себя с толку в своей работе. Затем его терпение лопалось, он поднимал такой крик, что у матери начинали трястись руки и ноги. В конце концов она была вынуждена уступить, бросала работу, брала его на колени, давала ему грудь и говорила: «Ты маленький негодник! Ну нет с тобой никакого сладу».

Так она вела себя очень часто и словно своим поведением говорила: «Смотри, Якоб! Просьбами ты от меня ничего не добьешься. Но если ты будешь очень настойчивым и необузданным, то сможешь получить от меня все, что захочешь».

Хотя Якобу не было еще и полного года, он все-таки очень хорошо это понял. Он совсем разучился просить и, если чего-нибудь требовал, только кричал. Если таким способом ему не удавалось достичь своей цели, то он ложился на землю, катался

по ней, топал ногами и царапал себе лицо. И тогда все было как надо. Напуганная мать всплескивала руками, говорила: «Беда! Ведь ребенок может заполучить грыжу от крика, приобрести дурной нрав. Тихо, Якоб! Тихо! Вот то, что ты хочешь! Смотри! Вот кофеек, вот леденцы! Гляди! Ну, теперь все как надо?»

Маленький Якоб воспитывался на этот манер и стал большим Якобом. И большой Якоб вел себя точно так же, как Якоб маленький. Если он что-нибудь требовал от родителей, то начинал ворчать, расхаживал по дому, в ярости там и сям разбрасывал вещи, так хлопал дверями, что они могли разлететься на части, не шел к столу, а садился с куском сухого хлеба в угол, пока наконец родители не сдавались и не удовлетворяли его требования.

На это теперь очень часто жаловался отец и рассказал своему соседу, что с Якобом просто беда. Что он упрямец и хочет всего добиваться силой.

Его сосед дал ему совет ни в чем ему не уступать. Чтобы обуздать такого невоспитанного ребенка, надо просто задать ему хорошую трепку, а если у него не получится показать ему, кто в доме хозяин, то пусть лишь постучит в стенку, и он придет ему на помощь. Отец послушал совета. Однажды, когда Якоб стал требовать, чтобы ему справили новый сюртук, а его желание не исполнили сразу, и, по своему обыкновению, он начал снова ворчать и шуметь, отец постучал соседу. И общими усилиями они поколотили парня.

Но было уже слишком поздно. Якоб совершенно рассвирепел. Он оделся, взял свою трость и шляпу, пробурчал: «Ладно, отец! Еще увидите, что вы наделали! Не нужен мне больше ваш хлеб». И с этими словами пошел прочь, громко хлопнув дверью.

Отец хотел было выскочить за ним и успокоить, но сосед его удержал и сказал: «Пусть идет! Когда проголодается, вернется обратно».

Но Якоб не вернулся – он пошел в солдаты.

«Я же знал, что так получится, – сказал отец соседу. – Вот как бывает, когда слишком строг со своими детьми. Спасибо за дурацкий совет, который ты дал. Если бы я только снова был с Якобом, я с радостью делал бы то, что читал по его глазам. Ведь он должен был иметь сюртук, а я должен был взять на него деньги под проценты».

Как сделать детей непригодными к жизни, а саму жизнь безрадостной

Принуждай их к профессии, к которой у них нет ни желания, ни умения!

В Зандлебене с давних времен жил один крестьянин, которого знали еще многие старики, и звали его «сосед Ребок». Этот Ребок считал, что у каждого человека должна быть своя свобода, поэтому нужно позволять каждому ребенку поступать по своей воле и только следить за тем, чтобы он не делал ничего дурного и не совершал глупых выходок.

Теперь у него было двое сыновей, одного из них звали Фриде, другого – Бальцер. Однажды воскресным днем он отправился с ними гулять, сел под липой и сказал:

– Послушайте, дети, вы подрастаете, и настало время узнать, кем вы станете. Вы уж скажите мне, к чему у вас есть желание. Кем вы хотите стать?

– Я стану пастором, – сказал Фриде.

– А я останусь при земледелии, – сказал Бальцер.

– Ладно, – ответил отец, – ты, Бальцер, можешь без возражений следовать своему желанию, будь лишь очень прилежным и заботься о работе и хозяйстве. Надо очень многое делать, если хочешь честно зарабатывать земледелием. Тебе, Фриде, я тоже не хочу препятствовать. А есть ли у тебя на то голова? Я слышал, что тому, кто хочет стать пастором, надо знать семь языков! Решишься ли ты их изучать?

– Даже если бы их было 24, – сказал Фриде, – то и этого я бы не испугался.

Но отец не поверил на слово, а вместе с Фриде пошел к господину пастору и попросил, чтобы тот немного его прощупал и попытался выведать, действительно ли его Фриде способен стать пастором.

Господин пастор попросил Фриде в течение недели приходить к нему, несколько раз с ним поговорил, велел ему читать книги, затем пришел к отцу и сказал: «Сосед Ребок! У вашего сына светлая голова и необычайное желание очень многое знать. Пусть учится во имя Бога».

Бальцер остался при земледелии и зарабатывал так много, что смог взять в аренду имение в Зандлебене, где его дела шли очень хорошо и где благодаря своему прилежанию и умению

вести хозяйство он нажил изрядное состояние. Фриде, напротив, сначала окончил школу, затем университет, и его всегда хвалили за неутомимое старание. Вскоре после того как он вернулся из университета, господин пастор в Зандлебене умер, и господина магистра Фридриха Ребока избрали вместо него. Он хорошо справлялся со своими обязанностями, проповедовал и объяснял Библию так, что его любили слушать все жители Зандлебена, а многие благодаря его проповедям стали умнее, лучше и счастливее.

Но, собственно, не о том я хотел рассказать.

Арендатор Бальцер Ребок и магистр Фридрих Ребок оба женились, а поскольку сами они и их жены были здоровы, то у обоих в первые годы брака родились здоровые дети. Оба были мальчики, оба росли на радость родителям.

Когда дети достигли десяти лет, каждый из отцов стал приучать своего ребенка к профессии, которая очень нравилась ему самому. Арендатор Бальцер просил своего сына Готлиба прополоть и полить в саду, а господин магистр со своим сыном Поликарпом начал проходить хрестоматию по латыни Гедикена. Но тот и другой имели от своих детей совсем мало радости.

Когда Готлибу надо было полоть, он листал книгу, а Поликарп не хотел изучать латынь. Он всегда был при лошадях, а если слуга отправлялся на пашню, то, как правило, пускался за ним верхом.

Обоих отцов это очень расстраивало, и однажды, когда старый Ребок праздновал свой день рождения и пригласил на него всех своих детей и внуков, они пожаловались ему на свою беду.

«Если другой беды нет, – сказал старик, – то дело можно легко уладить. Я думаю, тебе, Фриде, надо позволить своему сыну заниматься земледелием, а тебе, Бальцер, разрешить своему Готлибу учиться».

Но тот и другой остались этим недовольны и сочли, что их отец, простодушный крестьянин, судить об этом не может.

Каждый заставлял своего сына посвятить себя делу отца. Готлиба пороли, если он читал книги и небрежно полол, а Поликарп получал оплеухи, если не готовился по хрестоматии Гедикена.

К своему удовольствию, оба отца увидели, что таким обращением своей цели они достигли. Готлиб возделывал пашню, а Поликарп учился. Тот стал арендатором, этот же – пастором. Этому оба отца были очень рады.

Но вскоре радость обоих превратилась в печаль. Когда наступало время пахоты, когда нужно было косить сено и

собирать урожай зерновых, Готлиб читал книги, поручал вести хозяйственные дела слугам и служанкам, которые, будучи без надзора, исполняли свои обязанности очень небрежно и безалаберно, обманывали своего хозяина и за несколько лет довели его до того, что кредиторы пустили его по миру. А господин магистр Поликарп всякий раз, когда ему нужно было прочесть проповедь, испытывал страх смерти. Во время молитвы он дрожал всем телом, а если допускал ошибку при чтении текста, то все его тело было мокрым от холодного пота.

При этом его задевало и огорчало, что прихожане не любили слушать его, в воскресные дни отправлялись в соседние деревни, а его церковь оставляли пустой. Однажды Готлиб и Поликарп встретились, разоткровенничались за стаканом пива, пожаловались друг другу на свою беду, и каждый сказал: «Я так пресытился своей жизнью, что лучше мне умереть сегодня, чем завтра».

Как приучить детей к распутству (В данной главе излагается несколько иносказательно.)

Следи за тем, чтобы дети всегда спали по двое в одной кровати!

Абдеритам[16] благодаря разного рода мягким постановлениям была предоставлена возможность создать школу не только для своих уроженцев, но и для чужаков. Весь план обучения и воспитания, который был положен в основу, был таков, что он полностью согласовывался со всей остальной их государственной конституцией. Помимо прочего у них было также заведено укладывать спать в одну кровать по двое детей.

Если же затем дети ложились вместе в кровать, то они щекотались, дразнились и хватали друг друга то тут, то там.

Постепенно их забавы стали распутными, они с этим полностью свыклись, и, таким образом, за короткое время дело зашло так далеко, что блуд стал у них поголовным.

Последствия этого были очевидны. Дети возвращались к своим родителям с бледными щеками, с синевой под глазами, у многих лоб был в морщинах. Но абдериты только радовались, прижимая своих увядших детей к груди, расценивали их изможденность как результат прилежания и каждому расхваливали их школу, как хорошо там все устроено.

Когда дети становились мужьями, в большинстве своем они были ипохондриками, вызывали недовольство у своих жен, а многие умерли от чахотки.

Поскольку же абдериты рассматривали ипохондрию и физическое бессилие как верный признак прилежной учебы, их школа, поставлявшая таких мужей, приобретала все большую славу, а если кто-нибудь умирал от чахотки, то обычно ему произносили надгробную речь, а в ней говорили о смерти за родину, о заслугах благородного человека, отдавшего свои силы и кровь во благо других.

Позаботься о том, чтобы твои дети спали под очень теплой периной и не вставали слишком рано

Если и жил на свете отец, нежно любивший своих детей, то,

несомненно, это был гофрат господин Мурнер. Не только весь день напролет он старался истинно по-отцовски всячески уберечь их от сырого воздуха, но и ночью отцовская любовь прикрывала их своими крыльями. Два матраса, перина, две подушки и одно плотно набитое перьями одеяло должны были отвратить от них любую напасть. Кроме того, преисполненный самыми нежными чувствами, он распорядился, чтобы милые малыши до восьми часов не вставали с постели; отчасти чтобы защитить их от вредоносного утреннего воздуха, отчасти чтобы способствовать потоотделению.

Обе цели, к великому удовольствию господина гофрата, были успешно достигнуты.

Но случилось еще и нечто другое, чего гофрат не предвидел. В теплых постелях время стало тянуться для детей очень долго. Поскольку же, как все люди, они испытывали влечение к деятельности, а удовлетворить его не могли, то каждый стал заниматься самим собой.

Через несколько лет все они, мальчики и девочки, выглядели как сморщенные лимоны. Господина гофрата это тем больше должно было озадачить, поскольку – сообразно своему пониманию – он делал для них все что мог[17].

Выбирая для детей домашнего учителя, обращай внимание на знание языка, а не на добродетели и манеры!

Когда юный барин фон Штеграйф достиг десятилетнего возраста, материнская забота благосклонной мамы свелась прежде всего к тому, чтобы найти ему воспитателя, который бегло говорил бы по-французски и имел хорошее произношение. О воспитании она имела обыкновение говорить: главное – чтобы дети получили достаточный навык во французском языке.

Их управитель однажды оказался настолько смел, что ей возразил и сказал: «Изучение французского языка при воспитании немецких детей как раз самое маловажное; главное же – упражнение ума, облагораживание образа мыслей, укрепление физических сил». Но за это она обозвала его педантом и заявила, что он – человек, не знающий жизни.

Она написала в Лейпциг одному известному человеку и попросила его найти ей хорошего домашнего учителя. Тот порекомендовал ей трех человек, которые очень выгодно отличались своими знаниями, манерами и сердечной добротой. Но ни одного из них она нанять не захотела, потому что всем недоставало главного – правильного французского

произношения. В конце концов она нашла одного молодого человека, проведшего три года во Франции и говорившего по-французски так чисто и бегло, словно это его родной язык. Она была этому необычайно рада.

Хотя брат предостерег ее от этого человека и сказал, что у него нет никаких знаний и хороших манер. «Какое мне дело до знаний и хороших манер, – возразила она, – я хочу, чтобы мой сын хорошо знал французский, а потому этот гувернер – именно тот человек, которого я ищу». Она не ошиблась. За два года юный барин фон Штеграйф научился говорить по-французски так бегло, словно воспитывался в Орлеане. К тому же гувернер научил его еще кое-чему – сладострастию, прежде чем тот возмужал. Жаль только, что этот подававший надежды ребенок в двадцать лет стал ипохондриком, а в двадцать четыре года умер от чахотки.

Исполняй супружеский долг прямо у детей на глазах

У мастера Либе была женушка, которую он очень любил, и он зачал вместе с нею сынишку, которого любил не меньше. По причине отцовской любви он велел поставить в своей спальне его кроватку, она там стояла и позже, когда сынишке было двенадцать лет.

Если он заходил со своей Фредерикой в спальню, то, как это имеют обыкновение делать супруги, начинал с нею заигрывать; заигрывание становилось все более бойким и в конце концов принимало серьезный оборот.

Тогда Фредерика обычно говорила: «Душенька! Генрих! Генрих! А вдруг Генрих не спит!» Мастер Либе подходил к его кровати, смотрел, закрыты ли у него глаза, а потом свободно предавался своим чувствам. Но Генрих не спал, сперва прислушивался к ласкам отца, а затем тихо приподнимался в кроватке и наблюдал, тогда как родители этого не замечали.

Поскольку Генрих теперь полагал, что ему нужно во всем походить на своего отца, он старался проделывать с Лоттой то, чему его научил любимый отец. В тринадцать лет он уже был мужчиной, в восемнадцать – отцом, в двадцать четыре – старцем, а в тридцать его песенка была спета[18].

Как привить детям любовь к лакомствам

Никогда не отказывай им в желании сладкого!

Во время трапезы маленькая Фредерика должна была получать свою порцию первой. Так это однажды было заведено в их доме. Если мать приносила в комнату тарелку с пирогом, то она кричала ей вслед: «Мама, я тоже хочу пирога! Дай мне пирог». И сердечная мать говорила: «Да, Фредерика, сейчас у тебя будет пирог! Подожди лишь минутку, я только нож принесу!» Но Фредерика не умела терпеть. Она настойчиво требовала: «Хочу пирог прямо сейчас». И матери приходилось отрывать ей кусок за куском руками.

Как только накрывали на стол, Фредерика тут же придвигала стул, ставила тарелку рядом с подносом, и мать накладывала ей еду, не дожидаясь застольной молитвы. Хотя подчас муж хотел ее убедить, что так вести себя крайне неприлично, что детям нужно подавать последним, чтобы они научились умерять свои желания, но она всякий раз ему в ответ возражала: «Это всего лишь ребенок, вот когда она станет разумной, все само собой образуется».

Если к родителям приходили гости, то само собой разумелось, что ей первой наливали чашку, а гостям приходилось ждать до тех пор, пока не удовлетворялись требования Фредерики. Затем она висла на матери и вдруг спрашивала: «Ты скоро принесешь конфеты?» Как только их приносили, Фредерика требовала свою часть. Вскоре их съедали. Тогда она теребила мать за фартук, показывала на тарелку и, если мать не хотела этого понимать, говорила: «Хочу конфеты! Дайте конфеты!» И добрая мать протягивала ей за стул одну конфету за другой.

Постепенно Фредерика перестала быть ребенком и превратилась в барышню. Но любовь к сладостям все же сама собой, как думала мать, не исчезла. Как только она видела что-нибудь вкусное, у нее текли слюнки, и она строила всякие козни, чтобы этим завладеть. Матери приходилось все от нее запирать, ибо стоило ей повернуться спиной, как барышня Фредерика была тут как тут и тайком лакомилась. К примеру, однажды мать испекла кулич, чтобы угостить им гостей. Барышня Фредерика не могла дождаться, когда его наконец разрежут, прошмыгнула в кладовку, сдернула выпечку и заперла там кошку, которой затем пришлось испытать на себе гнев рассерженной матери.

Подобных проделок барышня Фредерика теперь совершала

множество, и все они постепенно стали известны матери. Она ломала себе голову над тем, откуда все же взялась у девочки необузданная любовь к лакомствам, и тут ее осенило, что однажды она, когда еще была ею беременна, в компании тайком взяла с тарелки вишни. Теперь она полагала, что нашла истинную причину, рассказала об этом Фредерике, и та, иной раз сама все же стыдившаяся своего недостатка, спокойно оставила его при себе, поскольку услышала, что он был унаследован ею, и, стало быть, тут уж ничего не поделаешь.

Выдавай им на руки деньги, не справляясь, как они их потратили

Господин Антон слышал, что в благородных домах существует мода давать детям карманные деньги. Поскольку ему тоже очень хотелось, чтобы его причисляли к благородным, он также стал давать своим детям на воскресенье карманные деньги, а когда опять приближалось воскресенье, снова выдавал определенную сумму, ни единым словом не выясняя, на что они потратили прошлую.

А расходовали они ее исключительно на лакомства. Изюм, миндаль, морзель[19] и другие подобные сласти – все это постоянно было при них.

Первые недели карманных денег им хватало на то, чтобы оплатить эти расходы. Но так как страсть к сладостям становилась у них все сильнее и в дальнейшем они знакомились с лакомствами все более дорогими, деньги обычно кончались у них уже в понедельник.

Поэтому славным детям приходилось жить всю неделю, не имея возможности хоть что-то достать из кармана. Но это было недопустимо. Поэтому им нужно было подумать о том, как устранить такой недостаток. Вначале они брали взаймы и расплачивались деньгами, предназначенными на будущую неделю. Но так не могло продолжаться долго. Вскоре дело зашло так далеко, что они проели свои карманные деньги уже на четверть года вперед.

Что же было делать? Они перешли к воровству и при этом умели исполнять свою роль весьма хорошо. Поскольку их отец имел немалый доход и сам не знал, сколько у него денег в кассе, они могли незаметно красть у него один гульден за другим.

Безалаберный студент, заложивший все свои вещи и которого несколько недель назад за долги посадили в тюрьму, – это юный Антон. А женщина, о которой идет дурная слава из-за того, что

она заложила белье и одежду, чтобы накупить себе всевозможных вкусных пирожных, – это Фредерика, о которой я только что говорил.

Добрый Антон огорчается из-за этого чуть ли не до смерти и теперь непременно хочет узнать, кто сбил его детей с панталыку. «На мне, – сказал он, – вина не лежит, я прививал им только хорошее».

Красочно описывай им лакомства как нечто поистине сладостное!

У мастера Иова было много родственников, у которых всегда можно было вкусно поесть. Его приглашали то на свадьбу, то на крестины, то на какой-нибудь другой званый ужин, откуда обычно на другой день для его детей присылали конфеты и печенье. Присланное мастер Иов распределял между ними с такой важной миной, словно раздавал им необычайно ценные вещи. Если он собирался дать маленькому Фердинанду кусок торта, то сперва держал его перед ним какое-то время и говорил: «Гляди, маленький Фердинанд, что я тебе принес! Это самый настоящий деликатес! Он придется тебе по вкусу! Черт побери, пальчики оближешь, когда получишь эдакую вкусность! Хочешь, наверное?»

И тогда желание Фердинанда становилось поистине неукротимым. Он протягивал свои ручонки и говорил: «О, да! Да, миленький папа! Скорее дай мне это!» Истомившись, маленький Фердинанд в конце концов получал торт. Затем дело доходило до остальных детей, с которыми он проделывал то же самое.

Но он никогда этого не проделывал, если подавал им на стол горох или кашу на воде.

Если же на стол попадало какое-нибудь лакомство, то он опять начинал вести себя странно. «Ах! – имел он обыкновение говорить. – Это нечто необыкновенное, сегодня мы можем получить истинное удовольствие».

Таким способом детям внушили, что для человека нет большего счастья, чем полакомиться чем-то вкусным, и что пирожное и изысканную пищу надо предпочитать простым овощам.

Так как у каждого человека есть стремление к счастью, то и у детей мастера Иова непременно должна была появиться неуемная тяга к лакомствам, подбивавшая их выискивать любую возможность для осуществления своего стремления. В результате они стали лакомками.

Как сделать детей ненасытными

Следи за тем, чтобы у них всегда был набит желудок

Мадам Кунигунде считала себя чересчур благородной, чтобы возиться со своими детьми. Это, полагала она, для простого люда. Поэтому сразу после родов она передала своего маленького Адольфа одной старушке по имени Сибилла и сказала: «Вот вам Адольф! Вверяю его вашему попечению. Следите за ним, заботьтесь о нем так, как если бы он был вашим ребенком! А я сумею вам это компенсировать».

И госпожа Сибилла, добрая честная женщина, и в самом деле ухаживала за маленьким Адольфом так, как если бы он был ее собственным ребенком.

От своей бабушки она слышала, что маленькие дети еще не могут сказать, чего им недостает, а потому и не могут знать, сыты ли они, и их нужно кормить до тех пор, пока они не начнут срыгивать. Поэтому госпожа Сибилла всякий раз кормила маленького Адольфа до тех пор, пока он не срыгивал, и чтобы уж действовать наверняка, она несколько раз обратно засовывала ему срыгнутое, пока окончательно не убеждалась, что ничего больше уже не влезет.

Таким образом Адольф всякий раз получал в три раза больше, чем требовал его маленький желудок, благодаря чему уже тогда тот стал довольно просторным.

Когда он начал говорить, то каждое утро его первым словом было: «Булочка!», – и госпожа Сибилла спешила ее ему раздобыть. Как только булочка съедалась, он шел в комнату папы, который пил свой кофе, целовал его и получал взамен пару чашек кофе и пару пфеннигов на булочку.

Тем временем вставала мама, к которой прокрадывался Адольф, целовал ей руки и непременно должен был выпить с мамой горячего шоколада и съесть несколько сухариков.

Если этого было мало, то он наносил несколько утренних визитов своим родственникам, где повсюду ему что-нибудь подавали на стол, и он это тоже съедал.

Потом приближался обед, когда ему опять доставалась хорошая порция. Вторая половина дня проходила, как первая, а ложась спать, он имел обыкновение съесть еще несколько фруктов или пару кренделей.

Вот так проходили первые годы жизни маленького Адольфа, если говорить о еде и переваривании пищи, благодаря чему он

приобрел в этом деле достойный восхищения навык.

Как сделать так, чтобы детям надоели добрые дела

Не обращай внимания на стремление своих детей быть хорошими, и вскоре им это надоест!

«С сегодняшнего дня, – подумала Каролинка, – я буду очень хорошей, чтобы порадовать любимого папу, который так много заботится обо мне». Едва она встала с постели, как уселась за пяльцы и трудилась настолько усердно, насколько этого можно было ожидать от детей ее лет. «Как обрадуется отец, – говорила она самой себе, – когда войдет в комнату и увидит твое усердие!»

Отец вошел в комнату и не проявил радости. Он взял в руки календарь и посмотрел, будет ли луна вскоре полной. Он вошел еще раз, и Каролинка так ласково на него поглядывала, что, казалось, он обязательно должен был обратить на нее внимание. Но он ее не заметил. Напротив, он устремился к своему мопсу и стал его ласкать. После еды он ушел на званый вечер.

Каролинка тут же отправилась в его комнату, подмела ее, расставила стулья, протерла столы и убрала все, что, по ее мнению, было не на месте. Затем она села и написала ему премилое письмо, в котором горячо заверяла его, что отныне она хочет быть для него очень послушной и хорошей дочерью.

Когда вернулся отец и вошел в свою комнату, Каролинка прокралась к нему, чтобы стать свидетельницей его радости от того, что она такая хорошая.

Но отец не обратил никакого внимания на порядок, наведенный в его отсутствие.

– Где, – спрашивает он раздраженно, – мой письменный прибор?

Каролинка, которая не могла вспомнить сразу, куда она его положила, испуганно заметалась по комнате, стараясь его найти, и сказала: «Я… я…»

– Ты куда-то его задевала, не так ли?

– Да! Я хотела… я хотела…

– Если уж ты такая дура, то не вмешивайся в мои дела!

Бедный ребенок был так огорошен этим, что даже собрался порвать свое письмо.

В конце концов она все же решилась его передать.

– Ступай прочь, – сказал отец, – со своей писаниной. У меня нет сейчас времени с этим возиться.

Следствием этого недостойного поведения явилось то, что Каролинке больше не приходила в голову мысль сделать ему что-то приятное.

Как сделать детей глупыми

Раздавай им оплеухи, когда они совершают оплошность

В одном доме обычным наказанием, предназначавшимся за любую оплошность детей, была пара увесистых оплеух. Если Каспар или Йорг делали что-то не по воле родителей, то обычной угрозой было: «Погоди, вот дам тебе так пару раз по морде, что у тебя навсегда пропадут слух и зрение».

И эта угроза не оставалась просто угрозой, а каждый день хотя бы раз так энергично приводилась в исполнение, что дети часто несколько минут стояли как оглушенные, особенно если по ним проходился отец. Ибо тот имел жилистые и сильные руки и так лупил ими детей по голове, что зачастую они едва могли устоять на ногах.

Вследствие такого сильного сотрясения весь мозг постепенно был приведен в беспорядок. Каспар и Йорг стали самыми настоящими дураками. Глаза у них вытаращены, а рты чуть ли не всегда открыты. Озорные люди постоянно издевались над ними – на спор старались заставить их поверить в самые нелепые россказни, а затем смеялись над ними, когда те с полной уверенностью пересказывали, что у турок отняли Константинополь или что мастер Фридрих в Шпрингайзене поймал домового.

Кому дураки в радость, тому надо воспитывать своих детей именно так, эффект от этого окажется замечательным. Probatum est.

Предавайся пьянству!

Тогда сумеешь зачать глупых детей

Дети мастера Иобсена были отнюдь не умнее. Только в восемь лет они научились говорить, в двенадцать – читать, но размышлять так и не научились.

Мать однажды пожаловалась на это врачу, и тот сказал ей в ответ: «А как могло быть иначе? Ведь ваш муж никогда не ложится спать трезвым[20].

Воспитание ребенка начинается с воспитателя – задолго до рождения!

Сделай своих детей не ко времени умными, и вскоре они поглупеют

Господин профессор Оросий нашел себе жену и зачал с нею милую девочку. Уже в первые недели своей жизни Минхен проявила все признаки живого ума и смышлености, чему оба родителя были несказанно рады. Их сердце так было привязано к славному ребенку, что бóльшую часть дня они занимались им и во время забав и игр обучали его разным понятиям. Если затем двухлетней Минхен приходила в голову мысль, которая казалась для ее лет слишком ранней, то это веселило родителей вплоть до восторга.

Чтобы еще больше и чаще испытывать эту радость, они придумывали всевозможные способы побуждать Минхен к учебе. Всякий раз, когда она что-нибудь постигала, они находили повод еще раз продемонстрировать это в компании. И тогда никто не уставал нахваливать и восхищаться прелестным ребенком, все гладили и целовали его, давали ему конфеты, а иногда и стаканчик вина. Когда затем компания расходилась, мама давала ей напоследок материнское наставление и говорила: «Видишь, Минхен, как мило, когда что-нибудь учишь? Тогда тебя все люди хвалят, и тут и там перепадает стаканчик вина или конфетка».

Это заставляло Минхен чрезмерно напрягать свои силы. Если другие дети балагурили и играли, то она сидела и так много училась, что этому изумлялись все люди.

Еще до того как ей исполнилось четыре года, она умела бегло читать. Затем ей стали давать уроки французского и географии, а с шести лет она стала заниматься историей и читать поэтов.

Эта отцовская и материнская преданность была зримо вознаграждена: Минхен в двенадцать лет была такой умной, что даже иностранцы посещали дом господина Оросия, чтобы взглянуть на вундеркинда. Она говорила о Древнем Риме и Греции, как если бы сама там была, рассуждала о стихах и спектаклях как художественный критик, а когда началась Семилетняя война, совершенно уверенно предсказала, какой будет исход.

Какой бы она стала женой, если бы смышленость продолжала так развиваться и дальше! Но, к сожалению, в тринадцать лет все пошло вспять. Минхен жаловалась, что ничего из прочитанного не может удержать в памяти, постепенно ее суждения стали заурядными, и в конце концов у нее проявились все признаки ограниченности.

Однажды у них в гостях была ее двоюродная сестричка Фикхен, которая до шести лет не училась читать и которую стали

побуждать к учебе лишь в десять, и господин профессор, к своему великому огорчению, отметил, что Фикхен – бойкая, забавная, смышленая девочка, а его Минхен была ей полной противоположностью.

Он печально уселся на канапе, обхватил голову руками и тяжело вздохнул. В этом состоянии его и застал брат, арендатор Герман Оросий. «Ну, – спросил он, – чего же тебе не хватает? Мне кажется, у тебя хандра?»

«Ах, – ответил профессор, – у меня очень большая беда. Моя дочь! Моя дочь!»

*Арендато*р. И что ж с твоей дочерью? Она больна?

Профессор. Я и сам не знаю, называть ли это болезнью. С каждым днем она становится все глупее. Она теперь настолько слаба рассудком, что не может понять самых простых вещей.

Арендатор. Минхен?

Профессор. Минхен. Ведь тебе самому известно, как я заботился о девочке и что она знала все еще год назад!

Арендатор. Не обижайся на меня, брат! Но, по-моему, с детьми дело обстоит почти так же, как с лошадьми. Если их запрягать слишком рано, то они как были, так и останутся недорослками. А если слишком рано побуждать к учебе детей, то и из них тоже ничего не получится. Я давно уже об этом думал, но ничего не хотел говорить, ты ведь профессор, а я простой арендатор.

Как сделать детей неумехами

Следи за тем, чтобы им получше прислуживали!

Господин Иероним и его любимая супруга так нежно были настроены к своим детям, что почти ничего не делали, а только обслуживали их и обеспечивали прислугой.

Вся первая половина дня уходила на то, что они одевали, причесывали своих детей, заплетали им косы и наливали кофе. За столом добрые люди не могли спокойно съесть ни кусочка еды, ибо то один ребенок выкрикивал: «Хочу хлеба», то другой: «У меня нет ножа!», то третий: «Хочу пить!» И как только они что-то выкрикивали, либо господин Иероним, либо его жена вскакивали с места, чтобы удовлетворить их требование.

Если они гуляли, то обязательно следили за тем, чтобы дети не прыгали через ров или широкий желоб, или не взбирались на гору, или не скатывались кубарем. При таких происшествиях они испуганно спешили на помощь, кричали детям, чтобы они не шевелились, переносили через ров, вели их наверх и спускали с горы.

Но в конце концов эта услужливость все-таки начала тяготить добрых людей. Дети стали такими нерасторопными, что не были в состоянии самостоятельно одеваться, штопать свою одежду или исполнять самые простые обязанности. Чуть ли не для каждого ребенка госпожа Иероним должна была держать служанку, из-за чего ее расходы каждый год заметно увеличивались. И тем не менее многочисленные служанки прислуживали недостаточно хорошо. Госпоже Иероним приходилось целый день стирать, штопать и стряпать для своих четырех дочерей и двоих сыновей, и она всегда звала на помощь господина Иеронима. За столом дети сидели, а родители стояли за стульями и прислуживали. Они не могли ни на секунду отвлечься. Если они находились в обществе своих детей, совершали прогулку, то их командование не оставляло им времени на передышку. Тут раздавался приказ: «Мать, завяжи мне фартук!» Там: «Отец, у меня пряжка расстегнулась! Помоги мне перейти через канавку! Веди меня, веди меня, чтобы я не упал! Эй! Эй! Я упал, помоги мне подняться».

Однажды в гости к госпоже Иероним пришла сестра. Когда сестра спросила ее, как она себя чувствует, та зарыдала и сказала: «Ах, дорогая сестра! Моя жизнь меня не радует! Работе конца и края не видно, я не могу выкроить себе ни дня отдыха. Целыми

днями ношусь вверх-вниз по лестнице. Когда вечером ложусь спать, у меня словно руки-ноги отваливаются. Ты даже не представляешь, как мне плохо».

– Я также совершенно не понимаю, – отвечала сестра, – чего тебе надо. Ведь у тебя вдоволь прислуги.

– Да, у меня три служанки, это так, но представь себе: шестеро детей, которые хотят, чтобы за ними прислуживали.

– За твоими детьми прислуживали? Ведь они уже ходят. Я думала, каждый из них мог бы заменить служанку или слугу.

– Ты говоришь, как ребенок. Подумай только, сколько нужно работы, чтобы приготовить еду для полного дома людей! Сколько одежды рвут шестеро детей!

– Ну! Разве у тебя нет трех больших девочек? Я думаю, что если им что-то надо, то они могли бы и сами трудиться, а тебе не пришлось бы выбиваться из сил.

– Они? Хотела бы я посмотреть, как бы они себя повели, если бы им надо было зашить дырку или сварить суп, и т. д.

Как приучить детей к беспорядку

Заблаговременно борись с их любовью к порядку!

В первые годы своей жизни Филлипинка была образцом порядка. Ей хотелось, чтобы ее белье и одежда всегда были опрятными, что вполне было возможно, пока у ее родителей служила старая Катарина, которая постоянно поддерживала чистоту и порядок. Филлипинка следила за тем, чтобы каждая ее вещь имела свое определенное место, куда она, после того как ею попользовалась, могла положить и поставить. Дырку в чулке или в другом предмете одежды она не могла терпеть вовсе.

Но этим любимая мама была отнюдь не довольна. Если бы так все продолжалось и дальше, то ей приходилось бы быть постоянно при деле, давать Филлипинке добрый совет и охранять наведенный ею порядок. Но тогда, если бы она стала заботиться обо всех этих мелочах, ей пришлось бы, как она имела обыкновение говорить, быть очень занятой.

Хульдрих, брат Филлипинки, был очень озорным мальчиком. В отсутствие своей сестры он перерывал ее книги и разбрасывал игрушки. Когда Филлипинка возвращалась и видела беспорядок, она со слезами на глазах подбегала к матери, показывала ей шкаф и просила сделать так, чтобы этого безобразия больше не было.

Но мать в большинстве случаев давала ей совершенно бесстрастный ответ: «Глупая девочка, разве можно устраивать скандал по таким пустякам? Поставь вещи снова туда, где они стояли, и все будет хорошо!»

Если у Филлипинки появлялась дырка в чулке или в другом предмете одежды, то она робко подбегала к матери и говорила: «Смотри, мама, дырка! Дай мне иголку! Я хочу заштопать ее».

Но мать ей отказывала и говорила: «Хм, у меня сейчас нет иголки. У меня нет времени постоянно тебе прислуживать».

Иногда Филлипинка ходила в компанию. По возвращении она просила мать дать ей ключ от комода, чтобы убрать туда свои вещи. Но мать часто говорила, что на это будет достаточно времени завтра. «А сейчас ты можешь бросить свои вещи на лавку или на кровать».

И послушная Филлипинка следовала указанию, которое давала ей мать, самым пунктуальным образом: она перестала заботиться о своем шкафе, книгах и игрушках, бросала их то на плиту, то в уборной, то в саду. Благодаря усиленной работе над

собой она продвинулась так далеко, что не краснея могла выходить из дому в дырявых чулках, грязном белье и рваной одежде. А где она раздевалась, там одежду и оставляла.

Теперь она жена, а ее дом – образец беспорядка. Вместо салфеток она подвязывает детям пеленки, в гостиной лежит грязное белье, а ночной горшок стоит в кладовой. Ее дети, как принято говорить, прилипли бы к стене, если бы их в нее бросили.

Сколь многого могут добиться родители от детей благодаря упорному обучению!

Как сделать детей заносчивыми

I

Заблаговременно познакомь их с большой ценностью нарядов!

Когда Эмилия вступила в брак, ей, к ее великому огорчению, пришлось расстаться с куклой, которая с давних пор была для нее самой любимой компанией.

Через девять месяцев на свет появилась маленькая Эрнеста, и Эмилия сумела полностью возместить потерю своей куклы Эрнестой. После родов она строила большие планы, как в будущем ей наряжать малышку, и по большей части успешно осуществила их. Уже в три года она добилась того, что Эрнеста стала носить сумочки, банты, подвязки, и ей делали прическу.

У Эрнесты было немало разных достоинств. Она часто делилась с бедными детьми своим завтраком и давала им денег из своей копилки.

Она была любознательной. Обо всех вещах ей хотелось знать, откуда они взялись и для чего пригодны. Она часто сама приносила азбуку и просила мать познакомить ее с буквами. Все это оставалось без внимания.

Если же удавалась прическа, если она надевала новое платье, чепчик или бант, то восхищению и похвалам не было конца и края. Мать пылко ее обнимала, целовала, называла своим ангелочком, милой, подводила к зеркалу и с материнской нежностью просила ее быть осторожной и не повредить прическу или не испачкать платье.

Благодаря такому четкому воспитанию Эрнеста была абсолютно убеждена, что человек создан для того, чтобы себя наряжать, что его высшее счастье состоит в нарядах, а его главное преимущество перед животными – что его могут причесывать.

Она стала крайне заносчивой.

Она судит теперь о ценности человека по его прическе. Мужчина с неприпудренной головой для нее дурак, а человеку, чьи локоны не завиты по самой последней моде, она прямо-таки отказывает в каком-либо вкусе. Она гордится своими золотыми часами так, как другие люди своей чистой совестью, о своем чепчике из Парижа она говорит с таким пылом, как иная женщина о своей порядочности, и ей легче простить самую большую подлость, чем небрежность в костюме. Как варить суп, сколько

катушек пряжи нужно на один платок – этого она не знает. Но как изготавливается благоухающая помада, сколько аршин кружев требуется для оторочки платья – этим она владеет отлично. В ненастную погоду, когда другие люди читают хорошую книгу, она находит себе занятие в любовании своим гардеробом и шкатулкой для драгоценностей, пересчитывает свои платья, банты и перстни – это отрада для ее сердца и ее доля.

II

Выводи их, как только есть такая возможность, в светское общество!

Лотта, старшая дочь торговца Герберта, в тринадцать лет была передана проповеднику господину Юлиусу для воспитания ее характера. Этот человек прилагал большие старания к тому, чтобы ознакомить Лотту с Кристианским образом мыслей. Однажды я слышал, как он объяснял ей изречение: «Стремитесь прежде всего к Царству Божьему и к его справедливости, тогда вам достанется и все остальное». «Этим, – сказал он, – наш дорогой Спаситель хочет сказать, что в первую очередь мы должны стремиться к тому, чтобы стать по-настоящему хорошими людьми, справедливыми и добродетельными, тогда будет становиться все лучше и наша внешняя жизнь. Дорогая Лотта! Сколько истины в этих словах! Какой прок, если все вокруг меня имеет ценность, а сам я ничего не стою? Представь себе женщину, которая со всех сторон увесила себя бантами и украшениями, но сама невежественна, черства, сварлива и раба своих страстей; разве она чего-нибудь стоит? Скажи, даже если бы она была княгиней, разве ты не будешь в душе своей ее презирать? Разве природный румянец на твоем лице не милее красного цвета румян? Разве все то, что порождается в нас самих, не ценнее всего, чем мы украшаем себя извне? Если мы сами и вправду добры, разумны, деятельны, имеем благородные помыслы и властвуем над своими страстями, то затем нам достанется и все остальное, природа сделает нас красивыми, люди подарят нам свое уважение и любовь, а наш доход увеличится».

Так говорил господин Юлиус и объяснял Лотте, что она, будучи девочкой, должна, в частности, делать, чтобы стремиться к Царству Божьему и праведности.

Эти беседы производили на Лотту глубокое впечатление. Она не интересовалась пестрыми праздничными нарядами, а все ее заботы сводились к тому, чтобы стать действительно доброй,

разумной, прилежной девочкой.

Все это было задумано славным господином Юлиусом действительно хорошо, и если бы Лотта воспитывалась исключительно для себя, своего будущего мужа и своих детей, то здесь не к чему было бы придраться. Но для светской жизни такое воспитание решительно не годилось.

Мадам Герберт вскоре это поняла и поэтому начала выводить Лотту в светское общество, чтобы, как выражалась мать, та больше узнала мир. Лотта появилась с выражением скромности на лице и в совершенно простой одежде; женщины шушукались и подсмеивались, а юные господа, целовавшие руки всем прочим завитым и разряженным девушкам и говорившие им много лестного и приятного, смотрели на славную Лотту чуть ли не свысока, или, как принято говорить, не принимали ее всерьез.

Это непременно должно было очень обидеть Лотту и побудило ее с заботой о внутреннем мире связать также и заботу о внешнем. Поэтому она попросила мать позволить ей все-таки тоже сделать прическу, а также носить бантики, ленты, подвязки, красивые кружева и другие вещицы, подобные тем, какие она заметила у других девушек.

Добрая мать порадовалась тому благотворному действию, которое уже с первого раза оказали ее средства воспитания, и тотчас распорядилась, чтобы все, что потребовала ее дочь, было доставлено. На следующей неделе барышня Лотта появилась уже в другом облике. Благодаря подкладке из пакли и лошадиной шерсти, на которую наложили ее волосы, ее голова стала на пядь выше; шелковое платье элегантно облегало ее бедра, увеличенные благодаря добавлению ленточек, подвязок и бантиков; на нем были пришиты и развевались многочисленные предметы, которые модистки в Париже изобрели для повышения значимости человека и которые я назвать не могу, потому что, должен признаться, никогда не был приучен видеть их ценность, навязываемую нам исключительно в обществах так называемого утонченного вкуса.

Ее подвели к зеркалу – как она была восхищена! Никогда она не испытывала так глубоко чувство собственной значимости, как сейчас.

С этим чувством она появилась в одном светском обществе, и на нее тут же обратили внимание. Женщины хвалили ее за произошедшую перемену, тщательно осматривали весь костюм и нашли его, за исключением нескольких мелочей, очень хорошим. Мужчины устремляли на нее свои глаза, целовали ей руку, расхваливали ее вкус при выборе ею костюма, более того, она была очень счастлива, когда докторант господин Вильрайх,

провожавший ее домой, при расставании назвал ее своей богиней.

Это, правда, была совершенно иная речь, чем та, которую вел господин Юлиус, стремившийся только к тому, чтобы сделать из нее хорошую супругу и мать.

Хотя еще какое-то время она посещала его занятия, но не могла уже многое взять от них, потому что душа ее теперь была занята делами поважнее.

Однажды господин Юлиус с большим воодушевлением изображал ей радость человека, который может окинуть взглядом свою прошлую жизнь, не упрекая себя за свои поступки, а, наоборот, увидев много хорошего, появившегося благодаря ему.

В конце этого описания он спросил: «Не хочется ли и тебе тоже такого счастья, милая Лотта?»

«А? Что вы сказали?» – спросила очень смущенно Лотта.

Славный ребенок не воспринял ничего из того, что он говорил. Она чувствовала в себе призвание к чему-то большему, чем семейные радости, которые испытывает и батрак, что она предназначена к светской жизни, и нравиться свету было теперь ее самым горячим желанием. Поэтому во время его речи она составила важный план, как ей раздобыть головной убор, изображение которого она увидела в последней части журнала роскоши и мод.

Как только Лотту освободили от занятий с господином Юлиусом, она вступила на великий жизненный путь, для которого, по ее мнению, она и была создана. С истинной самозабвенностью она пренебрегла своим собственным образованием и жила просто для мира. Нравиться каждому, особенно молодым мужчинам, было ее сердечным желанием, которое она стремилась осуществить не только с большими тратами, но и жертвуя даже своим душевным покоем.

Камерный советник господин Шметтерлинг был очень счастлив обладать этим сокровищем, которого добивались две дюжины юных господ.

Он провел с ней семь дней брака, заслуживающего того, чтобы считать его образцом удачного брака. Он мог бы быть счастлив всю жизнь, если бы исполнялись его капризы.

Но он потребовал, чтобы его супруга руководствовалась его вкусом, а свою активность ограничила улучшением домашнего быта.

«Какое же это мелочное, несправедливое требование! – подумала Лотта. – Я должна ограничиться мужем, домом, его тесным кругом? Как вульгарно! Есть свет, мнением которого я хочу руководствоваться». Этому космополитическому принципу она оставалась верна до своего последнего вздоха. Одежду,

компанию, образ жизни она выбирала не по воле мужа, а по вкусу своих поклонников.

Если пожертвовать всеми своими принципами – героизм, то Лотту можно по праву причислить к героиням первой величины; она пренебрегла любовью мужа, поставила на карту здоровье и добродетель своих детей, пожертвовала своим собственным здоровьем и душевным покоем, все свое состояние она отдала верующим, и все это с одной целью – понравиться свету. Хотя умерла она в нищете, а в последние дни ее земной жизни многие люди ее даже презирали, ее все-таки тешила мысль, что она сделала все возможное со своей стороны, чтобы снискать одобрение мира.

Как привить детям вкус к безделью

Почаще изображай им тягость работы и сладость безделья!

Из всех искусств искусство безделья самое трудное. Тягой к работе наполнена вся природа человека, его кровь, нервы, сердце и его желудок. Она дает знать о себе уже у новорожденного ребенка, который упирается руками и ногами, чтобы высвободиться из пеленок и иметь возможность действовать по собственной воле. И даже если предназначение человека искали исключительно в пищеварении, а заслуги человека определяли по количеству блюд и бутылок, которые он опустошил, то все равно природа взывает к труду, по меньшей мере в качестве средства жить сообразно этому великому предназначению, поскольку все-таки именно труд существенно способствует пищеварению. Но как раз из этого видно, сколько требуется стараний, чтобы научиться безделью и обуздать сильнейшую тягу природы к труду.

Воспитание и наглядный пример тоже могут здесь многое сделать, как это можно увидеть из истории мастера Пигера[21].

Если мастеру Пигеру предстояла работа, требовавшая лишь некоторых усилий, то он говорил о ней уже за несколько недель до начала. Он потягивался, зевал, вздыхал и говорил: «Будущая неделя, да, будущая неделя, для меня она будет невыносимой, мне придется работать! Если бы только эта проклятая работа была уже позади!» Если наступала работа, то он кряхтел, как человек, которому невмоготу. Каждые четверть часа он падал на скамью и вздыхал: «Ах, Боже милостивый! Работа! Работа! Тут и своей жизни уже не рад будешь».

Воскресным и праздничным дням он придавал очень большое значение. Когда наступала суббота, он всякий раз говорил: «Слава Богу! Неделя прошла, завтра воскресенье, я хочу спать как сурок. До девяти часов чтобы никто не поднимал меня из постели». И он держал слово.

Когда в их краях отменили третий выходной день, он пытался этому воспрепятствовать усерднее всех.

Если он видел идущего по улице капиталиста, то показывал его своим детям и говорил: «Как хорошо живется этому человеку! Ему не нужно себя утруждать, он может есть и пить, что хочет, и спать, сколько хочет».

Его старший сын Никлас превосходно усвоил эти уроки и постарался им следовать. Первые тринадцать лет его жизни были

постоянным бездельем, и его учителям лишь при помощи постоянных побоев удалось научить его читать и писать.

Мастер Пигер был бы только рад, если бы его сын провел остаток своей жизни в покое. Но так как был он бедным и поэтому не знал, как обеспечить сыну такой доход, который просто-напросто необходим для ведения совершенно праздной жизни, то однажды он все-таки оказался вынужден задать ему важный вопрос: «Никлас, кем ты хочешь стать?» И Никлас ответил с большой решимостью: «Студентом, отец, студентом!» Ибо он полагал, что студенту нечего делать, кроме как пьянствовать и курить табак.

И мастер Пигер одобрил решение сына и позволил ему стать студентом. Поскольку ему приходилось работать во многих знатных домах, он сумел договориться о бесплатных столах и стипендиях для подающего надежды сына, и на 19-м году своей жизни, который приходится на 1750 год, Никлас был действительно рад тому, что стал студентом. Таковым он является и теперь, в 1788 году, когда мы об этом пишем.

Первую треть своих студенческих лет он жил на стипендии; вторую – на игры, веселясь и надувая молодых неопытных приезжих; в третьей, правда, он влачит жалкое существование. Веселость постепенно идет на убыль, уловки, которые он применяет в игре, раскрываются, парик теряет один волос за другим, пиджак изнашивается, белье прохудилось до дыр, насекомые одолевают; но его брат отправился к морю! Кто знает, не добудет ли он пятьдесят или сто тысяч талеров, не умрет ли он в угоду ему и не получит ли он рано или поздно в письме из Голландии уведомление, что он – наследник всего его состояния? В этом приятном ожидании он хладнокровно терпит то, как его терзают голод и насекомые.

Как привить детям алчность

Внушай им, насколько это возможно, мысль о большой ценности денег!

Был ли господин Гарпакс[22], как утверждают некоторые, действительно алчным? Не берусь судить. Насколько известно, он очень любил деньги. Самыми счастливыми в его жизни были часы, когда он считал деньги, а те дни, когда он заработал больше всего, он считал проведенными с наибольшей пользой. Слова «счастливый» и «богатый» имели для него одинаковое значение.

Эту мудрость он пытался внушить теперь и маленькому Готфриду. Если он в его присутствии говорил о деньгах, то всякий раз это делалось с величайшим восторгом, а если речь заходила о прошедшей войне, когда торговля фруктами принесла ему сто процентов прибыли, то глаза его сверкали, щеки пылали, а по всему его лицу разливалась радость, какую испытывает филантроп, когда во время своих путешествий он приезжает в то место, где несколько лет назад совершил благородный поступок. Если он слышал о ком-то, что тот получил богатую жену или хорошее наследство, то всякий раз говорил: «Ну, надо же! Вот это я понимаю! Вот это я называю свезло».

Это было равносильно тому, как если бы он сказал: «О мой Готфрид! Чем больше у тебя денег, тем ты счастливее. Все, что говорят о честности, человеколюбии, тихой радости добродетели, – полный вздор; я, поверь мне, прожил долгую жизнь, но никогда не испытывал радости слаще, чем радость от звона монет. Поэтому твоя главная цель во всем, что ты делаешь, должна сводиться к тому, чтобы зарабатывать деньги. Все остальное ты должен рассматривать как второстепенное дело».

Он решительно выступал против всего, что требовало затрат. Любую пешую прогулку, любой званый ужин, устраиваемые его согражданами, он объявлял смертными грехами, за которые в свое время их непременно накажут. Ему хотелось, как часто говорил, дожить до того дня, когда таким легкомысленным людям придется просить на пропитание; он уже знал нескольких таких ветрогонов, с которыми в конце концов именно так и было. Милостыню он не подавал никогда, но всякий раз, если об этом говорил, глубокомысленно добавлял, что любовь начинается с себя, что нельзя что-либо давать, пока у тебя нет лишнего, и убеждал себя самого, что добро делают только тем, кто этого

заслужил. Но поскольку, как он считал, ничего лишнего у него не было никогда, да и у всех бедняков, живших в его городе, он знал недостатки, которые, по его мнению, делали их недостойными пользоваться благодеянием, Готфриду никогда не доводилось видеть действительно благодетельного поступка от отца.

Господин Гарпакс дал своему сыну, когда тому исполнилось всего восемь лет, совет исполнять эти хорошие наставления. Он вручил ему копилку и еженедельно давал несколько грошей карманных денег. В конце недели тот должен был каждый раз отчитываться, и если он вообще ничего не тратил, то нежный отец его обнимал, хвалил за бережливость и в награду давал ему еще несколько крейцеров. Часто школьные товарищи звали его погулять вместе с ними или побуждали купить вместе с ними что-либо из фруктов, которые приносило с собой каждое время года. Но отец каждый раз его отговаривал. Если тот был послушным, то на другой день он его хвалил и говорил: «Смотри, если бы ты вчера веселился или лакомился со своими товарищами, то сегодня бы радость прошла. Но ты меня послушался и сохранил свои деньги, им ты еще долго сможешь радоваться». Копилку часто пересчитывали, и как только разменных монет прибавлялось, отец обменивал их на красивые, недавно отчеканенные монеты в четыре гроша или полгульдена, чтобы у Готфрида никогда не возникало желания что-то потратить. Господин Гарпакс говорил ему, какое для него было бы счастье, если бы он сперва накопил 50 талеров, а затем смог бы ссудить их в качестве капитала и каждый год получать с них по меньшей мере два с половиной талера в виде процентов.

Господину Гарпаксу доставляло удовольствие видеть, что его добрые наставления не пропали даром. Готфрид вскоре понял, что деньги – единственное настоящее благо, которого может добиться разумный человек. Все его устремления свелись к тому, чтобы их получать. Он полностью отказывал себе в тех усладах, которые каждый месяц преподносила природа, и, кроме того, продавал своим школьным друзьям еду, которой иногда его снабжала бабушка. В свои десять лет он уже вел довольно выгодную торговлю – умел всякими хитростями выманивать у других детей их игрушки, а затем, по возможности, пытался опять обратить их в деньги.

Этим путем он действительно продвинулся так далеко, что в двенадцать лет смог перечислить отцу 50 талеров для ссуды и этим доставил ему такую радость, что добрый человек пролил слезы.

Со временем Готфрид превзошел своего отца. Его почтение к деньгам стало столь велико, что ради них он пожертвовал всем,

что доставляет удовольствие прочим смертным.

В двадцать четыре года он встретил милую черноокую девушку, при виде которой ему стало тепло на сердце, и у него зародилось желание с нею сблизиться. Но когда он узнал, что ее состояние составляло всего двести талеров, он сразу понял безрассудность своего желания, стал бороться с бурным влечением сердца, успешно с ним справился и подарил свою любовь одной богатой шестидесятилетней вдове.

Его обеденный стол всегда был уставлен самыми дешевыми блюдами, и если он слышал, что торговец сыром вынужден по низкой цене сбыть полную бочку сыра или мясник – полную бочку солонины, потому что сыр или солонина начали портиться, то он всякий раз покупал у них запас на несколько недель. Мысль о том, что при каждой такой трапезе он приобретает несколько пфеннигов, преодолевала все отвращение, которое при этом легко могло возникнуть. У него вообще был принцип: у каждого хорошего хозяина мясо должно сперва провонять, прежде чем его подавать на стол, потому что опыт его научил, что челядь съест чуть ли не вдвое меньше продуктов, которые уже близки к разложению, чем хорошей вкусной еды.

Ко всем компаниям людей он испытывал огромное отвращение, но все же он не был без общества. Золотые и серебряные человечки, которых он хранил в своем сундуке, служили ему наиприятнейшим развлечением, и ничто не услаждало его больше, чем мысль, что он каждый день может общаться с самыми влиятельными персонами, а это общение не стоит ему и пфеннига.

Радости, проистекающие из религии, он допускал к своему сердцу из опасения, что они могут ему помешать наслаждаться более сладкими для него радостями. Время, которое должен был проводить в церкви, он тратил на составление новых проектов, как получить деньги, а его духовный отец заметил, что часто при отпущении грехов тот загибал пальцы, то есть, по всей вероятности, делал подсчет.

Так и ушел Готфрид из мира, будучи владельцем семидесяти тысяч талеров. Хотя он не отведал ничего из того, что услаждает других людей, и ни радости природы, и ни радости религии не сумели проникнуть в его сердце – зато он был владельцем семидесяти тысяч талеров.

Как сделать детей безразличными к правильным наставлениям

Беспрестанно читай им нравоучения об их обязанностях!

Если госпожа Урсула находилась в обществе своих детей, то единственное, что она делала, – их поучала. «Много и многому помогает, – имела она обыкновение говорить, – моим детям не должно недоставать хороших наставлений». «Ну, Корделия! Будь сегодня паинькой! Не реви, не ссорься! Если сестра или брат тебя обидит, то ты просто мне об этом скажи. Если в дом придут чужие люди, то ты должна сделать красивый поклон и поцеловать руку. И сколько раз тебе говорить, чтобы ты не бегала вокруг меня на улице! Берегись! Берегись! Как-нибудь я по тебе так пройдусь, что тебе это не понравится. Ты ведь знаешь, что я не отказываю тебе в радости, ты можешь ходить по улице, если тебе это нравится, только ты не должна быть все время на улице. Вынь палец из рта! Фу! Так делают крестьянские девушки. И за столом веди себя прилично. Смотри не испачкай милый костюмчик, который я на тебя надела! И не набивай так рот. Можешь есть медленно, никто ничего у тебя не отнимет. Не надо приходить ко мне, как вчера, и говорить: «Мясо! Суп!» Ты ведь можешь сказать: «Милый папа!» или «Милая мама! Не будете ли вы так добры и не дадите ли мне немного мяса или супа!» Вот так хорошо, так ведут себя милые дети. Если затем придут чужие люди, а ты будешь такой воспитанной, то они похвалят тебя и скажут: «Не правда ли, Корделия – очень воспитанная барышня». Как ты стоишь? Ты что, не можешь держать голову прямо? Как я. А дурацким манерам ты учишься у служанки. И ты это знаешь, ты не должна больше заходить к ней в комнату, ни разу (*здесь она ударила кулаком по столу*), я это тебе говорю! А то из тебя как раз и выйдет такая Кете, как эта прислуга. Мать может охрипнуть от крика, а с тебя как с гуся вода. Грязное белье ты еще не унесла, не так ли? Я не успокоюсь до тех пор, пока не наведу порядок!» (*Снова удар по столу*.)

Это кусок из проповеди, которую госпожа Урсула по нескольку раз за день имеет обыкновение читать своим детям.

Замечено, что если человек очень часто принимает сильнодействующее лекарство, то постепенно это может привести к тому, что оно вообще перестает оказывать какое-либо действие.

Так случилось и с проповедями этой доброй женщины. В

конце концов дети настолько к ним привыкли, что они производили на них столь же мало впечатления, как беседы, которые мама иной раз вела со своей собачкой.

* * *

Еще несколько универсальных способов привить детям всякого рода пороки

I

Как можно чаще демонстрируй им недостатки, которые ты хочешь привить!

1. Однажды господин Роберт пригласил пообедать нескольких посторонних людей и разрешил своим детям составить им компанию за столом. Но они стали вести себя так, что общество было крайне недовольно ими.

Едва они сели, как Христоф начал.

Христоф. Что за чушь! Тут нет моего ножа. Не так ли, Каспар? Это ты его куда-то засунул?

Каспар. Заткни глотку, болван! На черта мне твой нож?

Христоф. Ну, конечно! Это ты взял его.

Каспар. Мама! Христоф говорит, что я взял его нож.

Мама. Тихо, тихо, дети! Вот, Христоф, тебе другой нож.

Христоф. Ну, вот еще. Живодерным ножом я жрать тоже не буду.

Каспар. Ну, а это что за дела? Этот дурак Христоф бросил мой хлеб под стол!

Мама. Он ведь сделал это не специально. Христоф! Подними его.

Христоф. Да этот живодер, гнусный пес, держит его уже в своей пасти.

Гости переглянулись и выражением лица довольно ясно дали друг другу понять о своем неудовольствии.

Господин Роберт и мадам Роберт, которые обычно в поступках своих детей ничего непристойного не замечали, теперь все же почувствовали, что подобное поведение не совсем прилично. Они покраснели, опустили глаза, то увещевали детей, то грозили им пальцем. Но это нисколько не помогало, одна грубость следовала за другой. Каждое их выражение было таким пошлым и грубым, что его едва ли можно ожидать даже от самой

низменной черни.

В конце концов господин Роберт с мудрым видом сказал: «Крайне прискорбно, что своих детей нельзя уберечь от скверной компании. В нашем доме ничего дурного они не слышат и не видят, но они вращаются среди запущенных уличных мальчишек и учатся у них невоспитанности. Боже, упаси! О, что за выражения! Таких слов в моем доме никогда не слышали».

Один из гостей пожал плечами, выразил ему одобрение и сказал, что, разумеется, это неприятно.

Но после трапезы он сел в углу, подозвал к себе Христофа и спросил: «Но скажи все-таки, Христоф! От кого же ты слышишь плохие слова?»

Христоф засунул палец в рот и ничего не ответил.

– Ну? И не стыдно тебе? От кого же ты услышал слово «живодер»?

– От папы.

– А от кого ты услышал «живодерный нож»?

– От мамы.

Тут мадам окончательно потеряла терпение. «Ты, подручный палача, – сказала она, – от кого ты этому научился? От меня? Погоди, пусть только господа уйдут, я разобью тебе рыло, хам; подумать только, он говорит, что от своей мамы научился этим грубостям! Ты хоть раз в жизни слышал от меня такие слова?»

2. Если в доме Хлои что-нибудь происходило не так, как ей хотелось, то она пыталась слезами унять свое огорчение. Если случался какой-нибудь недосмотр при приготовлении пищи, или муж о чем-либо ей напоминал, или служанки ей прекословили, то она падала на диван и заливалась горючими слезами.

Однажды к ней пришла ее сестра, и она тут же залилась слезами.

– Сестра! – спросила та испуганно. – Что случилось? Что с тобой?

– Ах, оставь меня.

– Быть может, болен твой муж?

– Нет.

– А твои дети здоровы?

– О, да.

– А ты не поссорилась с мужем?

– Вовсе нет!

– Наверное, тебя что-то огорчило? Я угадала, не так ли?

– Оставь меня!

– Ну, сестра! Скажи все-таки, чего же тебе не хватает? Быть может, я сумею тебе помочь.

– Нет, ты мне не поможешь.

– Ну, этого знать нельзя. Выговорись, я ведь твоя сестра.

– Сегодня все причиняет мне огорчение. У меня есть юбка, которую я шила больше трех месяцев, и сегодня она должна была быть готова. Так вот, она лежит по-прежнему такой же, какой была два часа назад.

– Если беда только в этом, то не стоит придавать этому большого значения. И почему же ты ее недоделала?

– Если уж суждено быть беде, то ее не миновать. Когда у меня так замечательно получалось с шитьем, мне не хватило красного шелка. Я послала за ним служанку. Сперва она вечность отсутствовала, затем возвращается и приносит – она приносит голубой шелк.

Подобные сцены можно было наблюдать в доме Хлои чуть ли не каждый день. Тогда ее дети обступали огорченную мать, добавляли свои слезы к ее слезам и таким образом настолько приучились к плаксивости, что не могли противопоставить превратностям жизни ничего, кроме слез.

Старший сын Хлои теперь офицер, но у него по-прежнему дает знать о себе то впечатление, которое произвел на него пример матери. Всякий раз, когда в компаниях ему говорят что-то обидное, у него на глазах выступают слезы. В таком случае он удаляется и ищет угол, где может дать волю своим слезам.

3. Орбиль очень любил шутить, но больше всего он был склонен к определенному виду шуток, а именно к непристойным. Он держал в голове коллекцию из по меньшей мере трех тысяч скабрезных анекдотов, которыми умел веселить компанию, невзирая на то, что большинство из них были такого свойства, что под стать только матросам, но ему доставало все-таки смелости преподносить их при каждой удобной возможности. Комплименты, которые он расточал женщине, всякий раз были пошлыми, и если он сидел рядом с самой бледной женщиной, ему удавалось превратить ее бледность в самый яркий румянец, нашептав ей на ухо по поводу блюд, которые подавали на стол, нечто весьма «остроумное».

И пример отца сильно подействовал на детей. Мальчик в свои шестнадцать лет мог рассказать о дюжине своих, как он их называл, любовных приключений, а в запасе у дочерей было так много двусмысленных шуток, что даже ямщик хвастался тем, чему научился у них во время одной увеселительной поездки.

4. У мастера Фарауфа имелся принцип, согласно которому приветливое любезное поведение – это нечто женское, и

наоборот, мрачное лицо и злобность – именно то, что нужно мужчине. И он не только имел этот принцип, но и вел себя в соответствии с ним.

Если он утром ходил по дому, то был слышен такой страшный рык, что можно было заподозрить медведя, если бы запертые на засов двери убедительно не доказывали, что гул исходит от человека.

Если его толкала одна из дочерей или нечаянно наступала на ногу, то он наносил ей кулаком такой сильный удар в бок, что она едва удерживалась на ногах, и говорил: «Дурында! Ты что, слепая?»

Замечания, которые он делал своим близким, сплошь представляли собой вопросы, которые были такими злыми, что, кроме членов его семьи, уже к ним привыкших, любого другого повергли бы в ужас.

– Что тут делают башмаки? Наверное, ты хочешь ими украсить дом? В следующий раз лучше уж поставь их на комод.

– Когда же ты будешь готова? Наверное, ты хочешь когда-нибудь стать благородной дамой, раз ты такая вальяжная?

– Что это за жратва? Что за манера – честному мастеру подавать на стол такую бурду?

Вот таким тоном мастер Фарауф делал замечания членам своей семьи.

Его приказания точно так же обращали на себя внимание. И когда он их отдавал, это было похоже на то, как шкипер разговаривает со своими матросами.

Зато он очень был рад видеть, что все его дети ему подражали. Один у другого никогда ничего не просил спокойным тоном. Маргрет силой вырывала из рук Катарины нож, швейную иголку, ножницы или какую-нибудь другую вещь, которая ей понадобилась, а та крепко их держала, топала ногами и вопила. Их игры длились не больше двух минут, а затем они набрасывались одна на другую, как кошки, сопели, строили устрашающие гримасы, грозили кулаками и вцеплялись друг другу в волосы. За столом они пихали друг друга ногами и локтями.

Их перекошенные лица – самые надежные стражи их целомудрия, поскольку они отпугивают любого приближающегося мужчину.

5. Госпожа Гертруда никогда не позволяла себе появляться иначе, чем с ребенком на руках. С ребенком на руках она часами расхаживала туда и сюда возле дверей своего дома; с ребенком на руках она сидела по многу часов на стуле, и с ребенком на руках

четверть дня она дремала на кровати.

С ребенком на руках она выходила из спальни, не допуская и мысли о том, что надо убрать кровать и позаботиться об устранении выбросов природы. С ребенком на руках она садилась за стол, с ребенком на руках стояла возле него и смотрела, как накрывают на стол, когда вновь наступало время обеда. С ребенком на руках она шла на кухню и во двор, наступала на ложку и нож, спотыкалась о ведро и швабру, и никогда ей не приходила в голову мысль хоть что-то убрать.

И во всем ее доме дело обстояло так, как в доме женщины, которая с утра до вечера держит на руках ребенка.

Ее муж часто был недоволен таким бытом, обращал внимание на беспорядок и неопрятность, призывал убраться, но всякий раз слышал в ответ: «Неразумный муж! Как я могу заниматься домашним хозяйством, если целый день на мне ребенок?»

Матильда, единственная дочь, которую она взрастила, ныне замужем и уже в первые три месяца своей супружеской жизни выглядит так, как женщина, на которой весь день ребенок. До сих пор нельзя было выяснить, какой естественный цвет ее кожи, потому что ее щеки и руки покрывает вечная грязь.

И уж совсем законченный вид придают ей светлые волосы, которые всегда можно растрепанными видеть по шее и лбу. Свой костюм она умеет хорошо подбирать, так как цвет белья и одежды полностью гармонирует с цветом лица. Чулки дырявые, а ботинки скособоченные.

Как выглядит комната, сказать не могу, поскольку, кроме ее супруга, простому смертному трудно решиться в нее войти. Вонь от гниющей пищи, грязных платьев и выбросов природы отпугивает каждого, кто ступил на порог.

6. Совершенно иначе вела себя госпожа Гетвига. Она целый день не делала ничего другого, кроме как прибирала, наводила порядок, чистила и стирала. Чистота в ее доме распространялась и до уборной.

Она так любила чистоту в доме, белья и одежды, что при этом забывала про себя. О том, чтобы постричь ногти, она не думала до тех пор, пока один из них не обламывала. На пол ее комнаты было смотреть приятнее, чем на ее шею и бусы, а испарения из ее уборной были терпимее, чем дуновение ее рта.

И барышня Гетвига – живое воплощение матери. Можно восхищаться чистотой ее дома и костюма, но саму ее, похоже, надо расценивать как нечто второстепенное.

II

Предоставляй своих детей самим себе и отдавай на попечение челяди!

1. Господин Ульпиан[23] считал, что человек с положением должен во всем, в том числе и в выборе своих занятий, отличаться от черни, а все неблагородные занятия предоставлять быдлу. К этим неблагородным занятиям он имел обыкновение относить и воспитание детей, которое он целиком предоставил сорокалетнему домашнему учителю и челяди.

Поэтому он постоянно держал детей в отдалении от себя и ни разу не позволил им есть за его столом. Все, что он делал, – это иногда справлялся у домашнего учителя об их поведении. Поскольку тот всегда их хвалил, то он полностью на этом успокаивался.

Весь дом был очень доволен принципами господина Ульпиана. Домашний учитель уходил развлекаться и часто возвращался домой после полуночи, а господин Ульпиан этого не замечал, а у челяди и детей каждый день было празднество. Челядь подбивала детей красть у своего отца то одну вещь, то другую, а взамен они получали позволение делать то, что им казалось хорошим, и участвовать во всех увеселениях, которые время от времени устраивали служанки и слуги.

При этом дети чувствовали себя очень вольготно, каждый день они пировали, добились удивительных успехов в игре в карты и их никогда не утруждали работой. Благодаря всяческим играм, особенно благодаря игре в фанты, они вскоре постигли все остроумные мысли и веселые забавы, которые скрывались в помещениях для прислуги.

Правда, впоследствии они стали не такими, как того ждал отец: дочь отправилась странствовать по белому свету с кучером, а сыновья, посвятившие себя военной службе, уже дважды получали отставку и два года стоят на квартире у своего отца; между тем его совесть все-таки заверяет его, что он добросовестно воспитывал своих детей. Ведь, как он имеет обыкновение говорить, он нанял им домашнего учителя, слугу и двух служанок; разве можно требовать большего от порядочного человека?

2. Панкратий[24] заставлял своих детей целыми днями читать утренние и вечерние молитвы из молитвенника их бабушки, и все же они не стали набожными. Он заставлял их читать Библию по библейскому календарю, но лучше они не становились. Они должны были выучить наизусть псалом, сирах и катехизис, но и это нисколько не помогло. Он отправлял их в школу и церковь, но

они так и остались невоспитанными. Каждый день он был в светском обществе, но становиться лучше они не желали. Как же такое могло случиться?!

Общие способы лишить детей здоровья и жизни

I

Изнеживай их!

1. Одна заботливая мать придерживалась мнения, что для ее ребенка нет ничего полезнее тепла. «Очень, очень полез-но», – полагала она. Поэтому она велела так непомерно обогревать их комнату, что каждый, кто входил в нее со свежего воздуха, мог бы, наверное, задохнуться. Обычно ее начинали обогревать в середине сентября и заканчивали в начале июня. В этой комнате должен был спать ребенок, к тому же еще и с грелкой, и его так крепко укутывали в подушки, что, когда его вынимали, обычно он обливался потом. В таком случае мать имела обыкновение говорить: «Ребенок будет очень хорошо развиваться, ведь он так сильно потеет». Но к своему величайшему неудовольствию она заметила, что он становился все более немощным.

Его лицо стало лимонного цвета, руки безжизненно повисли, голова постоянно свешивалась набок; в конце концов, когда служанка по недосмотру оставила его на сквозняке, он простудился и умер. Это было тепличное растение, которое увядает, как только попадает на свежий воздух.

2. «От этого, – подумала ее сестра, – мне надо себя уберечь. Мои дети должны заблаговременно приучиться к холоду». Поэтому она велела выносить своего сынишку на улицу даже в самую ненастную погоду и порой купала его в ледяной воде. Впрочем, она обогревала свою комнату столь же сильно, как и ее сестра, а сынишку укладывали в кровать с не меньшими приготовлениями, чем детей ее сестры. При таком образе жизни маленький Фриц так сильно потел, что любая простуда обязательно должна была причинить ему вред.

Так однажды, когда его мать, сняв с него мокрую от пота рубашку, посадила его в чан с холодной водой, он закатил глаза, сделал поклон и вслед за своим маленьким кузеном отправился в вечность.

II

Лишай их свежего воздуха!

1. «Почтенный господин! – сказала как-то одна женщина священнику, который ее навестил. – Милостивый Боже возложил на меня поистине тяжкий крест! Взгляните только на этих трех глистов! У них нет ни духа, ни крови! Они выглядят как засушенные святые угодники! У того опухли глаза, у этого отечные ноги, а у третьего болят уши. Часто он так вопит, что его слышно за четыре дома отсюда».

«Ай-ай-ай, моя милая! – ответил священник. – Это не крест, это мучение, которое вы сами себе создаете. Что делает в детской сей чан? Из-за него полностью отсырела вся комната. Посмотрите, какие влажные стены! Как запотели окна! Неужели вы не понимаете, что это подрывает здоровье ваших бедных детей? Я не пробыл у вас и четверти часа, а у меня уже болит голова. Думаю, я бы умер, если бы мне пришлось прожить восемь дней в этой парилке. А что за кровати? Ваши дети действительно на них спят? Ах, добрая госпожа! Не грешите на Бога, и не надо винить Его, будто он делает ваших детей несчастными. Это вы убиваете своих детей, потому что им не даете дышать свежим воздухом, которым по милости Бога наслаждаются все звери, и отравляете его стиркой и сушкой белья. Хотите стирать – делайте это во дворе или на кухне; белье вешайте во дворе или на чердаке; отправляйте ваших детей гулять и каждый день открывайте окна, чтобы несколько часов проветривать детскую. Вот в чем дело, и у вас будут здоровые дети! Храни вас Господь! А я больше не могу находиться в этой парилке!»

2. Этому же священнику однажды встретилась женщина, собиравшаяся пойти к палачу[25], чтобы получить у него дельный совет по поводу своей маленькой девочки, на которую, как она говорила, злые люди навели порчу, из-за чего та плохо развивается. Она уже несколько раз водила ее в часовню, обращалась к разным знахарям, чтобы снять порчу, но ничего не помогало.

Священник выразил свое изумление этим, но попросил ее до поры до времени отложить поход к палачу. «Я хочу, – сказал он, – сначала сам взглянуть на ребенка, и если болезнь исходит от злых людей, то, конечно, вам их назову».

Женщина с ним согласилась. Он захотел войти в комнату, но ощутил такой гадкий, гнилостный, тухлый запах, что едва не задохнулся. Он скрыл свое отвращение и направился прямо к ребенку, который, правда, выглядел очень бледным, но в остальном никаких признаков настоящей болезни не имел.

– По какой улице вы шли, – спросил он, – когда в последний раз выносили ребенка?

– Ах, я этого уже и не помню. Наверное, за четверть года он не подходил к двери.

– А когда в последний раз вы открывали окно?

– Наверное, уж год, как его не открывали.

– Что ж, мне этого достаточно. Вы, наверное, знаете, кто эта злая женщина, которая причинила вред вашему ребенку?

– Ну! Кто же это?

– Вы сами!

– Как вам не стыдно! Если бы мне это сказал кто-то другой, то я знаю, что я бы ему сделала. Я давно здесь живу, и ни один сосед не посмеет сказать обо мне чего-то дурного.

– Повторю: именно вы, а не кто-то другой, делаете своего ребенка болезненным. У вас есть еще комната?

– Да, наверху! Но там хранится у нас наш небольшой скарб. Здесь ничего хранить невозможно, потому что все запотевает и плесневеет.

– Но кто вам дороже, ваш небольшой скарб или ребенок?

– Конечно, ребенок.

– Что ж, тогда перенесите ребенка в верхнюю комнату. Эта расположена слишком глубоко и выходит на узкую улочку, где не светят ни луна, ни солнце. Здесь постоянная сырость, которая вредна вашему ребенку так же, как и вашему скарбу. Каждый день открывайте настежь окно, чтобы мог проникать свежий воздух; ибо в этой комнате стоит жуткий смрад от всех этих гороховых супов, клецек и пахты, которые вы съели за год; в этой комнате всякие испарения от вас, от мужа и от ребенка, которые накопились за год. Постепенно воздух стал затхлым. Дадите ли вы своему ребенку испить навозной жижи? Действительно нет? Что ж, тогда не давайте вдыхать ему и этот воздух, который пахнет даже чуть хуже, чем самая зловонная навозная лужа. Зловонный воздух столь же вреден человеку, как и дурно пахнущая вода. Послушайтесь меня, милостивая госпожа! Перенесите вашего маленького ребенка в другую комнату; велите каждый день открывать в ней окно, постепенно опять приучите его к свежему воздуху. Я думаю, что вскоре ему должно стать лучше. Если за четыре недели это не поможет, то приходите снова ко мне, но прежде чем вы пойдете к палачу, я направлю вас к одному хорошему врачу, который даст вам дельный совет.

Но, как мне рассказывали, ребенку с каждым днем становилось все лучше, как только мать последовала этому дельному совету священника.

III

Приучай детей к мягкой и вкусной пище!

Если и жил когда-нибудь на свете мужчина, любивший своих детей, то это был господин Вайхлих. Они были его самым большим богатством, а когда он думал о том, что кто-то из них вдруг умрет, то приходил в отчаяние. Поэтому он очень тщательно подбирал им еду, а так как слышал, что иные кушанья и напитки детям вредны, предпочитал вообще ничего не давать им есть и пить, если не опасался, что они умрут с голоду.

«Молоко, – имел он обыкновение говорить, – ни в коем случае нельзя давать детям, оно выделяет слизь. Самое здоровое – пара чашечек кофе утром, это способствует очищению организма. Фрукты – из-за них возникают рези. Известно, что дети, съевшие фрукты, умерли от дизентерии. Мария! Даже и думать не смей давать детям фрукты! Ничего подобного в моем доме я не потерплю. Да и с бутербродами с маслом дело тоже сомнительно. Ведь масло жирное и может легко испортить желудок. От хлеба толстеют и заводятся глисты. Миндальное сердечко или миндальный кренделек – вот для детей лучший завтрак. Миндаль – сытная штука, а пряности согревают желудок. Для разнообразия они могут съесть что-нибудь пожаренное на масле. Это не вредно, ведь масло здесь уже прогорело. Ни в коем случае нельзя давать детям есть овощи. От них пучит и сдавливает желудок. Пусть их едят крестьянские дети, у которых желудок привычен к этому, но с городскими детьми совершенно другое дело. Хорошо приправленный суп, кусочек баранины или телятины, голубок или курочка, или что-то другое такое же нежное с крепким бульоном – вот что лучше всего годится детям.

Вода ослабляет желудок, зато вино и пиво придают силы. Разве что, я полагаю, нужно соблюдать осторожность и чуть подогревать вино или пиво на печи или на солнце, потому что холодный напиток вызывает кашель и простужает желудок. Поэтому также будет неплохо всякий раз подавать детям на стол пару чашечек чая.

Так имел обыкновение говорить господин Вайхлих; так он имел обыкновение и в самом деле растить своих детей. И все же он получал от них мало радости. Они были очень маленького роста. В двенадцать лет они едва ли были выше других, восьмилетних, детей. Они были бледными, их конечности – немощными. Они видели, как соседские дети резвятся перед их дверью, и лишь в редких случаях им хотелось приобщиться к их

играм. Если же иной раз они отваживались на это, то выдерживали не больше четверти часа, а затем падали на диван полностью изможденными, словно совершили далекое путешествие.

Один умер от холодного напитка, другой пока еще жив, если можно назвать жизнью, если ты непригоден к какой-либо работе, когда не можешь принимать в пищу большинство продуктов, которыми наслаждаются прочие люди, когда мучаешься то головной болью, то коликами и боишься как яда ломтика ветчины и соленого огурца.

IV

Побольше пичкай своего ребенка лекарствами!

Филипп был единственным ребенком, которого господин Дамон оставил после себя своей любимой жене. Поэтому можно легко догадаться, что она души в нем не чаяла и страстно желала суметь сохранить единственный памятник нежнейшего брака. Ее брат, который хорошо понимал, что все ее благополучие зависит от жизни ребенка, посоветовал приучать его к самой простой еде, закаливать холодной водой, сохранять в его жилой комнате и спальне чистый здоровый воздух, заблаговременно приучать к труду, каждый день разрешать ему играть в подвижные игры, никогда не давать лекарства, если того не требует высшая необходимость. «Это, дорогая сестра, – сказал он, – самые надежные средства добиться того, чтобы тело ребенка было крепким и выносливым. Если они ничем не помогут, то не поможет и никакая искусственность».

Но госпожа Дамон сочла, что эти средства слишком наивные, чтобы сумели помочь. Она даже пришла к ужасному подозрению, что ее брат, должно быть, нечестен с нею и желает смерти ребенку, чтобы однажды завладеть ее состоянием.

Поэтому для очистки совести она пошла к врачу, чтобы получить от него дельный совет. Хотя Филипп был бойкий как молодая косуля, она все же решила, что лучше уж своевременно позаботиться о его здоровье и жизни.

По соседству с ними жил один искусный врач, которого она прежде всего попросила навестить ее ребенка. Он пришел, пощупал пульс Филиппа, рассмеялся и сказал: «Ваш ребенок здоров. Я не любил бы вас и вашего ребенка, если бы решил назначить ему хотя каплю лекарства».

– Но, – возразила госпожа Дамон, – ведь у ребенка насморк, а

тут вот еще и сыпь.

– Не обращайте на это внимание, дорогая госпожа! – ответил врач. – Это выбросы природы, которые идут во благо здоровью. Было бы жестоко посредством лекарств мешать природе в ее воздействиях.

«Наверное, ты хочешь мне угодить», – подумала госпожа Дамон.

Поэтому она пошла к другому врачу и попала как раз к одному из людей, которые пускаются на то, чтобы приписывать себе безграничную власть над силами, здоровьем и жизнью своих сограждан, словно тираны, не позволяют им наслаждаться самыми безобидными вещами, пытаются привить им отвращение к простым средствам сохранения здоровья и любовь к искусственным, делают из здорового человека больного, чтобы тот обращался за помощью к ним, продлевают болезни, заставляют тщедушных людей тревожиться по поводу своего состояния, чтобы как можно дольше налагать на них контрибуцию, словом, используют свое искусство не для того, чтобы помогать страдающим ближним, а чтобы иметь возможность взимать с них с их соизволения ежегодную дань.

К такому человеку – доктору Дигестивусу, как его звали – и обратилась госпожа Дамон, и он пообещал на следующий день ее навестить.

И действительно, он ее навестил. Он пощупал пульс Филиппа, он осмотрел его мочу, он осведомился, какой у него аппетит, каков сон. И когда он услышал, что тот прошлой ночью несколько раз беспокойно метался по постели, покачал головой и состроил озабоченную гримасу.

– Бога ради, – воскликнула госпожа Дамон, – что с ним? Что с ним? Господин доктор! Будьте до конца откровенны.

– Дело обстоит скверно.

– Так что же?

– Вся природа ребенка расстроена. Но с Божьей помощью, я полагаю, все-таки удастся его излечить.

– О, сделайте это, лучший из всех людей! И пусть это будет стоить сто талеров, я с радостью заплачу.

– Детям, выглядящим необычайно здоровыми, как правило, угрожает наибольшая опасность. Красные яблоки обычно червивые. В тысячу крат мне милее хилый ребенок. Как давно вы прочищали ребенку кишечник?

– Я думаю, не в этом году. Мой покойный муж всегда говорил: «Детей не надо мучить лекарствами, покуда они здоровы».

– Так, ваш покойный муж, наверное, хорошо разбирался, как

делать учет, но фармацевтику ему лучше было оставить в покое. Только подумайте, сколько всего ребенок вбирает в себя за год! Это почти всегда приводит к мокроте. В большинстве блюд содержится вредная кислота. Если же эту гадость не вывести, то это чревато самыми ужасными последствиями. Какое-то время никто ничего не замечает. Но затем это внезапно дает знать о себе. Появляются раковые язвы, застойные выделения, случаются апоплексические удары – затем, когда болезнь с ножом подступает к горлу, люди бегут к нам, чтобы мы сразу же помогли, но, как правило, бывает слишком поздно. Ведь у нас есть тут наглядный пример – ребенок Фридрихов, которого они похоронили на прошлой неделе. Эти люди тоже не хотели давать ребенку лекарства, а теперь вот с ними несчастье. У меня ни один пациент не умрет, если вовремя спросить моего совета и ему следовать.

– Ах, я буду охотно, охотно ему следовать. Скажите только, как ребенку помочь.

– Посмотрите, дорогая госпожа, у ребенка смешанная болезнь, которую мы, врачи, называем *morbum mixtum*. Потребуется время, чтобы ее искоренить. Выделения из носа совершенно отчетливо свидетельствуют о перерождении слизистой, которое мы должны попытаться устранить в первую очередь. Сперва мы должны будем использовать какое-нибудь слабительное, чтобы защитить грудь, иначе застойные выделения могут нам испортить все дело. Проследите-ка за выделениями ребенка, когда он примет мой отвар! Вы увидите чудо. Когда мы с этим покончим, то затем – видите тут эту сыпь? Да! Она мне тоже добавит работы. Вся кровь испорчена. Несколько месяцев мы ничего не сможем делать, кроме как применять паллиативное лечение. Но мы будем лечить нашего пациента лишь до весны, а затем нужно будет взяться за него снова. Тогда мы получим растительные соки. Хотите еще что-то увидеть? Взгляните лишь на мочу! Что за зрелище! Вы ничего не видите! Да если бы вы знали, что означает колечко, то всплеснули бы руками. Это означает глисты. Если бы вы заглянули в тело ребенка, то ужаснулись бы. Там, должно быть, глист сидит на глисте. Причем не обычные *acari,* а *lumbrici*. Считайте меня лжецом, если за восемь дней я не выгоню пару сотен *lumbricos*. Но для этого время пока еще не пришло. Сперва мы должны справиться с одним злом.

Теперь госпожа Дамон знала именно то, что ей так хотелось знать. Она передала своего любимого Филиппа целиком в руки доктора Дигестивуса, который уже на следующий день приступил к лечению.

Это было жестокое лечение, которое без слез, пожалуй, описать невозможно. В овощах и фруктах, а также во всем остальном, что детям по вкусу и чем их кормят, бедному Филиппу было отказано полностью, и если он хотел съесть пару вишен, то сперва должен был получить согласие доктора Дигестивуса. Тем больше он получал отваров, настоек из лекарственных трав и порошков. Румянец на его лице исчез, аппетит пропал. Даром плакала мать перед варваром. «Все как надо, – говорил он, – так и должно быть. Сперва нужно все вывести, а уж затем укреплять».

Три года продолжалось такое лечение, пока милосердный Бог не увидел слез Филиппа и легкой смертью не вырвал его из когтей жестокого мучителя.

V

Позаботься о том, чтобы больные и хилые люди передали им свои соки!

У Кольхарда Лизочка была девушкой бойкой и всегда бегала за мужчинами, несмотря на то, что ее духовный отец очень часто серьезно выговаривал ей за это. Помимо прочего она благосклонно выслушивала льстивые речи одного офицера, произведшие на Лизочку столь сильное впечатление, что она стала позволять ему нечто такое, чего порядочной девушке, пожалуй, делать не подобает.

За это она получила от него ребенка и еще кое-что вдобавок к нему – болезнь, которую зовут венерической[26].

Из-за этого Лизочка оказалась в стеснительном положении, ей требовались еда для ребенка и лекарства, чтобы избавиться от болезни. Поэтому она пришла к офицеру, одарившему ее тем и другим, и попросила его о помощи. Но тот пожал плечами и стал ее уверять, что все его деньги ему самому нужны на лечение.

Тут Лизочка запричитала и зарыдала так, что разжалобила бы даже и камень. «Я наложу на себя руки, – воскликнула она в полном смятении, – если вы меня не спасете». – «Поступай, Лизочка, как хочешь, – ответил офицер, – помочь я тебе не могу».

Тут Лизочка пришла в отчаяние, хлопнула дверью и, громко ревя, стала спускаться по лестнице.

Несмотря на то что подобным происшествиям офицер придавал мало значения и имел обыкновение, когда лишал девушку здоровья и чести, называть это небольшой любезностью, он все же вопреки своей привычке вдруг почувствовал

сострадание и пришел к мысли, которая, по его мнению, была просто блестящей.

Он бросился вслед за Лизочкой и попросил вернуться.

– Как раз сейчас, – сказал он, – мне пришла в голову очень здравая мысль. Как ты, Лизочка, смотришь на то, если предложишь себя в качестве кормилицы? Ведь тогда ты сможешь вскоре заработать столько денег, что их хватит тебе на лечение.

– Боже милостивый! А что станет с моим бедным червячком, моим ребенком?

– С твоим ребенком? Разве ты не можешь оставить его своей матери?

– Моей матери? Она ведь сама очень бедная женщина, в доме которой солнца всегда больше, чем хлеба. Если я отдам ей ребенка, то он ведь умрет в первые четыре недели.

– Тогда оставь его подыхать!

– Своего ребенка?

– К черту! Что за вздор ты болтаешь! Сейчас речь о том, где раздобыть тебе денег. Так просто их не заработаешь. А ребенка ты сможешь в любой день взять обратно.

Хотя при этих словах офицера у Лизочки пробежали по спине мурашки и она никак не могла увязать его совет с тем, чему учил ее пастор, на этот раз нужда все же заставила, и она ушла от него с намерением согласиться на первую попавшуюся работу кормилицей.

Если в мире что-нибудь происходит, то странным образом совпадает с чем-то другим. Как раз в это время госпожа фон Функенталь родила девочку, которой из-за нехватки молока не могла давать свою грудь и поэтому сочла себя вынужденной найти кормилицу.

Едва Лизочка об этом узнала, как тут же предложила свои услуги госпоже фон Функенталь, которые сразу и были приняты.

На следующий день Лизочка переехала, и госпожа фон Функенталь передала «офранцуженной» Лизочке девочку с поистине материнской нежностью и наилучшими наставлениями кормить ее самым добросовестным образом.

Но она этим не довольствовалась, а постоянно была при кормилице и ребенке и принимала все меры, чтобы ребенок как можно лучше питался.

Все шло замечательно, разве что на губах и на носу у девочки появилась сыпь.

Как бы противно это ни было, материнская любовь все же сумела перебороть отвращение. По меньшей мере три раза в день нежная мать брала девочку из рук Лизочки, балагурила с ней, целовала ее и позволяла ей сосать со своих губ.

Благодаря этим ласкам госпожа фон Функенталь восстановила силы, ослабшие по причине родов, и ее тело теперь было в полном порядке, разве что на шее чуть вздулись железы. Она сочла это вздутие за последствия родов и в дальнейшем не обращала на него внимания.

А господин фон Функенталь был крайне рад тому, что снова может обнять свою нежно любимую Луизу, и действительно обнимал ее с нежностью, которую можно ждать от супруга, искренне любящего свою жену.

В этих самых сладких радостях прошло несколько недель. Радость была бы еще больше и продолжительнее, если бы железы у госпожи фон Функенталь не отекли еще больше и не появилась бы чуть более сильная сыпь под носом супруга.

Поэтому тот и другая несколько раз принимали ревень. Но так как недуг продолжал у обоих распространяться, они решили спросить совета у доктора Гутмана.

Тот дал им всяческие лекарства, чтобы очистить и подсластить кровь, но все это нисколько не помогло.

Доктор задумался и однажды, после того как нанес свой визит, совершенно сухо сказал: «Милостивый господин, милостивая госпожа, будьте ко мне милостивы! Я думаю, что у вас венерическая болезнь!»

Оба не на шутку разозлились и крепко отругали доктора за его дерзость. Но тот оставался при своем мнении и сказал, что если они не хотят ему верить, то пусть спросят совета у другого врача, а у него на завтра есть другой вызов!

Когда он собирался уже уходить, вошла Лизавета, держа на руках девочку, обсыпанный рот и обсыпанный нос которой сразу же привлекли к себе внимание врача.

Поэтому он задал Лизочке пару каверзных вопросов, при которых она сразу же покраснела и ничего вразумительного сказать не могла. Когда он надавил на нее сильнее, она во всем призналась. Хотя ее тут же уволили, в семье Функенталей помнили о ней еще долго. Родителям пришлось выдержать очень болезненное лечение, а девочка хотя и стала постепенно выздоравливать, но тот яд, который теперь нужно было вывести при помощи длительного лечения, она впитала в себя вместе с молоком в те месяцы, когда должна была расти и развиваться, и поэтому на всю жизнь осталась слабой и хилой.

В результате этого происшествия госпожа фон Функенталь приобрела такую сильную неприязнь к любым кормилицам, что, когда при следующих родах она опять не могла сама кормить грудью своего ребенка, купила козу и вскармливала его козьим молоком.

Хотя за это ее порицала сестра, но та в ответ услышала: в этом она не позволит себе указывать, при нынешнем образе жизни гораздо надежнее, когда твоего ребенка поит молоком коза, а не кормит грудью кормилица.

Мадам Фландер считала, что ей уготовано, как она говорила, нечто большее, чем быть няней. Поэтому своего маленького Юлиуса, как только он появился на свет, она с радостью отняла бы от груди и взяла бы кормилицу, если бы только это позволил ее своенравный муж.

Она, по ее мнению, делала нечто излишнее, когда каждый день давала малышу свою грудь; впрочем, дальнейший уход за ним она доверила старой Сабине, которая когда-то уже была у них сиделкой. Эта старая Сабина была женщиной очень душевной, но по причине своего возраста очень хворой, и ее мучили подагра и боли в спине. Тем не менее для маленького Юлиуса она делала все, что могла. Каждый день она четырехкратно кормила его с такой нежностью, что еду, которую собиралась ему давать, всегда сперва клала себе в рот, несколько раз сплевывала и снова пробовала, а потом, смешанную с ее слюной, вливала в ребенка, зачастую испытывая сильнейшие боли.

Могла ли она сделать больше?

Тем не менее эта нежность совсем не имела эффекта, которого ждала старая Сабина. Маленький Юлиус не хотел прибавлять в весе, побледнел, у него появилась ломота в руках и ногах. Старая Сабина окуривала его и лечила чародейством, мадам Фландер взвалила вину на едкость своего молока и стала отлучать ребенка от груди.

Все это нисколько не помогало. В свои два года маленький Юлиус выглядел как пожилой мужичок.

Тут мадам Фландер расплакалась, стала упрекать своего мужа и сокрушаться: «Вот видишь, что бывает, когда сама кормишь ребенка. В этот раз я сама кормила ребенка, и больше в моей жизни такого не будет». Старая Сабина тоже заплакала и сказала: «Ах, Юлиус, сердечко мое! Как мне было любо глядеть на тебя! Давала тебе кушать прямо из своего рта – Бог знает, даже когда мне было больно! И ни разу не было, чтобы я где-то недосмотрела! Ах! Ах! Ах!»

Одно превосходное средство сделать своих детей калеками

Заставляй их носить корсеты!

Госпожа фон Гентхольм родила девочку, которая, как принято говорить, была верхом красоты. Круглое, полное личико, живые глаза, здоровый цвет кожи, широкая грудь, стан такой же прямой, как восковая свеча, – все это очень заметно выделяло ее среди других детей. Господин фон Гентхольм, энергичный, бодрый дворянин, при первом же взгляде на которого было видно, что в его жилах по-прежнему текла старая рыцарская кровь, не мог нарадоваться на своего ребенка, целовал его, брал на руки, напевал ему песенки, нянчился с ним и часто говорил: «Ах! Луиза, когда-нибудь ты еще возвеличишь род Гентхольмов».

Но госпожа фон Гентхольм находила у ребенка множество недостатков. Во-первых, ей совершенно не нравился живой цвет лица у девочки, и она часто говорила, что та выглядит как крестьянская девочка. Но прежде всего ей не нравилась талия ребенка, которая, по ее мнению, была слишком грубой.

Поэтому, как только муж ее уехал в полк, она постаралась там и сям подправить все то, что, по ее мнению, милый Боженька где-то недоглядел. В первую очередь она приобрела хороший корсет, в который каждый день на ее материнских глазах втискивали девочку.

Каждый раз, когда к ней подходили с корсетом, фрейлин Луиза плакала, каждый раз она жаловалась на боль, когда он был на ней надет, каждый раз она умоляла мать побыстрее снять его; но разве можно требовать, чтобы такая разумная мать шла на поводу у своенравного и неразумного ребенка?

Госпожа фон Гентхольм и не шла на поводу, а сумела так сломить своенравие девочки, что постепенно та стала терпеливо сносить все мучения, которые причинял ей корсет.

Каждое утро она безмолвно сносила, когда ей его надевали, терпела, когда внутренности, находящиеся в нижней части живота, были вынуждены покидать свое место, чтобы найти пристанище в грудной полости, когда вдавливались ребра, а плечи задирались вверх. Недостаток свободного дыхания и аппетита она тоже терпела, в конце концов смирилась даже с тем, когда мать огласила ужасный, как она считала, приказ обязательно спать в корсете. «Это же твоя мать, – подумала она, –

ты должна ее слушаться!»

Через несколько лет госпожа фон Гентхольм имела удовольствие видеть, что все, что милый Боженька сделал с фрейлин Луизой, она полностью переделала. Свежий цвет лица у фрейлин Луизы исчез и превратился в бледность, одно плечо и бедро стали выше других, а на ровной в целом спине создалось возвышение. Эти мелочи госпожа фон Гентхольм пыталась исправить кармашками, подкладками, гримом и тому подобным и очень обрадовалась, когда удалось убрать крестьянский румянец и грубую талию.

И вот господин фон Гентхольм вернулся из своего похода. Его сердце горело страстным желанием обнять свою замечательную Луизу. Поэтому, едва увидев свой замок, он поскакал к нему, отпустив повода. Наконец он подъехал к воротам, откуда навстречу ему вышла бледная, искалеченная девочка.

– Барышня, – спросил он резко, – фрейлин Луиза дома?

– Это я и есть, – сказала фрейлин.

– Ты Луиза? Ты моя дочь?

– Вы мой папа?

Фрейлин подала свою руку, когда господин фон Гентхольм слез с лошади, позволила себя обнять, и оба они заплакали: фрейлин слезами радости, господин фон Гентхольм слезами горя.

– Где твоя мать? – наконец негодующе спросил господин фон Гентхольм.

– Она здесь неподалеку, – ответила фрейлин и привела его в комнату матери.

Та, как только его увидела, поспешила к нему с распахнутыми объятиями и воскликнула: «Ах! Мой супруг»!

Но тот холодно отстранился и произнес: «К черту! Что же ты сделала с моей Луизой? Ведь ребенок, когда я его покидал, был красив, как ангел, а теперь калека!»

Госпожа фон Гентхольм принесла кучу извинений, которых ее супруг не выслушал вовсе, а очень натянуто подставил ей щеки для поцелуя и попросил что-нибудь съесть.

Вечером он говорил мало, по причине усталости вскоре лег отдыхать, на следующее утро, прежде чем милостивая сударыня проснулась, велел оседлать свою лошадь, не прощаясь, поскакал снова в полк, пообещав вернуться.

Со временем о фрейлин Луизе и ее дряхлости стали говорить все подряд. Как правило, фрейлин ожесточалась и отвечала: «За это я должна благодарить вас, добрая мама, и ваш корсет».

КНИЖКА ДЛЯ МУРАВЬЕВ
или Наставление по разумному воспитанию воспитателей

Ameiſenbüchlein,

oder

Anweiſung

zu einer

vernünftigen Erziehung

der

Erzieher.

Von

C. G. Salzmann.

Schnepfenthal, 1806.
in der Buchhandlung der Erziehungsanſtalt.

Герману!

Так зову я тебя, дорогой молодой человек, того, кто в своей груди ощущает стремление отличиться на свете своей деятельностью на благо людей.

Дай мне руку! Если ты не чувствуешь в себе преимущественных талантов и несомненной склонности к другому делу, то посвяти себя воспитанию!

Оно предоставит тебе возможность сделать действительно многое для блага людей. Тот, кто осушает болота, прокладывает дороги, дает возможность многим и многим тысячам удовлетворять свои потребности, кто разводит сады, основывает больницы, тоже творит на благо людей, но не так непосредственно и радикально, как воспитатель. Тот улучшает условия жизни людей, этот облагораживает самого человека. Но если сперва человека облагородить, то его жизнь станет лучше сама по себе, а воспитанник, которого тебе удалось облагородить, имеет задатки на том месте, куда его поставит провидение, сделать приятней и уютней жизнь тысяч своих собратьев.

Нигде среди людей ты не найдешь такой восприимчивости ко всему доброму, как у детей. Их сердце – самая настоящая целина, где каждое зернышко быстро пускает корень и прорастает; это воск, который послушно укладывается в любую форму, в которую ты его вдавливаешь. Сердце взрослых подобно земле, уже покрытой растениями, которые пустили в ней глубокие корни и которые можно искоренить, чтобы семя, брошенное тобою в землю, смогло уродиться, только с большими, зачастую тщетными усилиями; мрамору, который нужно обрабатывать с большой осторожностью и в котором после долгой кропотливой работы часто наталкиваешься на жилу, делающую всю дальнейшую работу бесполезной. Если ты и впрямь основательно изучаешь искусство воспитания и добросовестно занимаешься им, то, несомненно, ты обретешь высшее счастье – когда-нибудь увидеть воспитанных тобою людей, которые с желанием и энергией трудятся на благо других.

Не возражай мне, будто дело воспитания столь трудное. Но где встретишь общеполезное дело, которое не было бы трудным? А если бы такое нашлось, например, разделывание паштетов, захочешь ли ты ему себя посвятить? Но, как мне кажется, дело воспитания не столь трудное, как ты думаешь. Дурную славу ему создали воспитатели, не понимавшие воспитания. Просто обращай внимание на указания, которые даются тебе в этой книге, и следуй им. И хотя при воспитании ты будешь прилагать

усилия, чуть ли не всегда найдется такое, которое вознаградится быстрым успехом и поэтому едва ли заслуживает того, чтобы именоваться усилием. И это небольшое усилие – какой же разнообразной радостью оно будет скрашено! Посмотри, что за безобидный, веселый народец представляют собой человечки, в кругу которых вращается воспитатель. Разве постоянная их веселость не окажет благотворного влияния на тебя, если ты станешь настоящим воспитателем и научишься снисходительно к ним относиться?

Опыт показывает, что люди, живущие и творящие в юношеской атмосфере, обычно не старятся, тогда как те из друзей их юности, которые трудятся в окружении взрослых, один за другим увядают.

Это бесспорное явление часто приписывали юношеским испарениям, которые вдыхают такие люди и тем самым разжижают кровь, становящуюся с возрастом вязкой. Так ли это на самом деле, не берусь утверждать, ибо для этого мне недостает необходимых медицинских знаний. Но, несомненно, постоянная бодрость и радость юности вносят свой вклад, если только им не противодействуют своенравием и дурным настроением. Хочется усесться в кресло и спокойно дожидаться, когда наступит маразм[27], но тут подскакивает бойкий мальчишка, просит удовлетворить одно из своих юношеских желаний и побуждает вас встать с кресла. Там несколько беззаботных мальчиков затевают веселую игру, которая и вас тоже настраивает на веселое настроение. Тут вас зовет колокольчик в учебную комнату, где для того, чтобы занятие было успешным, нужно оставить дурное настроение и настроиться на веселый лад. Так воспитатель, живущий в соответствии со своим призванием, каждый день омолаживается и отдаляет от себя старость с ее разно-образными тяготами.

Но воспитание, может, ты думаешь, очень плохо вознаграждается?

Ты и в самом деле так думаешь? Мне кажется, ни одно дело не вознаграждается больше, чем это. Разве веселое настроение, здоровье, светлая старость, которые обычно приписывают настоящему воспитателю, это мелочь?

Помимо того он может рассчитывать еще и на другое вознаграждение – на собственное облагораживание. Воспитатель, который занимается своим делом не ради выгоды, для кого главная цель – облагораживание своих подопечных, обязательно станет хорошим, благородным человеком. Как? Разве может он с теплотой говорить о долге, не размышляя ежедневно о нем и не чувствуя его ценности? Сам не представляя собой примера

исполнения долга? Разве не должен он уметь жить среди молодых людей, чей зоркий глаз замечает любой недостаток, чье прямодушие делает заметным любой недостаток, не отрицая его? Это столь верное изречение *docendo diseimus*[28] верно и в моральном смысле. Если мы всерьез стремимся облагородить своих подопечных, то облагораживаемся и сами.

Итак, мой дорогой Герман! Если, занимаясь воспитанием, ты становишься здоровым и радостным, если при этом развивается и получает все больше благородного смысла твой внутренний человек, разве ты недостаточно вознагражден? Допустим, тебе придется провести свои дни в крайней нужде, тем не менее разве ты не будешь достаточно вознагражден? Или, быть может, ты хочешь всем этим пожертвовать, чтобы сыграть блестящую роль? Или ты предпочтешь сидеть больным за богато уставленным столом, а не с хорошим аппетитом за простой трапезой? Или ты предпочтешь иметь веселье вокруг себя и тоску в себе, а не веселое настроение в себе и окружающий тебя покой? Или ты предпочтешь повелевать толпой продажных душ, а не предоставлять в распоряжение другим себя самого? Что ж, произведи обмен, но тогда, мой Герман, не тебе посвящена эта книга.

К тебе обращаюсь я, к тому, кто может ощутить ценность этой великой награды. Даже если кроме нее никаких других наград ты не добьешься, то сможешь обойтись и без них.

Но, разумеется, если ты стремишься стать замечательным воспитателем, а не посредственным, то не заставит ждать себя и другое вознаграждение. Прошли времена, когда воспитание было делом презренным. Все больше семей, для которых хороший воспитатель является высшей потребностью, которые стремятся заполучить его любой ценой, которые воспринимают его не как первого слугу, а как первого друга. Дворянские семьи подыскивают себе человека, которому они могут всецело довериться и передать своих детей. И ты не хочешь стать воспитателем?

Вступительное слово

При подготовке «Книжки для раков» я обратился к науке о насекомых и намеревался подготовить ряд сочинений, которые должны были заимствовать у насекомых свои названия. Но всякий раз от этого меня удерживали все новые возникавшие у меня дела, а теперь приближающаяся старость оставляет мне мало надежды осуществить это свое намерение. Стало быть, «Книжки для скорпионов, или наставления по неразумному управлению народами», а также «Книжки для пауков, или наставления по неразумному ведению брака» не будет. Однако «Книжка для муравьев, или наставление по разумному воспитанию воспитателей» перед вами.

Спрашивается, зачем такое странное название? Во-первых, чтобы привлечь им читателя. Содержание этой книги кажется мне столь важным, что я хочу, чтобы ее прочли и приняли к сердцу все те, кто воспитывает или отдает ребенка на воспитание. Тем не менее следует позаботиться, чтобы она не осталась незамеченной в потоке сочинений, которым наводняется Германия на каждой ярмарке, благодаря некоему отличительному признаку, который бросится в глаза и выделит ее среди тысяч других книг, ее окружающих. Но что подходит для этого больше названия? Другой, быть может, выбрал бы для этого греческое или французское название или имя некоего божества или мыслителя древности; мне же понравилось заглавие: «Книжка для муравьев».

Во-вторых, я выбрал именно это название потому, что очень хорошо была принята «Книжка для раков», ее читают и рекомендуют и по прошествии 24 лет, и поэтому я смел надеяться, что сходство названий принесет данной книге такой же успех у публики.

Наконец, причина для выбора такого названия заключена и в самом муравейнике. Родители муравьев, продолжив свой род, взлетают в воздух и – по образу и подобию человека – не заботятся о своем приплоде – заботу о нем и его воспитание они поручают муравьям, предназначенным природой для низкой сферы деятельности. И они действительно хорошо делают свое дело: они каждый день выставляют молодой выводок на солнце, подползают к ним и стараются их спасти при всякой угрожающей им опасности, и результат свидетельствует о качественности воспитания, потому что любой муравейник – это обитель здоровья, чистоты, трудолюбия и послушания, которых недостает во многих человеческих обществах, но к которым приучают молодых муравьев сразу после того, как они появились на свет.

Поскольку Соломон отсылает лентяев к муравейнику, то внимание воспитателей можно было бы на него обратить и в другом смысле.

Но хватит о названии! Что касается содержания, то, как мне кажется, оно имеет большее значение. У нас изобилие книг, содержащих наставления по воспитанию детей, но, на мой взгляд, наставлений по воспитанию воспитателей пока еще не хватает. Но чем помогут те, если нет этих? Зачем нужны все теории, если нет людей, которые могут их осуществить? В «Ревизии системы школьного обучения и воспитания»[29] выдвигаются хорошие теории. Но где они осуществлены? Вместо того чтобы подумать о том, как осуществить то правильное и хорошее, что мы уже знаем о воспитании, продолжают выстраивать новые теории, которые, как и те, не будут реализованы. Мы приравниваем теоретические построения, теоретические идеалы к самым совершенным строениям, которые можно начертить рейсфедером, но всегда остающиеся лишь проектами, которыми, скажем, можно облицевать стены, поскольку у их составителей нет умения спроектированное осуществить.

Ах, дайте нам хороших воспитателей! Дайте нам людей, у которых есть склонность, умение и навык разумно обращаться с детьми, завоевывать их любовь и доверие, пробуждать силы, направлять их наклонности и благодаря своему учению и примеру сделать из молодого человека того, кем он может и должен быть по своим задаткам и по своему призванию, и воспитание будет успешным без каких-либо новых теорий. Так из сельской школы, где учит некий смышленый, правдивый и верный учитель, никогда не слышавший о чистом долге[30] и не изучавший новых теорий об уроках чтения, постепенно выходит община, которая своей честностью, светлыми помыслами, порядком, деятельностью и навыками чтения выгодно отличается во всей округе и оставляет позади себя всех тех, кого по самым последним теориям воспитывали люди, воспитывать не умевшие.

Что, к примеру, разумнее, чем требования воспитателей направлять детей не столько поощрениями и наказаниями, сколько при помощи представлений? Однако чтобы направлять детей при помощи представлений, требуется собственная умелость. Тот, у кого ее нет, может рассказать детям очень много доброго и разумного о том, что читать – хорошо, и все же этим ничего не добьется, тогда как другой, тот, кто воспитание понимает, приходит к своей цели, потратив гораздо меньше слов.

Среди воспитателей общепринято считать, что к воспитанию в известном смысле относится и закалка тела. Но если воспитатель сам дряблый, то как он будет закаливать других?

и т. д.

Что касается формы моего доклада, то в ней найдут кое-что, к чему можно придраться, но что все же заслуживает снисхождения в силу особенностей моего характера. Иногда я буду говорить твердо и решительно и требовать, чтобы было именно так, а не иначе. Это – следствие моей искренней убежденности. Я уже не юноша, занимающийся идеалами, по поводу которых он пока еще сомневается, верны ли они, или ему только так кажется. Я лет двадцать с лишним воспитывал сам, узнал особенности детей в различных отношениях, проделал с ними один эксперимент, который мне не удался, и другие, от которых я ощутил самые благодатные воздействия. То есть все, что я знаю, я знаю из многолетнего опыта. Надо ли поэтому мне ставить в вину, если я говорю об этом с такой же уверенностью, с какой пожилой врач при определенной болезни имеет обыкновение рекомендовать метод лечения, в чьих достоинствах его убедил многолетний опыт?

Кроме того, я буду редко упоминать или не буду упоминать вовсе, что было сделано другими воспитателями. Это отнюдь не проистекает из низкой оценки других, а всего лишь есть следствие некоторого моего свойства. Я мало читал, но тем больше думал, наблюдал и делал. Если это хотят считать недостатком – что ж, пусть будет так; но ведь совершенно ясно, что человеку, который недостаточно знает работы других, не подобает об этом судить.

Особенно странным сочтут, что я нечасто упоминаю метод преподавания Песталоцци, привлекший к себе внимание всей Европы.

Это происходит по той же самой причине. Насколько при беглом знакомстве я разобрался в методе преподавания этого заслуженного человека, мне кажется, что в главном мы сходимся, а различаемся лишь в форме выражения. Но кое-что у него, что для меня было новым, я принял и с благодарностью применяю.

Сюда относятся его контурные рисунки, упражнения для памяти, метод расчета и повторение вслух несколькими учениками одновременно.

Пусть эта небольшая книжка полностью достигнет цели, ради которой она и была написана! Пусть с ее помощью удастся привлечь многих немецких юношей к важному, благотворному делу воспитания; пусть она поведет их по единственно правильному пути, который нам предначертала природа; пусть ею будет разрушен предрассудок, будто воспитание – обременительный труд, а его успех крайне сомнителен; пусть наша нация еще больше утвердит свою славу, которую она

снискала себе за границей благодаря искусству воспитания.

Шнепфенталь, октябрь 1805 года

Х. Г. Зальцманн

Символ веры

Тем, кто решился принять Кристианство, обычно при посвящении предъявляют некую формулу, к принятию которой они должны изъявить готовность и которую называют символом веры. Им, правда, стали злоупотреблять, и иной символ веры, похоже, давали скорее с целью вселить ненависть к инакомыслящим, нежели приверженность партии, с которой хотят объединиться. Но все же сам по себе этот обычай хороший и нужный. Ведь каждое общество должно иметь некую цель, ради которой в него объединяются, и некие принципы, следуя которым оно хочет достичь поставленной цели; их можно облечь в краткую формулу и потребовать их принятия теми, кто хочет к обществу присоединиться.

И вот я приглашаю немецких юношей посвятить себя важному делу воспитания. Поэтому не сочтите странным, если и я тоже представлю им формулу для принятия в качестве символа веры. Каждый, кто имеет склонность вступить в общество воспитателей, примет ее во внимание и проверит себя самого, сможет ли он поверить в нее и принять всем сердцем. Кто этого не сможет, кто найдет в ней противоречие, тот пусть лучше оставит мою книгу непрочитанной, потому что он неспособен заниматься делом воспитания с радостью, усердием и продуктивно.

Мой символ веры краток и звучит следующим образом: причину всех недостатков и пороков своих воспитанников воспитатель должен искать в самом себе.

«Резко сказано», – подумают многие; но в действительности эти слова не такие уж резкие, какими кажутся на первый взгляд. Стоит лишь правильно их понять, как кажущаяся резкость сразу исчезнет.

Моя мысль отнюдь не состоит в том, будто причина всех пороков и недостатков воспитанников действительно заключена в воспитателе, – я хочу лишь сказать, что он должен искать ее в себе.

Если он ощущает в себе достаточно силы и беспристрастности, чтобы это сделать, то это значит, что он на пути к тому, чтобы стать хорошим воспитателем.

Правда, в природе человека заложено искать причину всех неприятностей и даже своих собственных промахов вовне; следы этого можно найти уже в истории грехопадения. Поэтому неудивительно, если и воспитатель вину за непослушание, неумелость и отсутствие успехов у своих воспитанников скорее

склонен приписывать им, а не себе самому. Однако эта склонность принадлежит к числу тех, которые не только не руководствуются рассудком, но и должны подавляться подобно зависти и злорадству.

Я считаю абсолютно достоверным, что причина недостатков питомцев очень часто заключена в воспитателях. Если бы это было не так, если бы их причину всякий раз непременно нужно было приписывать детям или тому положению, в котором находятся воспитатели, то искать эту причину в себе самом было бы, разумеется, неправомерным и безрассудным требованием к воспитателю. Но какой разумный воспитатель будет так думать?

Если же ты убежден, что причина недостатков питомцев зачастую и в самом деле заключена в воспитателях, то я желаю тебе поверить, что это часто относится и к тебе.

Быть может, ты замечал, что воспитанники, которые непослушны с тобой, с готовностью повинуются другим? Или что те же самые воспитанники, которые на твоей лекции легкомысленны и ничего не учат, внимательны и добиваются хороших результатов, когда приходят на уроки других?

Если ты действительно это заметил, то не обманывай себя, будь честен перед собой и признайся, что, возможно, ты сам повинен в том, что ты порицаешь в своих воспитанниках. Не говори: «Но я ведь осознаю, что добросовестно исполняю свой долг». Такое вполне возможно, но, может быть, ты пока еще не умеешь правильно обращаться с детьми.

Быть может, в твоем поведении есть что-то отталкивающее, что делает детей подозрительными и недоброжелательными. Быть может, тебе недостает педагогического таланта. Ты слишком вялый, или твоя лекция слишком скучная и абстрактная. Разве ты не замечал, что одни и те же воспитанники иной раз записывают твою лекцию и следуют твоим указаниям, а в другой раз легкомысленны и непослушны? Не может ли и это тебя научить, что причину их недостатков надо искать в себе?

«Не понимаю, – ответишь ты, – как одно следует из другого. Разве я не такой, каким был вчера? А если мои воспитанники уже не такие, какими были до этого, то разве причина такой перемены не в них?»

Такое возможно. Но прежде чем ты это допустишь, исследуй сперва, действительно ли ты все такой же, каким был вчера. Очень часто ты обнаружишь, что стал совершенно другим человеком. Быть может, ты страдаешь от несварения, или простудился и подхватил насморк, или с тобой произошла неприятность, твоя душа расстроена, или ты что-то прочел, что тебя все еще занимает и мешает полностью переключиться на

другие дела, и т. д. Одна-единственная из этих случайностей может сделать тебя совершенно другим человеком. Вчера ты предстал перед своими питомцами со светлой душой и пламенным взглядом; твоя лекция была очень живой, приправлена шуткой, твои напоминания были мягкими и преисполненными любви, живость твоих воспитанников тебе доставляла радость. А сегодня? Увы, ты уже не тот человек, каким был вчера. Твоя душа мрачная, твой взгляд угрюмый и отталкивающий, твои напоминания строгие, любое детское озорство у тебя вызывает гнев. Разве иной раз ты не замечал этого у себя? Что ж, будь тогда искренним и признайся себе, что причина того, почему твои воспитанники сегодня не такие хорошие, какими были вчера, заключена в тебе.

Я ожидаю самых разных возражений против моего символа веры, я хочу привести некоторые из них и на них ответить. Тот, кому этих ответов достаточно, легко сможет сам опровергнуть прочие возражения; но если кто-то на этом успокоиться не может, то и я тоже с ним ничего не добьюсь, если захочу привести и опровергнуть всевозможные возражения. Он – человек, ослепленный себялюбием, которому прямо-таки невмоготу вдруг оказаться неправым, который всех своих воспитанников скорее объявит олухами и сорванцами, нежели ударит себя в грудь и признается, что ошибся; к воспитанию он непригоден.

Итак, послушаем возражения.

Все недостатки, на которые я жалуюсь, мой воспитанник имел еще до того, как у меня появился. Почему же я должен приписывать вину за них себе?

Допустим, что эти недостатки были у твоего питомца еще до того, как он появился у тебя. Но почему они у него сохраняются? Разве не устранение недостатков – главная цель воспитания? Если этого не происходит, то разве по меньшей мере не исключена возможность того, что причина в тебе? К примеру, твой питомец попадает к тебе хилым ребенком, от которого мало проку.

Почему же он до сих пор не стал более сильным? Разве ты не слышал о хилых детях, которые стали сильными благодаря разумному обращению? Знаешь ли ты, как слабых детей сделать сильными? Использовал ли ты эти средства? Еще до тебя твоего питомца испортили воспитанием – он упрям, строптив, лжив; но почему он остается прежним, столь долгое время находясь под твоим руководством? Предоставил ли ты ему возможность на себе испытать последствия своего упрямства, чтобы заставить его над этим задуматься? Дал ли ты ему как следует ощутить, что ты мужчина, а он ребенок, что ты превосходишь его силой, опытом и знаниями, и пытался ли ты по-настоящему его убедить, что он от

тебя зависит и должен следовать твоим предписаниям? Всегда ли ты прикладывал надлежащие усилия для того, чтобы исследовать, сказал ли он тебе правду, и устыдить его разоблачением лжи? Ты рассказываешь, как обращаешься со своими воспитанниками, какие наставления им даешь, какими представлениями пытаешься их направлять, и сетуешь, что вопреки всему ничего добиться все же не можешь.

Наверное, так может быть; может быть также и так, что мне вообще не в чем тебя упрекнуть, когда ты рассказываешь о своей манере обращения; но если бы я увидел тебя в работе, то, возможно, все же заметил бы, что причина неудовлетворительного результата твоих стараний заключена в тебе.

Недостаточно говорить что-то правильное и разумно действовать – важно и то, *как* говорить и *как* действовать. У кого есть уши, тот услышит!

Тон, которым говорят с молодыми людьми, имеет большое значение. Они склонны руководствоваться больше чувством, нежели разумом. Стало быть, тот, кто может найти *верный тон,* который больше всего подходит юношеской натуре и производит на них наибольшее впечатление, с помощью нескольких слов добьется от них гораздо большего, чем пространной речью кто-то другой, не умеющий говорить верным тоном.

Тон, которым иные воспитатели говорят со своими воспитанниками, особенно если те знатного происхождения, бывает слишком робким, слишком застенчивым, ему недостает решительности. Подобно тому как конь по дрожанию бедер своего наездника вскоре догадывается о его боязливости и отказывается ему подчиняться, точно так же молодые люди по робкому тону, которым говорит воспитатель, вскоре начинают чувствовать, что тот их не превосходит, и не особенно с ним считаются.

У других воспитателей тон, которым они говорят, слишком сухой, слишком однообразный. Если послушать их, то можно подумать, что свои наставления они вычитали из книги.

Такие наставления тоже ничего не дают. От детей нельзя ожидать, что они много воспримут из связной лекции, поймут ее смысл и будут о нем размышлять. Тон, мимика, манеры выступающего должны донести до них содержание речи, иначе ее воздействие окажется незначительным.

«Я умираю и плачу», – сказал, улыбаясь, один известный проповедник в заключение надгробной речи, которую он прочел на могиле своего собрата. И никто не проронил и слезы. Быть может, в этом было повинно бессердечие слушателей? Отнюдь – в

этом была повинна улыбка на лице оратора, когда он сказал: «Я умираю и плачу». Если бы он завершил речь с выражением скорби на лице и поднес к глазам носовой платок, то добился бы большего, даже если бы вообще ничего не сказал.

Наконец, тон иных воспитателей слишком властный. С гордым видом они глядят сверху вниз на своих приемных сыновей, как гордящийся своим благородным происхождением офицер на свою компанию, и каждое наставление, каждое напоминание имеет форму деспотичного приказа. Каков будет от этого эффект? Неприязнь и строптивость. Ценящий свободу человек испытывает естественную неприязнь к любому жесткому, авторитарному обращению, и нельзя ему ставить в вину, если он выражает ее по отношению к своим деспотичным воспитателям.

Тут я должен еще сказать о капральском тоне, вошедшем в привычку у иных воспитателей, старающихся придать вес своим наставлениям и предписаниям тычками и затрещинами. Но поскольку о нем уже так много говорилось, а непригодность его общепризнанна, то я считаю излишним еще что-либо о нем говорить. Между тем каждому молодому человеку, умеющему направлять юношей не иначе как пинками и затрещинами, я советую полностью отказаться от воспитания, потому что он и сам радости от него не получит, и ничего хорошего не принесет. Пусть уж он лучше постарается стать капралом или устроится надзирателем, там он будет на своем месте.

Все, что до сих пор было сказано, в достаточной мере доказывает, что многие воспитатели должны себе приписать причину недостатков своих воспитанников, потому что им недостает умения от них отучить.

Зачастую они их им даже и прививают.

«Что ж, – подумает большинство читателей, – ко мне это не относится, я учу моих воспитанников их обязанностям и своими наставлениями стараюсь сделать их хорошими и деятельными людьми». Охотно в это верю. Я не сомневаюсь, что среди моих читателей нет никого, кто призывал бы своих воспитанников к лености, лживости, неуживчивости и к другим порокам. Но из этого еще не следует, что этим порокам они их не научили. Разве нельзя научить пороку своим примером? Разве он не действует на юношей сильнее, чем наставление? К примеру, ты ратуешь за прилежание, а сам ленив, приходишь на свои занятия в дурном настроении, жалуешься на то, что много работы, часто выражаешь желание освободиться от своих дел; ты призываешь их к правдолюбию, а сам лжешь; говоришь, что хочешь навестить друга, а сам украдкой пробираешься в трактир к игорному столу; переносишь свои уроки под тем предлогом, что заболел, но при

этом не болен; требуешь от своих воспитанников терпимости, а сам постоянно бранишься с людьми, которые с тобою связаны. Ты представляешься мне учителем языка, умеющим очень хорошо преподносить теорию речи, а сам говоришь и пишешь с ошибками. Если твои ученики делают то же самое, то разве тогда нельзя сказать про тебя, что ты обучил их ошибкам против грамматических правил?

Далее, нельзя ли научить также порокам и недостаткам манерой обращения?

Я в этом уверен. Если, к примеру, ты строго наказываешь любую шалость, любой опрометчивый поступок, любую оплошность своего питомца, то чему ты его научишь? Лживости. Ему в силу своей юношеской природы попросту необходимо иногда проявлять озорство, вести себя безрассудно, где-то недосмотреть; а если он знает, что ты за все это строго караешь, что он будет делать? Он будет пытаться скрывать от тебя свои промахи, отпираться, станет лжецом. Ты злоупотребляешь доверием, проявленным к тебе твоим питомцем, ты выбалтываешь секреты, которые он открыл тебе как своему другу, публично выговариваешь ему и за это его стыдишь. Чему ты учишь его? Скрытности. Можешь ли ты всерьез требовать, чтобы этот молодой человек доверял тебе свои тайны, если ты не умеешь их хранить? Разве будет он с тобой откровенен, если за чистосердечность ты делаешь из него преступника? Только простак, глупец будет так делать; мальчик, который себя сознает и может судить о неправильности твоего поведения, лишит тебя своего доверия и доверится людям, которые лучше хранят его тайны.

Если ты не стараешься удовлетворить жажду деятельности своих воспитанников, если, чтобы их занять, ты не даешь им в руки ничего, кроме книг и перьев, то чему ты их учишь? Целому ряду пороков, подробный список которых мне не хочется здесь приводить. Жажда деятельности дана раз и навсегда, это благотворный дар Творца, стальная пружина, которую он вставил в юношеский механизм. Книги и перья неспособны ее утолить, ибо для того чтобы ими пользоваться, нужно размышлять, а это уже – дело разума, который у мальчиков пока только развивается; и даже если книгами и перьями во многих случаях могут пользоваться без размышления, постоянное их применение все же слишком однообразно, чтобы соответствовать характеру мальчиков[31], любящих разнообразие. Поэтому мальчики, которых приковывают к книгам и письменному столу, испытывают скуку. Если иных удается к ним приучить, то жажда деятельности подавляется и они становятся вялыми и ленивыми;

если это не удается, как в большинстве случаев и бывает, то сдержанная жажда деятельности прорывается и переходит в распущенность, первыми проявлениями которой обычно бывают тайные грехи. Кто их этому научил? Воспитатель. Тому, кто хочет больше узнать о разнообразных методах, которые позволяют привить детям дурные наклонности, я рекомендую «Книжку для раков, или наставление по неразумному воспитанию детей».

В-третьих, воспитатель виноват в недостатках и пороках своих воспитанников также и тем, что он им их приписывает.

Если послушать, как иные воспитатели изображают своих воспитанников, то хочется ужаснуться и пропадает всякое желание посвятить себя такому благотворному делу воспитания. Ни малейшего побуждения сделать что-то полезное, невыносимая леность, безрассудность, неуживчивость, коварство, злоба; это орда грубых, неотесанных мальчишек, с которыми ничего невозможно поделать.

Образованный воспитатель улыбнется при этом, потому что он понимает, что по большей части эти пороки придуманы воспитателем, объявляющим пороками то, что все же является неизбежными свойствами детства.

Каким бы сочли отца, который грязными словами отругал бы своего месячного ребенка, потому что тот испачкал пеленки; или садовника, который весной пожаловался бы на то, что на всех своих вишнях не нашел ни единой ягоды, а обнаружил только цветки? Наверное, мы бы сочувственно посмеялись над ними.

Но многие воспитатели поступают отнюдь не разумнее. Они делают из своих воспитанников преступников, когда те ведут себя так, как обычно ведут себя и должны вести себя дети, и требуют от них поведения, которое может быть лишь продуктом развитого ума, а он у них еще мал; они ищут плоды, когда деревья еще только цветут.

Послушаем об этом разговор между господином Коридоном и его другом господином Ментором. «У моих воспитанников, – говорит господин Коридон, – нет никакой степенности. Как мне их приучить ходить степенной походкой? Они только прыгают, скачут и бегают».

Ментор. Так? Но это же здорово. Я был бы очень недоволен, если бы мои воспитанники ходили как марионетки. Мальчик должен прыгать, скакать и бегать, если он чувствует в себе силы.

Коридон. Ни следа размышления.

Ментор. И вы этому удивляетесь? Но что размышляет в человеке? Не правда ли, разум? Откуда же взяться размышлению у мальчиков, чей разум еще не развился?

Коридон. Ничего, кроме мальчишества, у них нет.

Ментор. Это потому, что они – дети.

Коридон. Если дается сигнал к уроку, то они идут так медленно, с таким недовольством, что теряешь терпение; но если они идут на площадку для игр, то надо видеть, с какой радостью они туда спешат, как будто предназначение человека – играть.

Ментор. Разумеется, играть – не предназначение человека, но развивающийся человек, мальчик предназначен играть. Постепенно ему надо прививать интерес к работе, но нельзя ему ставить в вину, если он не может сразу найти в ней интереса.

Коридон. А на уроках они ни на мгновение не могут угомониться.

Ментор. Это из-за того, что они находятся в положении, которое для них неестественно. Здоровый ребенок спокоен только тогда, когда спит, за исключением сна он в постоянном движении. Здесь вы ничего не можете сделать, кроме как подумать о том, как использовать их беспокойный нрав для достижения благих целей. Если вы дадите что-нибудь делать маленьким ручкам, а болтливые ротики смогут вдоволь наговориться, то вы обнаружите, что непоседы не будут больше вам докучать.

Коридон. Сколько обид они причиняют мне своим коварством и злобой!

Ментор. Коварством и злобой? Однако я не так часто замечал это у мальчиков. Все-таки приведите пример.

Коридон. Пример? Я мог бы написать об этом целую книгу. Ради бога! Представьте себе – вчера я вывел гулять своих мальчиков, у меня до сих пор еще дрожат руки, когда я об этом думаю.

Ментор. Ну? Что же случилось?

Коридон. Они бросались снежками.

Ментор. И это вы называете коварством и злобой?

Коридон. И все-таки! Стоило мне недоглядеть, как один из них бросил мне, своему воспитателю, в спину снежком!

Ментор. Чтобы вас оскорбить?

Коридон. А как иначе?

Ментор. Да! Это тот самый пункт, где вам, господа, так часто недостает понимания. При любом проявлении озорства и безрассудности вам мерещатся коварство и злоба, и этим вы грешите на юность. Коварство и злоба для юности неестественны. Если они проявляются, то, несомненно, их им привили взрослые своим неправильным обращением.

Коридон. Но разве у мальчишки, бросившего в меня снежком, могло быть другое намерение, кроме как меня оскорбить?

Ментор. Побудить вас принять участие в игре в снежки. И что

же вы сделали, когда в вас попали снежком?

Коридон. Я обернулся и спросил: кто из мальчишек бросил в меня снежком?

Ментор. Ну? Какой же ответ вы получили?

Коридон. Никакого. Я пригрозил, что они останутся без обеда, если не назовут мне того мальчишку, который не проявил ко мне уважения. Никто не ответил. Они предпочли есть на обед сухой хлеб, а не быть искренними и выдать мне мальчишку, который меня оскорбил.

Ментор. В отличие от вас я не вижу в этом ничего ужасного.

Коридон. Как? Вы одобряете заговор, который эти злодеи устроили против своего учителя и воспитателя?

Ментор. Я не вижу ни заговора, ни злодеев. Один из компании в приступе озорства бросил в вас снежком – это знают все. Но из-за этого вы объявляете этого мальчика негодяем, не проявившим к вам должного уважения. Вы – своим взглядом и резким тоном – грозите ему строгим наказанием. Все мальчики чувствуют, что вы поступаете здесь несправедливо, и поэтому не выдают своего товарища. Они лучше останутся без обеда, чем выдадут хорошего, но озорного мальчика, с которым обойдутся чересчур строго. Допустим даже, что эти мальчики поступили неправильно, не выдав озорника. Но не дали ли вы сами к этому повод своей строгостью? Знаете, что я бы сделал на вашем месте? Я бы обернулся и, улыбаясь, спросил: «Я думаю, вы хотите помериться со мной силами? И кто же тот маленький герой, который отваживается со мной потягаться?» Тогда мальчик вышел бы сам и сказал: «Я!» Потом я затеял бы поединок с ним, и после того как мы бы по очереди бросили друг в друга парой снежков, я бы чуть серьезнее сказал: «Ну, друг! Отлично, что мы потягались друг с другом». Тогда он выкинул бы снежок, который уже подготовил для вас, и весь эпизод окончился бы к общему удовлетворению.

Здесь господин Коридон пусть прервется. Если бы я захотел дать ему высказаться до конца, то его жалобы заполнили бы все место, которое я отвел «Книжке для муравьев». Ибо тому, кто относит своеобразия детской природы к разряду пороков, всегда будет на что пожаловаться!

Часто воспитатели становятся творцами пороков своих воспитанников также и тем, что вводят авторитарное правило, которым молодые люди должны руководствоваться, а любое отклонение от него трактуется как дурная наклонность. Если же правило глупое и противоестественное, а молодые люди это чувствуют, то у них не будет также и склонности ему следовать, каждое мгновение они будут от него отступать и поэтому в глазах

воспитателя выглядеть нарушителями.

Особенно это относится к заносчивым воспитателям, считающим себя непогрешимыми, а своих воспитанников воспринимающим как рабов, которые обязаны им слепо повиноваться, во всех своих поступках считаться с ними и при любой возможности доказывать им свою полную покорность. Такой воспитатель не терпит никаких возражений, никакого протеста; это было бы оскорблением, недостатком почтения. Как только он появляется, все игры должны быть прекращены, должно наступить глубокое молчание, все должны стоять перед ним в почтительной позе.

Прямодушный, непосредственный мальчик, который не приучен к притворству и склонен ластиться к каждому, кого он считает хорошим, сочтет эти требования нестерпимыми. Возможно, страх перед оскорблениями подвигнет его несколько мгновений вести себя в соответствии с несправедливыми требованиями своего воспитателя; но вскоре он забудется, проявит себя в своем естественном облике, и в результате с ним будут обходиться как с негодным мальчишкой.

Вот размеренными шагами и с негнущейся шеей пришел господин Криспин, чтобы преподать свой урок. Его ученики в сей момент перед домом играют в мяч. Одни при виде его пугаются и кланяются ему с лицемерной миной; другие продолжают играть. «Что за мерзкое поведение? – Подходит он к ним. – У меня что, ученики – уличные мальчишки?» Они нехотя следуют за ним в класс.

«Садитесь, – повелевает он, – и чтобы никто не осмелился издать ни малейшего шороха. Пишите, что я вам диктую: *Il vit la carosse* (он увидел карету)».

«Господин Криспин, – говорит маленький бойкий Клаус, – по-моему, правильно *le carosse*».

«Молчать! – отвечает он. – И даже если правильно *le carosse,* ты все равно должен писать *la carosse,* потому что так сказал я, твой учитель. Безбородому мальчику не подобает перечить своему учителю».

Тут он начинает объяснять продиктованное и замечает, что двое мальчиков разглядывают кусочек бумаги, шушукаются и смеются. Он подскакивает, отнимает листок и видит на нем небольшой рисунок, только что сделанный юным Клаусом и подписанный: «Это господин Криспин».

На этом урок заканчивается, потому что господин Криспин впал в такую сильную ярость, что не может его продолжить. Он выставляет мерзкого негодного мальчишку за дверь и велит, чтобы тот больше не попадался ему на глаза.

Остальная часть часа, отведенного на учебное занятие, проводится с бранью и угрозами, которые я стыжусь здесь приводить. По описанию Криспина, его класс – сборище мерзких и подлых уличных мальчишек.

Из-за чего же он так горячится? Из-за порождения его собственного мозга – якобы постыдного оскорбления учителя, из-за того, чего другой образованный человек не заподозрил бы вовсе. Если мальчики не перестали играть в его присутствии, то это произошло из понимания ими того, что ничего плохого они не делали; если Клаус обратил внимание господина Криспина на ошибку, то это было следствием его доброжелательности и прямодушия, за что другой похвалил бы его. Не берусь утверждать, что, делая свой рисунок, он не руководствовался каким-то коварством. Но допустим, что именно так и было; но кто к этому его подстегнул? Не кто иной, как господин Криспин, своей явной несправедливостью по отношению к маленькому художнику.

Наконец, воспитатели часто преувеличивают число пороков у своих воспитанников, причисляя к ним особенности характера последних. Если бы всем без исключения воспитанникам в учебно-воспитательном заведении захотели сделать ботинки по одной сапожной колодке, то оказалось бы, что они впору лишь единицам, а остальным либо чересчур велики либо слишком малы. И что же тогда делать? Объявить ноги, для которых не впору ботинки, неправильными? Чуть укоротить ступни ног у одних воспитанников, что-то добавить к ним у других?

Вам смешно? Вам хочется знать, зачем я задаю этот странный вопрос? Я тут же отвечу. Подобно тому как каждый мальчик имеет свою собственную форму ноги, точно так же каждый имеет свой собственный характер и свои собственные таланты. Если же вы хотите обходиться со всеми мальчиками с их разными характерами и талантами на один манер, или, как принято еще говорить, стричь всех под одну гребенку, то такой способ обращения всегда будет подходить лишь единицам; если же вы хотите отнести этих мальчиков к числу порочных и пытаетесь их подогнать под свою манеру обращения, то вы поступаете столь же неразумно, как тот, кто хочет придать форму ногам по предназначенным им ботинкам. Вы публично выговариваете своим воспитанникам за совершенные промахи. Возможно, на некоторых не очень чувствительных детей, для которых предыдущие наставления оказались безрезультатными, это окажет благотворное действие; но если вы будете поступать так со всеми, то честолюбивый Фердинанд сочтет себя оскорбленным и будет склонен совершить величайшие безрассудства;

слабовольный Вильгельм, напротив, зарыдает горькими слезами и будет обескуражен. Вы учите Фрица и Карла. Фриц схватывает на лету все, что вы ему говорите, а работу, которую вы ему даете, заканчивает за четверть часа. Но с Карлом дело обстоит иначе. У этого доброго и честного мальчика очень медлительный ум, он с большим трудом понимает урок, тратит целый час на заданную ему работу, но в конечном счете оказывается, что она все же не выполнена так хорошо, как работа, сданная Фрицем. За это вы устраиваете ему нагоняй, которого он не заслужил.

Вы обучаете Генриха и Людвига латыни и математике. Генрих решительно не может понять грамматических правил латыни, зато на уроках математики он лучший ученик; Людвиг же приносит вам сочинения на латыни, которые вам надо лишь немного поправить; но математика – он ее просто не понимает. Тем не менее вы требуете от обоих, чтобы в латыни и в математике они достигали равных успехов; выговариваете Генриху за его леность в латыни, а Людвигу – за его дурное настроение на уроках математики, и с тем, и с другим ведете себя неправильно. Их леность и вялость придуманы вами[32].

Таков был бы мой символ веры, который должен понять, принять и которого должен придерживаться каждый, чтобы моя «Книжка для муравьев» оказалась ему полезной.

Но всеми символами всегда злоупотребляли, и то же самое, наверное, произойдет и с ним. Если же иной воспитатель своими стараниями мало чего добивается со своими воспитанниками или вообще ничего не может добиться, если они плохо учатся, сохраняют свои пороки и под его руководством приобретают новые, то родители без обиняков припишут вину за это ему и сошлются на мою «Книжку для муравьев». Тут они поступят несправедливо.

Но разве не я говорил, что причину всех пороков и недостатков питомцев надо искать в воспитателях? Совсем не это имел я в виду. Лишь от воспитателя я требую, чтобы он сам искал причину в себе, а если она действительно в нем, то он может ее устранить.

Но из этого еще не следует, что другие должны возлагать вину на него.

Вы, дорогие родители, тоже воспитатели своих детей. Хотя отчасти вы передали их воспитание другому, вы все же по-прежнему принимаете в нем ближайшее или отдаленное участие. Стало быть, и для вас тоже написан мой символ веры. Подумайте, примите его к сердцу и примените его к себе самим. Вместо того чтобы винить в пороках ваших детей воспитателя, ищите причину этих пороков в себе. Воспитатель ищет ее в себе, вы ищите ее у

себя, и каждый исправляет ту часть, где, по его мнению, он совершил промах. Тогда и в самом деле все будет в порядке.

Каждый сделать свое рад!

И в доме все идет на лад.

Кто не принимает моего символа веры, считает себя непогрешимым и все причины пороков своих воспитанников и неудачи своей работы ищет в них или во внешних условиях, то как он сможет воспитывать? С досадой он будет глядеть на своих воспитанников, их вид будет вызывать у него неприятные чувства, каждая их опрометчивость будет его оскорблять, зачастую в самых невинных их проявлениях он будет чуять коварство и злобу, считать, что его сплошь окружают порочные люди, на которых никак нельзя подействовать. Каким обременительным станет для него воспитание, каким строгим его голос, каким неправильным будет его поведение со своими юными друзьями и какими бесплодными окажутся все его старания! Он страстно будет дожидаться момента, когда его освободят от обязанностей воспитателя и он сможет сменить свое прежнюю обстановку на новую.

Он наступит, этот страстно желанный момент; тогда ты почувствуешь, что тебе легче, и тебе покажется, будто ты родился заново. Но вскоре в своем новом положении ты найдешь новые неприятности; твое новое окружение не будет отвечать твоим ожиданиям, а поскольку однажды ты при-учился всякий раз искать причины недовольства вовне, то ты возложишь вину за него на свое окружение, и снова начнутся прежние жалобы. Начало мудрости – самопознание; где его нет, мудрости не найдешь ни в какой обстановке, и всюду будет недоставать проистекающих из нее хладнокровия и удовлетворенности.

Друг! Ты, посвятивший себя воспитанию, будь поэтому сильным и, если ты заметил у своих приемных сыновей пороки и недостатки, а подействовать на них тебе не удается, решись их причину всегда искать в себе. Несомненно, ты обнаружишь многое, о чем ты не подозревал, а если ты это найдешь, то обрадуйся и со всей серьезностью отнесись к тому, чтобы это устранить. Наверняка это тебе удастся, и тогда – тогда – какое желанное изменение в себе и вовне ты ощутишь! Доверенные тебе молодые люди предстанут для тебя в другом свете, их веселость будет тебя веселить, их глупости и безрассудства не будут больше тебя обижать, ты будешь обращаться с ними с большей

терпимостью и снисходительностью; горечь и строгость в твоем тоне пропадут, угрюмость на твоем лице исчезнет, вспышки гнева, к которым ты склонен, постепенно пойдут на убыль, от лености, к которой ты привык, ты откажешься, некоторые другие недостатки, производившие на твоих юных друзей дурное впечатление, ты устранишь, твои уроки будут все более живыми и интересными. Если ты найдешь время, чтобы что-то в себе исправить, то каким будет результат? Ты станешь хорошим воспитателем.

Твои приемные сыновья вознаградят тебя своей любовью и своим доверием; они будут следовать твоим указаниям, твои усилия не пропадут даром, их пороки и недостатки постепенно отступят.

Если же в иных случаях у тебя все-таки что-то не получается, если ты не можешь устранить некоторые пороки и недостатки – что ж! У тебя все-таки есть утешение, ты с уверенностью можешь себе сказать: «Я честно исполнил свой долг, вину за неудачу моих стараний я не могу приписать себе».

Что такое воспитание?

С тех пор как существуют люди, их также всегда воспитывали. Тем не менее определенного, общепринятого понятия воспитания еще не существует. Чуть ли не каждый, кто пишет об этом деле, представляет его по-своему.

Тут я мог бы привести, объяснить, сравнить друг с другом все понятия, дававшиеся воспитанию начиная с Аристотеля и заканчивая Песталоцци, и подобрать правильные. Но у меня есть свои причины, почему я этого делать не буду. Во-первых, многие из них мне неизвестны, во-вторых, я считаю это совершенно ненужным. Какой толк от того, если я ознакомлю читателя с различными представлениями о воспитании, существовавшими в разные века? В самом конце я все же представлю свое собственное понятие и постараюсь его обосновать. Но будет короче, если я сразу, безо всех околичностей, вас с ним познакомлю. По моему мнению, воспитание – **это развитие и упражнение юношеских сил.**

Если ребенка воспитывают, чтобы сделать из него человека, то развивают и упражняют все его силы; если же его воспитывают для определенного дела, то нередко считают, что необходимо развивать только те, которые нужны для его выполнения, а другие, действенностью которых можно пренебречь, оставляют дремать или вовсе парализуют, подобно тому как оскопляют быка, предназначенного для работы в упряжке. Здесь я говорю только о первом способе воспитания.

Раньше, чтобы развить и упрочить у детей умение ходить, их ставили в ходунки или на них надевали шлейки, и они часто становились кособокими, с одним плечом выше другого, а если им позволяли свободно пользоваться своими конечностями, то руки и ноги их не слушались, дети часто спотыкались, разбивали себе голову или получали другие увечья. Теперь ходунки и шлейки из всех детских, куда проник свет лучшего воспитания, убраны. Там можно увидеть, как дети ползают, словно маленькие зверьки; почувствовав больше силы в своих ногах, они выпрямляются и встают, опираясь на стулья. На небольшом отдалении друг от друга ставят несколько стульев, на них кладут картинки и игрушки, чтобы побудить детей переходить от одного стула к другому. Через несколько дней они забывают про стулья и передвигаются по комнате, ни за что не держась. Потеряв равновесие, они обычно садятся на зад. При таком упражнении конечности остаются целыми и невредимыми. Сколько бы это ни продолжалось, мы потом видим тех же самых детей, которые

сперва ползают, бегающими и скачущими.

Эта манера обращения раскрывает нам весь секрет разумного воспитания, отвечающего человеческой природе.

Подобно тому как при таком обучении ходьбе умение ходить не стараются упражнять до тех пор, пока не будет достаточно натренировано умение ползать и пока оно не будет достаточно выражено, точно так же нельзя пытаться развивать и другие силы, пока они действительно не проявятся и пока не будут достаточно натренированы те силы, из которых они обычно проистекают. Далее, подобно тому как удалены ходунки и шлейки, а детей побуждают передвигаться добровольно и тем самым упражнять свое умение ходить, точно так же и при упражнении прочих сил воспитатель должен постараться убрать все, что сродни шлейке; он может упражнять юношеские силы не иначе, как предоставлять детям возможность и стимул заниматься этими упражнениями самостоятельно.

Без сомнения, ребенок получает все свои силы в результате зачатия и приносит их с собой, когда вырывается из своего растениеподобного состояния и переходит в животное царство. Но большинство из них еще дремлет, подобно зародышу в пшеничном зерне, брошенном в землю; пока они представляют собой лишь возможность, и с течением времени развиваются в следующем порядке.

Вначале большинство сил тела. Новорожденный ребенок дышит, кричит, глотает, переваривает пищу и т. д. Внешние вещи производят на него впечатления, но способность ощущать эти вещи или составлять себе о них представления в первые дни его жизни еще не проявляется. Постепенно он начинает представлять себе внешние вещи, сохранять эти представления, время от времени их воспроизводить, силы чувственности, памяти, воображения развиваются.

Впоследствии разум проявляется посредством суждений, которые он выносит о предметах, воспринимаемых с помощью органов чувств. Одновременно начинают обнаруживать стремление к деятельности имеющиеся в распоряжении силы. Ребенок за все хватается, все ощупывает, перебрасывает с одного места на другое. Если впоследствии ему дают деревянную лошадку, то он строит из книг или стульев конюшню, кладет перед лошадкой корм, вытаскивает ее, привязывает к стулу или к чему-то еще, что изображает повозку, которую должна тянуть лошадь, и т. п. Только при выходе из состояния детства разум благодаря представлению о сверхчувственных предметах начинает доказывать свою действенность.

Тем самым природа предначертала нам порядок, в котором

мы ей должны помогать при развитии юношеских сил.

Чему должен научиться воспитатель?

Излюбленный тезис современных воспитателей состоит в том, что воспитание ребенка должно начинаться с его рождения, и я от всего сердца к нему присоединяюсь.

Раз я пишу здесь теперь о воспитании детей, то должен был бы показать, как родители, няни и все остальные люди, в чьих руках находится ребенок в свои первые годы жизни, должны себя с ним вести в этот период. Но при написании этого сочинения я выбрал темой воспитание воспитателей, под которыми, согласно словоупотреблению, понимаются люди, отличные от родителей, которым обычно доверяют присматривать за ребенком тогда, когда он уже умеет ходить, говорить, составлять себе представления о предметах внешнего мира и о них рассуждать, и если бы я захотел детально остановиться на том, как надо обращаться с детьми в первые дни их жизни, то это слишком далеко увело бы меня от моей цели.

Кто хочет об этом узнать, тому я рекомендую книгу, которую я издал под названием «Конрад Кифер, или о разумном воспитании детей», где он получит различные дельные советы и наставления.

Поэтому я остановлюсь лишь на том, что должен делать для воспитания ребенка человек, которого он получает из лона семьи с целью дальнейшего его развития.

Как известно, возраст ребенка, когда это происходит, четко не определен. Иные воспитатели получают своих питомцев на пятом или на шестом году их жизни, большинство получает их позже.

Допустим, что воспитатель приступает к своим обязанностям с пятилетними воспитанниками. Тогда возникает вопрос: что с этого момента он должен с ними делать и чему он должен для этого научиться?

Силы тела, а среди них преимущественно те, чья деятельность больше всего нужна для его сохранения и питания, развиваются у детей первыми. Следовательно, воспитатель должен также понимать, как ему надо поддерживать их действенность, или здоровье тела.

У болезненных детей воспитание совершенно не удается. Постоянное плохое самочувствие делает их своенравными, недовольными, ослабляет потребность в деятельности и делает их нерасположенными создавать себе представления об окружающих их вещах, обращая на них внимание. Любой резкий ветер, любой ливень отпугивают их от природы и мешают им накапливать о

ней знания.

Поэтому воспитание болезненных детей – крайне трудное и чуть ли не совершенно неблагодарное дело, и тот, кто хочет воспитывать, должен знать, как сохранить здоровье своих воспитанников.

Но на то ведь, мне возразят, и существуют врачи.

Разумеется, они существуют. Но всегда ли они тоже присутствуют там, где находится воспитатель со своими воспитанниками? Не в дворянском ли они поместье? Не в загородных ли они домах, где зажиточные городские жители нередко воспитывают своих детей? Не отправились ли они в путешествие? А если они присутствуют, стоит ли всегда без раздумья доверять им своих воспитанников? Увы, существует крайне вредный предрассудок, что врачебный диплом служит свидетельством замечательного умения сохранять человеческое здоровье. Врач, которого вызывают к больному мальчику, чьей натуры он не знает, чьего образа жизни он не наблюдал, у которого, быть может, голова полностью забита мыслями об определенной болезни, которую он повсюду ищет и, по его мнению, повсюду находит, скорее может ошибиться в оценке его плохого самочувствия, первопричины последнего и в выборе лекарств, чем внимательный воспитатель, всегда имеющий рядом с собой своего питомца, знающий его натуру и образ жизни.

А все ли врачи честные? Нет ли среди них иных, кто обращается со своими пациентами так, как корыстолюбивый часовой мастер с карманными часами, приносимыми ему в починку, который никогда не ремонтирует их до конца, а всегда оставляет в них нечто, что можно исправить и на чем всякий раз можно немного заработать?

Стало быть, воспитатель должен знать, как сохранить здоровье своих воспитанников, как не допустить, чтобы они заболели, и как им помочь, если в механизме вдруг возникает сбой; и лишь в чрезвычайных случаях, когда ему недостает знаний, он должен прибегать к услугам врача[33].

Причины здоровья твоих питомцев, наверное, скажут, – здоровый воздух и здоровая вода.

Они действительно очень ценны, но если бы мы не пили здоровую воду, и в ней не купались, и не резвились бы на здоровом воздухе, то они мало бы чем нам помогли.

То, как мы обращаемся здесь с молодыми людьми, и есть истинная причина того, почему они так выделяются своим здоровьем и ни за кем из них еще не приходила смерть.

Если бы однажды мы отклонились от своих принципов воспитания, если бы мы приняли образ жизни, привычный в

знатных домах, то в Шнепфентале надо было создать точно такую же больничную палату, как в других учреждениях; вместо цветущего румянца, отличающего щеки юных воспитанников Шнепфенталя, появилась бы бледность, а наше кладбище пополнилось бы могилами юных многообещающих мальчиков, в расцвете лет ставших добычей смерти.

Все это я пишу лишь с целью убедить читателя в том, что своих питомцев можно сохранить здоровыми, не прибегая к медицине.

Разъяснять все то, что нужно делать для сохранения здоровья у своих приемных сыновей, здесь не место. Замечу только, что их нужно каждый день независимо от погоды приучать к закаливанию, выводить на свежий воздух, давать им простую пищу, заставлять купаться в холодной воде и выполнять с этим связанные плавательные упражнения[34].

Вот мой совет вам, молодым людям, захотевшим посвятить себя воспитанию. Если ваши воспитанники должны обрести здоровье посредством закаливания, то вы должны закаливаться сами. Или, быть может, вы полагаете, что они будут хорошо себя чувствовать в метель, если вы жалуетесь на неприятные ощущения, которые она вам доставляет? Что они захотят вый-ти на улицу в легкой одежде и с непокрытой головой, если вы укутываетесь в меха? Или, быть может, вы полагаете, что изнеженные юноши захотят подвергнуть себя воздействию холодного воздуха? Увы, опасаюсь, что всякий раз, когда воздух будет холодным, они будут подыскивать всякие оправдания, чтобы не выходить из дому и остаться в теплой комнате, и таким образом, вместо того чтобы закаливать своих воспитанников, их изнеживают.

Итак, дорогие друзья! Если вы не только зоветесь воспитателями, но и действительно хотите ими быть, закаливайте свое тело! Уберите перину и приучите себя спать на соломе под легким одеялом, слегка прикрыв или вовсе не прикрывая голову. То, что голова всегда должна быть покрыта, – предрассудок. Ваша одежда пусть будет легкой, никогда не надевайте на свое тело меха. До тех пор пока пребываешь в движении, благодаря ходьбе или бегу многое можно выдержать; исключение будет только тогда, когда в спокойном положении передвигаешься в повозке или на санях. Каждый день выходите на свежий воздух, не взглянув сперва через оконное стекло, какая погода на улице. Совершайте порой интенсивные пешие прогулки, чтобы ваше тело привыкло выдерживать с этим связанное неудобство. Поскольку движения на снегу и на льду являются превосходным средством укрепления здоровья, научитесь ездить на санках и бегать на

коньках по льду. Тогда вам не нужно посредством пространных объяснений доказывать вашим воспитанникам полезность этих движений. Вы садитесь на свои сани и спускаетесь с горы, вы надеваете свои коньки и скользите по льду, и ваши воспитанники сами вас просят позволить им покататься на коньках и санях.

Если потребление простой пищи есть средство сохранения юношеского здоровья, то само собой разумеется, что вы должны приучить себя также и к этому. Вы должны уметь обходиться без «теплых» заграничных напитков, которые при обычном воспитании становятся для нас необходимой потребностью, и лакомств, составляющих часть трапезы на столах зажиточных людей. Тогда вам не нужно будет читать своим воспитанникам проповеди о замечательных качествах простой пищи. Если вы сами ограничиваетесь потреблением молока и фруктов, масла, овощей, мяса и других продуктов, преподносимых природой, то они привыкнут к ним сами, а пристрастие к неестественной пище у них ослабнет и его можно будет легко устранить.

Будет ли это точно так же легко, если вы позволяете себе вкушать пищу, от которой вы их предостерегаете?

Если вы хотите устроить воспитанникам плавание в холодной воде, а сами участия в этом не принимаете, то легко предвидеть, какие последуют из этого неприятности. Многим из них не захочется лезть в воду, под всяческими предлогами они постараются уклониться от этого упражнения, и то, что для тысячи молодых людей является удовольствием, для них будет все равно что фронтовой службой. Вы сами будете испуганно, как индейка, туда и сюда носиться по берегу, если ваш утиный выводок плавает на пруду, а в случае грозящей опасности не можете им посоветовать и помочь.

Простейшее средство предупредить эти неприятности – самому научиться плавать. Тогда нырять, плескаться и плавать в холодной воде будет доставлять вам радость, вы будете с удовольствием в нее бросаться, ваши малыши за вами последуют, вы сумеете ознакомить их со всеми выгодами, получаемыми от воды, сможете свободно передвигаться по ее поверхности и спасти их, если они вдруг оказались в опасности[35].

При таком обращении силы, которые Творец вселил в ваших малышей для сохранения тела, сами найдут себе применение и не будут нарушаться у них надолго и часто.

Но иногда это все же будет случаться. Тогда зачастую требуется лишь небольшой стимул, чтобы снова привести в действие утомленные силы. Вы должны уметь им давать этот стимул.

Помимо этих питающих и поддерживающих сил нужно

упражнять также чувствительность, память, воображение и разум.

На чем нужно проводить эти упражнения? На предметах, которые воспринимают органы чувств. Их нужно приносить и представлять детям на рассмотрение в большом многообразии. Если таковых у шести-восьмилетних детей нет, то не будет и воспитания, потому что у них не будет ничего, на чем они могут упражнять свои пробуждающиеся силы.

И какими же должны быть эти предметы? Этому должны нас научить сами дети. Нам надо от них узнать, какие предметы больше всего способны привлекать к себе их внимание. Если затем показать им эти предметы, то нет надобности постоянно их увещевать: «Внимание, дорогие дети!» Они в самих себе испытывают тягу к наблюдению. Они делают то, к чему должен стремиться их воспитатель, – они сами себя воспитывают.

Долгий опыт меня научил, что ничего так рано не привлекает к себе внимания детей, как животные. Кто в этом сомневается, пусть понаблюдает за детьми сам, и он увидит то же самое. Их глаза редко направлены на свое тело, а обычно устремлены на окружающие предметы. Когда в комнату приносят воробья, мышь, рыбу или другое животное, они отводят взгляд от всех остальных вещей и разглядывают животных. Даже если перед ними кладут книжку с картинками, то дольше всего они задерживаются на картинках, на которых изображены животные. Тем самым они громко взывают: «Если вы хотите натренировать проявляющиеся у нас сейчас силы, то показывайте нам животных!»

С этим требованием и в самом деле тут и там начинают считаться и изучать в школах и воспитательных домах естествознание, прежде остававшееся для юношей совершенно незнакомым; но по большей части абсолютно непродуманно.

Читают лекции о системе естествознания, ничего не показывая из творений природы, полагают, что этим исполняются требования юношеской природы, и заблуждаются.

Ребенок хочет упражнять свои силы на предметах, воспринимаемых органами чувств. Как это сделать, если их ему не показывают? Естествознанию надо учить не ради его самого, а чтобы предоставить молодежи возможность упражнять на природе различные силы. А когда по естествознанию читают лекции, все это отпадает. Ребенок ведет себя тогда совершенно пассивно и позволяет учителю лишь наблюдать за собой и о себе судить.

Чтобы юношеские силы упражнялись на природе, им нужно поочередно представлять на рассмотрение ее творения, причем такие, на которых сразу фокусируется внимание, то есть в первое время – животное. Это животное нужно внимательно рассмотреть

– различные его части, их форму, их цвет, их предназначение; потом его нужно будет сравнить с другим животным и отметить, что общего у него с ним и чем оно от него отличается, иногда его нужно убрать из поля зрения, чтобы ребенок его описал. То, чего нельзя обнаружить путем самостоятельного наблюдения, например то, как животное питается, какой образ жизни ведет, какую пользу в целом приносит, учитель дополняет своим рассказом.

Например, я выставляю на обозрение канарейку. Сколько всего здесь можно увидеть!

Я могу организовать наблюдение двояким образом: во-первых, рассказав моим малышам, что я замечаю у птицы; во-вторых, побуждая их рассматривать ее самостоятельно. В первом случае я упражняю свои силы, во втором – силы детей. Поскольку при воспитании детей целью должно быть не первое, а второе, я должен побудить их разглядывать самостоятельно, если не хочу вести себя нецелесообразно. Это может происходить следующим образом:

Как называется это маленькое животное?

Почему птица?

Почему канарейка?

Где у нее конечности?

Что у нее спереди на голове? Из скольких частей состоит клюв? Какую форму имеет верхняя челюсть? Что находится на обеих сторонах верхней челюсти? Какую форму имеют ноздри? Какую форму имеет нижняя челюсть? Какая челюсть подвижная? Какая неподвижная?

Для чего нужен канарейке клюв? У всех канареек есть клюв?

Стало быть, клюв – это важная или случайная часть? Что находится по обеим сторонам головы? Для чего нужны глаза? Что находится над глазами? Для чего нужны веки?

Почему эта птица иногда закрывает веки?

Чем покрыта голова?

Почему?

Какого цвета перья?

Они такого цвета у всех канареек?

Стало быть, этот цвет важный или случайный?

На чем держится голова?

Что птица может делать шеей?

Как называется верхняя часть шеи?

А нижняя?

Как называются конечности на обеих сторонах тела?

Из скольких частей состоит крыло?

Как называются перья, которыми покрыты крылья?

Как называются перья на боку?

Какие перья длиннее?

Из скольких частей состоит маховое перо?

Для чего птице нужны крылья?

Как называются конечности внизу тела?

Из скольких частей они состоят?

Почему же они состоят из нескольких частей?

Как называется верхняя часть, которая находится непосредственно на теле?

Как средняя?

Как нижняя?

Что находится на нижней?

Чем покрыты бедра и ноги?

Чем ноги и пальцы?

Сколько пальцев на каждой ноге?

Сколько на двух?

Сколько пальцев у десяти канареек?

Сколько у сотни?

Все пальцы одинаковой длины?

Какой самый длинный?

Какой самый короткий?

Сколько суставов у каждого пальца?

Почему у пальцев есть суставы?

Что находится спереди на пальцах?

Как называется часть птицы, на которой находятся все конечности? Как называется верхняя часть? Как нижняя?

Как называется передняя часть нижней части? Какого цвета спинка? А грудь? А живот?

Как называются перья внизу туловища? Сколько тут хвостовых перьев?

Как называются эти перья над хвостовыми перьями? А те, что находятся под хвостовыми перьями? Что это за мясистое возвышение над хвостовыми перьями? Для чего нужна сальная железа?

Теперь, Адольф, отвернись и опиши мне канарейку!

Какое животное мы рассматривали вчера?[36]

Пусть каждый мне назовет что-нибудь общее у канарейки с лягушкой!

Пусть каждый мне назовет что-нибудь, чем канарейка отличается от лягушки.

Это всего лишь пример того, каким образом для упражнения юношеских сил можно организовать и использовать занятие, посвященное предметам из животного мира. Кто это понимает, тот с легкостью сможет придумать еще больше вопросов.

Можно, например, расспросить детей о многом, что они знают о местообитании канареек, как они кормятся, как за ними ухаживают, какую пользу приносят и о торговле ими; то, чего дети не знают, дополняет учитель.

Можно ли найти лучшее упражнение для развития юношеских сил, чем созерцание предметов из животного мира? Оно очень привлекательно для малышей и поэтому легко приучает их какое-то время фиксировать свое внимание на некой вещи; оно приучает глаз разглядывать вещи не кое-как, а тщательно; и натренированный таким образом глаз замечает тысячу мелких отличительных черт, скрытых от нетренированного глаза; чувствительность упражняется составлением правильных представлений о воспринятых вещах; память приводится в действие благодаря пониманию разнообразных обозначений различных частей тела животного, сила воображения – благодаря составлению верного образа рассматриваемого животного, а разум – благодаря оценке намерений животного и благодаря поиску сходства и отличий, имеющихся между разными животными.

«Все это замечательно, – возразят мне, – но где нам взять столько животных, чтобы каждый день мы могли кого-то из них показывать?»

Разумеется, если только на то есть добрая воля, в них недостатка не будет. Хотя я не могу предполагать, что у каждого воспитателя имеется в распоряжении свой естественно-исторический музей, но огромный естественно-исторический музей, природа, для него все же всегда открыт! Если вместе со своими воспитанниками он прилежно в нем ищет, то, несомненно, многое найдет; а если он вступит в контакт с некоторыми охотниками, пастухами, крестьянами и т. п. и постарается их подвигнуть одолжить ему животных, за которыми те ухаживают, для показа на уроке, то он не будет испытывать недостатка в материале для своих занятий по естествознанию. Именно такой урок мы каждый день проводили в здешнем учреждении в первые годы его существования, когда у нас еще не было естественноисторического музея, и каждый день мы показывали новое животное.

«Итак, – кто-нибудь насмешливо спросит, – мы должны приводить в класс быка, лошадь, осла и выставлять их на обозрение детям?»

Этот вопрос не заслуживает ответа, потому что любой разумный человек сразу сообразит, что и детей тоже можно привести к животным, которых было бы неудобно доставить им. Их можно рассмотреть по всем частям тела и различным

признакам, а затем вернуться в класс, чтобы побеседовать об увиденном предмете.

«Но где нам взять, – возникает следующий вопрос, – иноземных животных?»

Время от времени для показа привозят иноземных животных, и тогда их можно рассмотреть вместе со своими воспитанниками. Конечно, их очень мало; но не будет никакого вреда, если значительную их часть они никогда и не увидят. Ведь цель занятия по естествознанию должна состоять не в изучении детьми этого предмета, а в упражнении их сил, для чего достаточный материал предоставляет окрестная природа.

Чтобы полностью обезопасить себя от его недостатка, с занятиями по зоологии необходимо связать занятия по ботанике и проводить первые преимущественно зимой, а вторые – летом.

Занятие по ботанике во многом сходно с уроком по зоологии. Главная цель – упражнение сил у детей. Средство для этого – показ растения, которое дети должны внимательно рассмотреть.

Если бы это занятие проводилось в сельской школе, ученики которой, вероятно, живут в этой местности, то, пожалуй, можно было бы обойтись общеупотребительными немецкими названиями растений; но если их показывают детям, которые, наверное, много путешествуют и оседают в разных странах, то лучше сразу их приучать называть растения латинскими наименованиями по Линнею.

«Для детей это слишком сложно», – скажете вы. Но я говорю, что это не слишком сложно. Шести– восьмилетние дети, как девочки, так и мальчики, которые полгода получали в моем учреждении уроки по ботанике, знают почти все растения, растущие в здешней местности, умеют их называть по Линнею и немало радуются тому, что это умеют.

Разумеется, вначале запоминание латинских и греческих наименований является чем-то сложным, но именно поэтому является великолепным упражнением памяти. Ребенок, запомнивший пару тысяч таких названий, легко будет понимать научные термины и иностранные языки, изучать которые ему предназначено.

Поскольку наименования по Линнею приняты всеми европейскими образованными народами, то у тех, кто их постиг, потом появляется также возможность понятно высказываться о ботанике во всех странах света и, если впоследствии они захотят продолжать ее изучать, понимать профессиональный язык.

Число растений очень велико, и требуется многократное повторение, чтобы запомнить их наименования; помимо растений, показываемых на уроке, необходимо класть еще

несколько и произносить их названия.

Лучше всего эти занятия разделить на два курса. На первом рассматривают строение растения, которое сразу бросается в глаза, – корень, стебель, форма, цвет и расположение листьев, прилистники, усики, форма и расположение цветков, чашечка, венчик, семя, плод; на втором курсе все это повторяют и, кроме того, теперь исследуют инструменты для оплодотворения, а растениям отводят класс и порядок, к которым они принадлежат.

Легко понять, сколь несказанно разнообразны упражнения, которые здесь можно придумать для зрения, чувства, памяти, воображения и разума детей.

Чтобы это пояснить, представим себе класс мальчиков, с которыми проводят занятие на первом курсе и которым показывают *Galeopsis ladanum.*

– Как называется это растение?
– *Galeopsis ladanum.*
– Что ты замечаешь на стебле?
– Он деревянистый.
– Еще?
– Полосатый.
– Еще?
– Ветвистый.
– Как расположены ветки?
– Напротив друг друга.
– Что находится на ветках?
– Листья.
– Какого они цвета?
– Зеленые.
– Какой они формы?
– Ланцетовидные.
– Что ты еще замечаешь у листьев?
– Они зубчатые.
– Больше ничего?
– Черенковые.
– Как они расположены?
– Друг против друга.
– Как обстоит дело с цветками?
– Они имеют форму зева.
– Как они расположены?
– По четыре.
– Что ты видишь на чашечке?
– Она имеет пять зубчиков.
– Ты что-нибудь видишь на зубчиках?
– У них есть ости.

– Теперь отвернись и опиши мне *Galeopsis ladanum.*

– *Galeopsis ladanum* имеет деревянистый, полосатый, ветвистый стебель. Ветки расположены друг против друга. Листья зеленые, ланцетовидные, с зубчиками, стебельковые, располагаются напротив друг друга, цветки в форме зева и располагаются четвертинками; чашечка имеет пять зубчиков, а зубчики – ости.

Вчера мы рассматривали *Atropa Belladonna;* чем оба растения похожи одно на другое? Чем непохожи? И т. д.

Теперь названия всех растений, которые лежат на столе, громко и отчетливо произносятся учеником, имеющим больше всех знаний по ботанике, и повторяются вслух всем собранием. Затем учитель называет одно растение за другим, а дети должны отыскать названные. Для разнообразия можно также сказать шепотом на ухо какому-нибудь ребенку название растения, а остальные должны его отгадать. Тем самым их побуждают все время повторять названия, и при этом такое однообразное занятие их не утомляет.

Эти упражнения можно еще больше разнообразить. Например, иногда детей можно попросить, чтобы они внимательно посмотрели на представленный ряд растений, отвернулись, а затем назвали их некоторое количество в том порядке, как они лежат[37]. Прекрасное упражнение для развития воображения и памяти! Иногда в моем учреждении мне приходится слышать, как восьмилетние дети, отвернувшись, называют 40 растений в том порядке, в каком они лежат на столе. Или можно попросить всех учеников класса убрать руки за спину, каждому ребенку положить в них листок от растения, а они на ощупь должны определить, от какого, и т. д.

На втором курсе все эти упражнения можно повторить, а также отыскать теперь тычинки и пестик, признаки класса и порядка, к которым принадлежит растение. Чтобы дети поупражнялись в классификации, название растения можно написать на листке бумаги, листок перевернуть и попросить детей, основываясь на классификации, отгадать растение, чье название было записано.

Этот метод крайне прост, очень привлекателен для молодых людей и является превосходным упражнением для ума.

Например, я пишу на бумаге *Galeopsis ladanum* и прошу Фрица отгадать, название какого растения я написал. Он задаст, если более или менее натренирован, следующие вопросы:

– Принадлежит ли это растение к одному из первых двенадцати классов?

– Нет.

– К одному из первых шести вторых двенадцати классов?
– Да.
– К тринадцатому?
– Нет.
– К четырнадцатому?
– Да.
– К первому порядку?
– Да.
– Mentha?
– Нет.
– Prunella?
– Нет.
– Thymus?
– Нет.
– Galeopsis?
– Да.
– Tetrahit?
– Нет.
– Ladanum?
– Верно.

Какая радость для Фрица, что благодаря немногочисленным вопросам из многих сотен известных ему растений он сразу сумел догадаться об этом единственном, чье название я у себя записал.

Но здесь я должен предостеречь от одной ошибки, которую, вероятно, совершат иные воспитатели: остерегайтесь давать детям в руки увеличительные стекла, чтобы исследовать видовые и родовые признаки растений. Поэтому *Cfyptogamia* вообще не выставляют на обозрение, а также не просят особо тщательно исследовать те растения, чьи признаки нельзя установить невооруженным глазом, а лишь говорят детям, к какому классу и порядку они относятся. Все они, в прямом смысле, лежат вне поля зрения детей. Дети должны знакомиться с растениями, чтобы упражнять на них свои силы, и прежде всего свою чувствительность; но в результате использования увеличительных стекол притупляется зрение. Если кто-то потом захочет целиком посвятить себя ботанике, то у него будет еще достаточно времени на то, чтобы с помощью увеличительных стекол продолжить свои исследования и таким образом пожертвовать остротой своего зрения ради общего блага[38].

Многие отцы, прочитав это, скажут: «К чему все это? Мой сын должен стать не натуралистом или ботаником, а солдатом, торговцем или ученым».

Мы совершенно с вами согласны, дорогие друзья. Ваши дети должны приучаться к созерцанию природы вовсе не с целью

посвятить себя в дальнейшем естествознанию вообще и ботанике в частности, а для того, чтобы, созерцая природу, упражнять свои силы, свою чувствительность, память, воображение и разум, столь необходимые в любом положении, в котором они окажутся. Молодой человек, который развил свои силы этим способом, в дальнейшем с их помощью легко постигает все, чему его учат; он ходит с открытыми глазами на лоне природы, замечает все, что в ней удивительно, умеет отыскать самые тонкие признаки, которыми один предмет отличается от другого, и видит тысячу вещей, остающихся скрытыми для остальных. Вот я вывожу на природу Фрица и Килиана. Первого из них упражняли вышеописанным способом, второго же удерживали от упражнений и приковали к книгам.

– Что ты здесь видишь, Килиан? – спрашиваю я.

– Траву, – слышу в ответ.

– А что видишь ты, Фриц? – задаю следующий вопрос.

– *Dactylis glomerata, Cynoctsurus cristatus, Bromus mollis, Aira flexuosa, Rhinantus crista galli* и т. д.

Мне хочется по возможности продолжить это упражнение, а поскольку ему очень способствует многообразие выставленных напоказ предметов, я предлагаю, позанимавшись какое-то время созерцанием творений природы, заняться теперь и созерцанием творений человеческого разума – я имею в виду инструменты, посуду, предметы одежды и предметы домашнего обихода. Я показываю их один за другим и приучаю детей подмечать в них все части, формы и предназначения.

Если за дело взяться всерьез, то удивляешься, сколько всего можно заметить и выделить в обычных предметах.

Для примера приведу план беседы о ручной пиле, написанный моим помощником Меркером.

Ручная пила – новая, большая, тяжелая, пригодная (полезная).

Полотно пилы – стальное, длинное, широкое, новое, гладкое, тонкое.

Зубья пильного полотна – острые, разведенные, толстые, короткие.

Петли для крепления у пильного полотна – длинные, узкие, тонкие.

Рама пилы – деревянная, новая, большая, составная.

Рукоятки рамы – деревянные, изогнутые, толстые, длинные, широкие.

Отверстия для втулок у рукояток – круглые, большие.

Ручки пилы – деревянные, короткие, круглые, толстые.

Втулки ручек – короткие, цилиндрические, толстые, с

засечками.

Перемычка пилы – деревянная, длинная, толстая, прямая.

Бечевка пилы – пеньковая, длинная, крепкая, натянутая, скрученная, новая.

Натяжное устройство пилы – деревянное, длинное, клиновидное, узкое[39].

Подобно тому как созерцание природы и искусства должно использоваться в качестве средства воспитания, точно так же и всему остальному занятию нужно постараться придать такую форму, которая будет способствовать достижению этой цели – упражнять силы и воспитывать детей.

Таким же способом, как при созерцании природы и искусства, и на остальных первых уроках все должно подводиться к созерцанию – если не к внешнему, то к внутреннему. Например, на уроках языка вначале нужно использовать исключительно такие книги, при чтении которых в юной душе пробуждаются представления, которые либо она сама получила благодаря созерцанию и поэтому может легко вызвать их снова, либо находятся с таковыми в родстве. Обозначения сверхчувственных предметов могут вообще в них отсутствовать. Звуки, с которыми ребенок не может сразу связать представление, его не привлекают, у него нет склонности их воспринимать, а если он их и воспринимает, то ему нет от них никакого проку, потому что при этом он вообще ничего не думает или думает о чем-то совершенно неверном. Именно поэтому вначале с детьми пока еще не стоит заниматься грамматикой.

Сейчас это в общем и целом принимается, поскольку во многих детских хрестоматиях, написанных на живых языках, чувствуется стремление беседовать с детьми о вещах, находящихся в их поле зрения. На латинском языке такие книги уже редки, а немногие имеющиеся используются далеко не всегда. На занятии по этому языку слишком быстро переходят к сочинениям римских писателей, где имеется множество слов, с которыми у детей не связаны какие-либо представления, и это, несомненно, является главной причиной того, почему у многих детей не видно особого желания изучать латынь. Именно из-за этого становится все привычнее освобождать от изучения этого языка тех мальчиков, которые не собираются учиться дальше. С этим я не могу согласиться. Многие европейские языки возникли все же на основе латыни, и их легче выучить, если заложена хорошая основа в виде латыни; кроме того, этот язык столь повсеместен, что нелегко читать книгу на современных языках, где тут и там встречаются куски на латыни, непременно становящиеся камнем преткновения для читателей, которые

совершенно с ней незнакомы. Поэтому необходимо, чтобы для образованных сословий этот язык не был совершенно чужим. Если бы воспитатель настолько хорошо знал латынь, что мог бы писать сочинения на несложной, но настоящей латыни о выставленных напоказ предметах природы и искусства, об удивительных происшествиях в семье, словом, о вещах, которые дети видели, зачитывал эти сочинения детям, просил их повторять за собой вслух и переводить на немецкий, то он ощутил бы от этого великую пользу. Это доставило бы детям удовольствие, они запомнили бы множество латинских слов, познакомились бы с некоторыми особенностями языка, а в будущем при чтении книг латинских писателей они столкнутся с меньшими трудностями.

Если бы я писал книгу о воспитании детей, то должен был бы подробно рассказать о всем уроке, который должны получить дети; но так как я веду речь о воспитании воспитателей, будет достаточно дать им одно очень важное указание: молодые люди, посвятившие себя воспитанию, по сути дела, должны учиться.

Когда, дорогие друзья, я смотрю, как большинство из вас готовят к вашей профессии, то могу разве что посочувствовать вам и бедным малышам, которых вам доверят воспитывать. Вас учат древним языкам, немного географии, истории и математике, в крайнем случае немного французскому и музыке, вы слушаете курс по философии и теологии и полагаете, что из вас подготовили воспитателей.

А если теперь вам отдадут на воспитание Франца, Роберта, Штефана, пятилетних мальчиков, с чего же вы с ними начнете? Что из всей вашей учености вы сможете использовать в этой своей сфере деятельности? Почти ничего. Эти малыши пока еще целиком зависят от видимого мира, благодаря его созерцанию у них должна развиваться наиболее благородная их сторона и приобретаться восприимчивость к сверхчувственным представлениям, а вы – вы будете чужаками в видимом мире. Окружающие вас повседневные вещи вам неизвестны, а для многих вы не сможете указать даже названия. Вы ходите со своими детьми по природе, как крестьянин по Дрезденской галерее. «Видите, – говорит Роберт, – птицу, которая сидит вон на той ветке? А как она называется?» – «Не знаю», – таков ваш ответ.

С цветком в руке подбегает радостный Франц и спрашивает, не знаете ли вы, что это за цветок? Следует тот же самый ответ.

И вот наступает урок. Цветы и все остальное, что дети принесли с собой из видимого мира, у них отбирают, влечение рассматривать, которое у них так велико, подавляется; вместо цветов вы даете им в руки книги, а вместо предметов демонстрируете им знаки предметов, изучать которые им

совершенно не хочется. И вот по всему объединению, в котором вы могли бы так счастливо жить, распространяется недовольство; дети не могут полюбить человека, не умеющего беседовать с ними приятным для них образом, а вы с недовольством смотрите на ваших детей, которым ваши уроки совсем или почти совсем ничего не дают.

Итак, друзья, прислушайтесь к совету старого воспитателя и больше знакомьтесь с видимым миром, придерживаясь наставления, которое вы найдете в следующем разделе.

Теперь я представлю себе воспитателя, который, как мне бы того хотелось, формируется в кругу своих воспитанников. Он показывает им один предмет за другим из мира животных и растений и мастерских человеческого искусства, приковывает к ним их внимание, беседует с ними об этих предметах приятным для себя и для них образом, упражняет чувствительность и различные душевные силы малышей и уже в первые дни ощущает самые благотворные последствия этого. Этим занятием он каждый день заполняет пару часов.

Но так как каждый день имеет более двух часов, то чем, спрашивается, заниматься с детьми остальное время? Это трудный вопрос, который могут решить лишь немногие воспитатели. «Ну, развлеките меня, дорогой господин Рихард!» – однажды сказал своему гувернеру один маленький барин, начавший изнывать от скуки. Было ли это желание несправедливым? Надо ли не любить маленького человека, который проявляет отвращение к скуке?

Но в каком замешательстве окажется воспитатель, узнав о таком вполне обоснованном и справедливом желании детей? Заниматься с детьми до пяти-шести часов дня – поистине не простое и приятное дело. Ведь чем занимать детей? Рассказами? Это занятие столь же приятное, как и полезное, если уделять ему, скажем, каждый день по четверти часа. Но если рассказывать постоянно, то это утомит и детей, и воспитателя. Объяснять картинки? С этим дело обстоит точно так же. Давать читать книги? Дети такого нежного возраста читать еще не умеют. Здесь требуется не только отчетливое произнесение знаков, но и правильное представление о вещах, которые ими обозначаются. Дать им поиграть? И это тоже вскоре им надоест. Более того, если снабдить их орехами и миндалем и дать им в руки карты и игральные кости, то они могут несколько часов развлекаться очень приятным для себя образом; но каждому видно, что это приносит им не меньший вред, чем маковая настойка, которой нередко пользуются няни, чтобы успокоить детей.

Заметьте себе! Помимо способности ощущать, представлять и

рассуждать, у детей пробуждаются различные силы, стремящиеся к упражнению. Отсюда постоянное беспокойство ребенка, доставляющее столько хлопот воспитателям; отсюда постоянные увещевания: «Тише, дети! Успокойтесь!», которые расстраивают детей и делают для них присутствие воспитателей крайне обременительным.

Но найдите хорошее занятие для сил детей, стремящихся к упражнению, и вы, без сомнения, обнаружите, что дети умеют развлекаться приятным и полезным образом, больше не докучают вам и даже, наоборот, наиприятнейшим образом улучшают вам настроение.

«Но как, – спросите вы, – нам к этому приступить?» Это на ваше собственное усмотрение. Если вы будете учитывать желания своих воспитанников, их повседневное состояние, то найдете вдоволь возможностей их занять.

Вот несколько наставлений.

На уроках вы требуете, чтобы они всегда были спокойными и тихо сидели. Против этого требования восстает вся их природа, которая необычайно активна, склонна к деятельности и не расположена вести себя, просто внимая. Слишком строго настаивая на своем требовании, вы сделаете детей недовольными и настроите их против себя. Если же постоянно занимать их каким-нибудь делом, то вы будете довольны друг другом.

Итак, не читайте им лекций, не требуйте от них, чтобы они просто вас слушали, а пусть ваша лекция будет беседой, в которой должен принять участие то один, то другой. По методу преподавания Песталоцци время от времени справляйтесь у всего собрания, что ему было подсказано[40].

Если проводится урок, в котором дети принимают участие не глазами, а лишь ушами и органом речи, то рисование во время занятия линий, углов и квадратов по методу Песталоцци отвлечет их руки от всяких забав, и занятие будет для них полезным и интересным.

«Но помимо уроков, – спросите вы, – что нам еще делать со своими воспитанниками?»

Стоит только выслушать их желания, как они сами уже дадут вам указание на этот счет. В одном случае им захочется иметь кораблик, который будет плыть по ручью, в другом – пугач, ручной огнетушитель, лук и стрелы, дракона и т. п. Всезнающие воспитатели пытаются их отвлечь от такого ребячества и этим портят жизнь как им, так и самим себе; настоящий же воспитатель всякий раз, когда замечает такое желание у своих детей, радуется и готов дать им совет и наставление, как им самим смастерить желанные вещи. Подчеркну: смастерить самим.

Изготовление вначале всякого рода игрушек, а потом и действительно полезных приспособлений и инструментов – такое полезное и приятное дело, что ко всем заведениям, где ставят целью целесообразное воспитание детей, я выставляю обязательным требование предоставлять им возможность для рукоделия и инструктировать.

Для этого, разумеется, необходимы мастерская, разнообразные инструменты и материалы, а также наставления, как их использовать. Если воспитатель добился того, что его воспитанники после уроков могут что-либо сделать своими руками и исполнить свои небольшие желания, то его партия выиграна. Он избавлен от трудного дела их развлекать, они занимаются сами, он же – просто советчик и зритель. Польза от этого для детей неописуемо велика.

Во-первых, удовлетворяется их потребность в деятельности и тем самым раз и навсегда предупреждаются все распутства, имеющие обыкновение проистекать из сдерживаемой активности. Десятью детьми в мастерской управлять легче, чем тремя, не знающими, чем им заняться. Во-вторых, при этом дети очень хорошо чувствуют себя; ну разве это не чистейшее и не глубочайшее наслаждение видеть, как все больше приближаешься к поставленной цели и в конце концов ее достигаешь? Вот готов корабль, над которым малыши какое-то время трудились; вот его спускают со стапелей, приносят к ручью, где он теперь будет плавать. С каким ликованием все это делается! Вам самим, дорогие друзья, надо это увидеть, чтобы удостовериться, насколько важно предоставлять детям возможность самостоятельно что-нибудь смастерить.

В-третьих, при этом упражняются очень многие силы. Оживляется ум, который при общепринятом методе преподавания приучается всегда действовать по чужим предписаниям, он ухватывается за собственные идеи и изобретает способы, как их осуществить. Глаз упражняется измерять размеры, чтобы каждую часть работы, которую надо выполнить, правильно соотносить с целым, а мышцы рук упражняются столь разнообразно, что затем в самых разных непростых жизненных ситуациях, в которых зачастую оказывается человек, он способен помочь себе сам, и ему нет надобности всякий раз обращаться к посторонней помощи. Человек, не приобретший в юности своими руками разнообразных умений, – человек лишь наполовину, потому что он всегда зависит от других людей.

Вероятно, девять десятых читателей такого же мнения. Их я и спрашиваю, обращаясь к их совести: многое ли они отдали бы за то, чтобы в своей юности получить наставление смастерить что-

нибудь своими руками?

Возражения на этот счет разнообразны, и у меня нет желания заниматься их перечислением и опровержением. Большинство из них возникает из-за того, что очень немногие господа воспитатели обучились рукоделию, а потому и поносят, и пытаются высмеять этот метод воспитания. Чего бы я добился, если бы решил с ними об этом поспорить?

Как-то один проповедник с большим красноречием пытался отучить иных своих слушателей от известной дурной привычки. «Господин священник! – сказали они, когда он закончил речь. – Наверное, вы совершенно правы, но мы ведь этого не делаем». Вот и мне тоже хочется уйти с миром.

Но пару возражений я все-таки не могу обойти молчанием, они таковы. Если детей занимать ручным трудом, то теряется много времени и они утратят желание к изучению языков и наук.

Такое, конечно, и вправду нередко бывает, когда детям предоставляют свободный выбор: либо написать сочинение, либо заняться ручным трудом. Но я этого и не имею в виду. На рукоделие должны использоваться лишь свободные от уроков часы. Чем младше воспитанник, тем больше ему нужно свободных от уроков часов или часов, в которые он избавлен от умственной работы; и наоборот, чем больше развиваются силы ума, чем разнообразнее и продолжительнее его занятия, тем меньше становится и свободных от уроков часов.

Второе возражение, которое можно было бы сделать, таково: для ручного труда необходимо использовать всякого рода острые и заостренные инструменты – как легко ребенку ими опасно пораниться!

Разумеется, такое возможно. Однако частое использование острых инструментов в то же время учит и необходимой при этом осторожности. А опыт – он все-таки, без сомнения, на моей стороне. Разве не приходится постоянно слышать о детях, которые опасно поранились, потому что никогда не получали инструктажа по ручному труду? А с моими питомцами, держащими в руках всяческие заостренные и острые инструменты, еще никогда не бывало так, чтобы они опасно поранились.

Итак, если безусловно необходимо дать детям наставление самостоятельно смастерить что-нибудь своими руками, то вы, люди, посвятившие себя воспитанию, понимаете сами, что обязаны обучиться ручному труду. Другого выхода нет. Вы должны решить для себя: либо весь день развлекать своих питомцев и подавлять их жажду деятельности, проявляющуюся в их руках, либо самим попытаться приобрести умение в разных

видах ручного труда.

«Но нельзя ли, – возможно, спросите вы, – нанять мастеровых, которые в нашем присутствии будут давать воспитанникам нужные наставления?» Попробуйте, и вы сами тогда столкнетесь со всеми неприятностями, которые обычно проистекают из таких отношений[41].

Я перехожу к самой важной части воспитания – воспитанию нравственности, или приучению вести себя в соответствии с определенными верными принципами. Там, где она отсутствует, все прочее воспитание никакой ценности вообще не имеет, а если и имеет, то весьма незначительную. Мне вспоминается один юноша. Под руководством своего воспитателя он стал здоровым и сильным, приобрел всяческие умения, упражнениями развил все свои умственные способности. Но теперь все эти достоинства он использует для того, чтобы удовлетворять свои вожделения – и что же было достигнуто таким воспитанием? Для него ничего, ведь у него нет главного человеческого достоинства – свободы, или умения властвовать над своими страстями и поступать в соответствии с верными принципами; и он никогда не станет счастливым, потому что для человека не может быть счастья, не проистекающего из сознания того, что он исполняет свой долг или поступает в соответствии с верными принципами. И для человеческого общества он тоже делает мало. Он ничего для него не сделает, если не будут удовлетворены его страсти, и будет творить ему зло, если таким образом сможет прийти к своей цели. Чем больше развиты его силы, тем больше он превосходит других, тем меньше они могут ему противостоять, тем опаснее он для общества.

Надо ли мне останавливаться на этом подробнее? Эта истина признана уже чуть ли не повсеместно и содержится чуть ли не во всех книгах, которые написаны о воспитании. Но как обстоит дело с исполнением? Не показываются ли повсюду моральные чудища, к чьему обучению и развитию сил которых все же прилагали так много старания? Причину этого ищут отчасти в развращенности человеческой природы, отчасти в несовершенстве нравственных принципов, которые им прививались; но я думаю, что их надо скорее искать в неправильном обращении с молодыми людьми.

Я не хочу ни с кем об этом спорить, но позвольте мне изложить свое собственное, основанное на опыте мнение.

Новорожденный человек еще не умеет ходить, и в основе его действий лежат его ощущения. То, что доставляет ему приятные ощущения, желанно, того, что вызывает неприятные ощущения, он избегает. Пока не видно, чтобы он вел себя с оглядкой на

религию или мораль. Если хотят называть это моральным дефектом, то пусть называют, но тогда позвольте мне также называть неспособность ходить, очевидную у юного человека, физическим дефектом человеческой природы.

После того как убрали шлейки и помочи, физический дефект природы постепенно исчезает, и дети учатся сперва ходить, а затем даже бегать и прыгать. Убрать моральные шлейки и помочи – и моральный человек точно так же будет развиваться сам по себе, начнет вести себя сперва хорошо, а затем благородно.

И что же это за моральные помочи? Приказания и запреты, а также искусственные средства, которыми детей пытаются приучить к их исполнению.

Человек испытывает естественную неприязнь ко всем приказаниям и запретам. Он хочет всегда поступать по собственной воле. Если ты, мой читатель, сомневаешься в этом, то сам присмотрись, что с тобой происходит, когда приказаниями и запретами ограничивают твою свободу. Когда у детей наступает процесс очеловечивания, когда оказываются более или менее развитыми умственные силы, проявляется и неприязнь к приказаниям и запретам. Когда теперь приказаниями и запретами, а также с ними связанными наказаниями и поощрениями пытаются их мелочно опекать, то возникают досада и неприязнь к командующему, пробуждается стремление уклониться от его законов, а если связь с законодателем прерывается, то проявляется распущенность, поскольку ничего больше нет, что мешало бы удовлетворению желаний, которые они с давних пор у себя питали и были вынуждены подавлять.

Поэтому если ребенку позволить всегда поступать по своей собственной воле, то он станет хорошим.

Вы ужасаетесь этому утверждению? Вы спрашиваете: зачем нужен тогда воспитатель, если ребенок всегда должен поступать по собственной воле?

Дорогие друзья! С некоторым вниманием прочтите дальнейшее, а я постараюсь говорить как можно яснее, и тогда, надо надеяться, в конце мы подадим друг другу руки и будем едины друг с другом во мнении.

Мое мнение таково: воспитатель должен стараться приучить питомца к тому, чтобы тот сам желал добра и делал добро не потому, что ему это велят другие и запрещают противоположное, и не потому, что за исполнение приказания ему надо ждать поощрение, а за проступок – наказание, а потому, что он сам этого хочет.

Разве мы тут не единодушны? Я на это надеюсь.

Вопрос только, как подвести ребенка к тому, чтобы он желал

добра; это и трудно, и не трудно, в зависимости от того, как к этому подойти.

По моему опыту, сюда относятся две вещи.

1. Ребенку всегда говорят правду или дают ему верное представление о его обязанностях.

2. Его приучают понимать правду. Если его к этому приучили, то он будет желать добра и лишь время от времени нуждаться в легком напоминании, чтобы он мог исправить свои ошибки, которые, разумеется, будут случаться.

Таким образом, будьте всегда правдивы в своих наставлениях! Дети необычайно тонко чувствуют правду, а потому замечают и любую неправду. Стало быть, тот, кто неправдой пытается направлять своих питомцев к добру, своей цели, разумеется, не достигнет.

«Не кричи, моя детка! – сказала как-то одна мать, когда вела по полю своего плачущего ребенка. – Здесь в поле мыши, они услышат, как ты кричишь, выскочат и тебя покусают».

Кто не видит неразумности и неправдивости этого заявления? Ребенок на несколько мгновений замолк. Но когда у него затем опять вырвалась пара криков и ни одна мышь не появилась, он стал кричать гораздо сильнее, чем прежде.

Но ведут ли себя разумнее воспитатели, сулящие своим питомцам за исполнение ими обязанностей последствия, которые крайне случайны, а за их неисполнение грозят наказаниями, которые бывают столь же редки, как те случаи, когда плачущего ребенка кусает мышь?

Не совершают ли точно такую ошибку те воспитатели, которые заставляют своих питомцев делать нечто такое, чего они делать все-таки не обязаны? Не приводят ли они сплошь ложные обоснования в оправдание своих требований?

Например, если ты хочешь приучить своего лживого питомца говорить правду, то можешь сказать: «Ко лжи относится оплеуха», – и тут же дать ему это почувствовать. Чего ты этим добьешься? Он ожесточится против тебя, но склонность ко лжи останется.

Или ты можешь сказать: «Кто лжет, тот ворует, и если ты продолжишь лгать, то станешь вором и отправишься на виселицу». Разве это правда?

Или ты можешь убедительно сказать: «Ребенок! Если ты лжешь, то тебе больше не будут верить. Это было бы для тебя большой бедой».

Это правда, а то, что это правда, ребенку нетрудно понять.

Но если ему хотят объяснить, что он обязан воздерживаться от всяких движений на свежем воздухе и каждый день тихо сидеть

по восемь часов, то как это сделать, не сказав неправды? И как можно про ребенка думать, что он поверит в неправду, и в соответствии с этим себя вести?

Если хотите растолковать детям правду, в соответствии с которой они должны поступать, то помните, кто перед вами – это еще не люди, а создания, находящиеся на стадии становления человека, у которых разум пока еще мал. Все пространные складные увещевания, все абстрактные принципы, которые можно понять только разумом, недейственны. Дети ничего из этого не поймут.

Но у них есть стремление к подражанию, делающее их склонными имитировать все, что им нравится у других. Его надо учитывать. Рассказывая правдивые или вымышленные истории, детям нужно показывать пример поведения, которое хотят им привить, и представлять его так живо, чтобы им казалось, будто они видят его перед собой, и так привлекательно, чтобы у них возникло решение поступать точно так же. При этом нужно остерегаться напрямую делать сравнение с ними и призывать их вести себя точно так же. Ибо дети должны поступать по своей собственной воле. Если же предоставить возможность им самим примерить это поведение на себя, то они сами примут решение вести себя именно так и тогда они будут поступать по своей воле.

В действенности такой формы занятия я не раз убеждался на собственном опыте. Часто, не всегда, но часто, если на своем первом уроке по этике мне действительно удавалось очень наглядно представить моим воспитанникам некий пример, то в конце урока они обступали меня и просили: «Отец! Вели и нам тоже себя так вести!»

Затем у детей появляется разум, понимающий то, что ему представляют наглядно. Его точно так же надо учитывать. Надо стараться как можно нагляднее показывать детям, что они обязаны вести себя именно так, а не иначе. Если они это поняли, то, несомненно, появляется и решение вести себя именно так.

Здесь требуется собственная находчивость, которой можно достичь лишь упражнением. Далеко не всегда бываешь к этому расположен, и поэтому лучше отложить свою лекцию до тех пор, пока не почувствуешь себя к этому готовым. А тогда можно совершить даже чудо.

Из многочисленных опытов, произведенных мною в этой связи, я хочу привести лишь один, который мне довелось проделать недавно. Некоторое время назад у моих приемных сыновей укоренилась дурная привычка постоянно терять ключи от своих шкафов и ящиков. Когда у них в качестве помощника появился любезный слесарь, изготовивший им сразу три ключа,

они вообще перестали придавать им значение. Я мог бы за это им строго выговорить, за потерю ключа мог бы подвергнуть серьезному наказанию и сделать еще много самого разного, но это никак бы не подействовало. Но как раз потому, что я понимал, что все это ничем не поможет, я предпочел вообще ничего не делать и какое-то время позволял им терять ключи сколько заблагорассудится. Наконец меня осенило, как мне наглядно им показать, что они обязаны следить за своими ключами.

Поэтому однажды, когда все они стояли плечом к плечу передо мною, я поднял вверх ключ и сказал: «А теперь внимание! Сейчас, дорогие друзья, я хочу прочесть вам лекцию – о ключе. Материал, из которого делают ключ, – обычно железо. Взглянув на его форму, мы замечаем эту часть, ее называют бороздка, эту – стержень и эту – шейка.

Вы, конечно, давно уже все это знали, но теперь я хочу сказать вам еще кое-что, что по меньшей мере двум третям из вас неизвестно, а именно, что такое, собственно, ключ. Если бы вы это знали, то, несомненно, больше ценили бы свои ключи.

Внимание! (Следующие слова произносились медленно и с большой убедительностью.) Ключ – это приспособление, позволяющее открывать место, где хранятся вещи. Поэтому если я потеряю ключ от моего шкафчика, то нашедший получает в руки приспособление, позволяющее открыть мой шкафчик. Если я теряю несколько ключей, то слуги, мастеровые, поденщики, нищие, приходящие в наши дома, получают средство открывать шкафчик. В этом случае мне лучше вообще больше его не запирать, ведь тогда я хотя бы избавлю себя от ненужных трудов – открывать и запирать шкафчик. Ведь запирать его было бы совершенно излишне. То, что свои ключи можно все-таки не терять, доказывает этот ключ, который я держу в руке. Мне его изготовили в 1766 году после Рождества Христова, и, значит, ему почти 40 лет.

С этими словами я удалился и предоставил собрание своим собственным размышлениям.

Эффект от этого был таков: мои приемные сыновья отныне перестали терять ключи, и вот уже два месяца никому из них не было надобности попросить сделать себе новый ключ.

И что же это за волшебная сила, которая здесь подействовала?

1. Дело в том, что благодаря особому вступлению к моей речи я сумел всех заинтересовать и пробудить их внимание. Чего бы добились самыми убедительными наставлениями, если бы на них не обратили внимания?

2. Я очень наглядно показал ценность ключей и необходимость их беречь.

3. Этим я подвел их к пониманию того, что они обязаны беречь свои ключи, и они сами решили это делать.

Я публично прочел эту лекцию, поскольку она затрагивала ошибку, которая была чуть ли не повсеместной.

Надо остерегаться делать подобное, если хотите добиться от отдельного ребенка исполнения долга или отказа от недостатка. При этом своей цели, без сомнения, не достигнуть, ибо эффект от публичных наставлений, касающихся определенного человека, – это всякий раз стыд и смущение, чем порождается своего рода оцепенение, из-за которого увещеваемый неспособен внимательно слушать; очень часто это даже становится причиной горькой обиды на увещевателя, порождающей намерение не следовать наставлению.

Кроме того, у детей есть чувствительность, которую тоже надо использовать. Это происходит, если тоном и видом выражают то, что хотят сказать. Поскольку об этом я уже говорил выше, будет излишним еще раз на этом подробно останавливаться. Замечу только, что необычайно важно интонацией и видом воздействовать на детей, которые еще не могут постичь разумные доводы. Кто это понимает, тот взглядом и словом сумеет выразить одобрение или недовольство лучше, чем кто-то другой долгим восхвалением Бога.

Я предвижу возражения против этого метода воспитания и молчаливо пройду мимо них, потому что любой думающий человек легко сможет и сам их опровергнуть.

Лишь одно я не могу оставить без обсуждения.

Человек, скажут, должен уметь повиноваться, чтобы не быть изгоем в человеческом обществе. Что будет с обществом, если поставлять ему членов, которых ни к чему другому не приучали, кроме как поступать по собственной воле? Революции, государственные перевороты, цареубийства, имевшие место в наши дни, – все это плоды либерального воспитания, которое дают теперь молодым людям.

Дорогие друзья! Не горячитесь! Вспомните просто об упомянутых мною женщинах в N., которые умирают от нервных болезней с тех пор, как воспитанники из Шнепфенталя стали купаться в холодной воде! Государственные перевороты и цареубийства точно так же связаны с либеральным воспитанием, как нервные болезни женщин в N. с холодным купанием воспитанников Шнепфенталя. Как? Разве, скажем, пресловутых мятежников воспитывали по рекомендуемому здесь методу? Или те, кого так воспитывали, отличались неповиновением? И если из

сотен один совершил подобное, то что это доказывает? Если все же вы пытаетесь убедить молодых людей (а как легко это сделать), что их долг – следовать предписаниям тех, кто поставлен над ними, и добиться, чтобы они это сделали себе правилом, то это ведь хорошо. Тогда они всегда будут склонны следовать предписаниям своих начальников, и им не нужно будет в каждом отдельном случае указывать на то причины.

Разумеется, я предполагаю, что разумный воспитатель не ведет себя со своим питомцем волюнтаристски, что он не дает ему предписаний, которые не основываются на правде; но я должен признать, что в дальнейшем воспитанник, скорее всего, будет попадать в ситуации, где с ним обращаются волюнтаристски и неразумно. И что в таком случае делать? Быть может, нам самим надо вести себя с ребенком неразумно, чтобы он привык к неразумному обращению, которое ждет его в будущем? Это и в самом деле было бы странное требование.

Его к этому подготавливают, показывают ему на примерах, с каким самодурством приходится часто мириться, и ему растолковывают обязанность подчиняться, пока зависишь от самодура и пока он не требует от нас поступков, которые мы считаем несправедливыми.

Итак, мои юные друзья, если вы хотите посвятить себя воспитанию, то обязательно должны научиться как можно нагляднее показывать детям практические истины, чтобы они их понимали, принимали, следование им делали своим правилом и, таким образом, поступали по собственной воле. Если вы всякими мудрствованиями просто будете приучать их исполнять вашу волю, то вся их нравственность окажется просто-напросто ветряной мельницей, не работающей, когда с возвышенности ее переносят в долину, где на нее не может воздействовать ветер. Если вы хотите им проповедовать истину, не заботясь о том, усвоили ли они ее, то это значит, что вы воспитываете детей, которые, как принято у нас говорить, неисправимы, которым никакие уговоры, никакие призывы не помогают, на которых вы жалуетесь, что они совершенно глухи к вашим словам. Причина этого заключена не в их глухоте, а в вашей тихой речи, потому что вы не научились говорить так, чтобы ваши слова через уши проникали в душу.

Таким образом, вместо того чтобы ломать себе голову над высшим моральным принципом, научитесь лишь по-настоящему доходчиво объяснять детям общепризнанные практические истины, чтобы они их понимали и принимали.

Польза от этого велика – очень велика. Как только ребенок сам хочет добра, он сам себя воспитывает, а пятьюдесятью

детьми, желающими добра, управлять легче, чем одним-единственным, кому никогда еще не приходила в голову мысль стать хорошим. Если только ребенок хочет учить язык, то он его учит, и за один-единственный урок, который ему дают, продвигается дальше, чем другой ученик, не желающий этот язык и учить, но с утра до вечера делающий по нему уроки.

Если наступил момент, когда у молодых людей проявляется восприимчивость к сверхчувственному, то усвоенным практическим истинам нужно дать теперь высшую санкцию, постаравшись убедить питомцев, что эти истины – Божья воля. Как это сделать, мне кажется, я показал в моем «Генрихе Готтшальке» и детальнее покажу в «Уроке по Кристианской религии», который, надеюсь, в скором времени сумею представить[42].

Но, разумеется, очень многое здесь опять же зависит от выступления учителя. Он должен уметь говорить очень уверенно и проникновенно, чтобы слушатели смогли убедиться, что он сам всем сердцем верит во все, что говорит, он должен уметь подкреплять истину такими доводами, чтобы у них не оставалось сомнений.

План воспитания воспитателей

Прежде всего создают школу для воспитателей. Приглашают самых знаменитых воспитателей со всего света, представляют их как учителей по искусству воспитания и дают каждому от тысячи до полутора тысяч талеров содержания, чтобы они были защищены от забот; нанимают учителя по искусству анатомирования и следят за тем, чтобы не было недостатка мертвых тел, на которых он может показывать молодым воспитателям строение человеческого тела; далее приглашают учителя медицины, который читает лекции о детских болезнях и знакомит с целесообразными лекарственными средствами; создают библиотеку, в которую включают всевозможные труды, написанные о воспитании греками, римлянами, французами, англичанами, итальянцами, немцами, датчанами, шведами, чтобы будущий воспитатель получил поистине разностороннее представление о своем деле. Далее создают читальню, где можно найти все журналы, выходящие в Германии и в других образованных странах Европы, чтобы в школе сразу становилось известно, если где-то кто-нибудь придумал что-то новое в искусстве воспитания. Было бы еще лучше, если бы в школе существовал драматический театр, в котором воспитатели каждый месяц играли бы в разных спектаклях; так они учились бы интонации, мимике и жестикуляции. Но совершенно необходимо было бы разбить сад, в котором посадили бы как можно больше растений, растущих у нас на земном шаре.

Осуществление этого плана обошлось бы, правда, в немалую сумму; но разве воспитание – не самое важное дело для государства? Разве подданные не смирятся с самыми тяжелыми налогами, если их просветят о его благой цели? Если писатели и проповедники объединятся, чтобы растолковать им всю важность дела? Не захочет ли правитель открыть свою казну, чтобы поддержать такое заведение, которое может и должно иметь для государства необозримо важные последствия?

Составить такой план, наверное, я был бы способен лет сорок назад, когда кровь еще быстро текла по моим жилам, а в моей голове возникал проект за проектом и при этом меня не терзали сомнения, реально ли осуществить эти проекты. Но теперь, когда кровь течет несколько медленнее, мне все же приходят в голову всякого рода сомнения по поводу этого плана.

Во-первых, я все-таки думаю, что будет несколько сложно раздобыть деньги, которые нужны, чтобы его осуществить. Во-вторых, если бы это и удалось, то прошло бы столько времени,

что наша ныне живущая молодежь подрастала бы, не вкушая плодов его благотворного действия. И это действительно было бы жаль! В-третьих, хотя я и признаю, что если бы все удалось, то государство получило бы множество разносторонне образованных воспитателей, которые могли бы многое сказать и написать об искусстве воспитания, но был бы способен хотя бы один из них воспитывать ребенка действительно целесообразно – в этом я глубоко сомневаюсь.

Поэтому лучше уж я полностью откажусь от этого плана, хорошего на бумаге, но трудноосуществимого, и каждому, кто посвящает себя воспитанию, представлю план чуть попроще, который можно выразить в трех словах: воспитай себя сам!

Его преимущество в том, что он очень прост, стоит мало денег, может быть осуществлен сразу после прочтения этой книги каждым, кто им заинтересуется, и подготовит воспитателей, которые не только говорят и пишут о воспитании, но и действительно могут воспитывать.

Кто верит, что может еще чему-то у меня научиться, пусть возьмет на заметку те указания, которые я ему дам теперь для самовоспитания.

1. Будь здоров!

Больной человек – бедный человек; все дела ему будут даваться с трудом, но труднее всего воспитание. В болезненном состоянии ты очень раздражителен, любая шалость, любое безрассудство юношей вызывают негодование. Очень тяжело находиться в обществе, где шалости и необдуманные поступки – в порядке вещей, потому что все подобные проявления кажутся тебе оскорбительными. И как вы хотите воспитывать, если постоянно испытываете неприятные ощущения? Все наставления будут пропитаны желчью или преподноситься дрожащим голосом. От одних не будет никакого эффекта, от других – только вред. Многие жалобы, которые приходится слышать на непослушание юношей, несомненно, по большей части проистекают из болезненности воспитателей. И как можно считать себя способным воспитывать здоровых детей, если сам нездоров?

Но, скажут, что за странное требование: будь здоров! Быть здоровым, разумеется, хочет каждый; но разве здоровье зависит от его воли?

Конечно. При условии, что ни один внутренний орган не поврежден, а свое тело ты не очень ослабил излишествами, ты можешь быть здоровым, если только по-настоящему этого хочешь.

Настоящая воля оказывает могущественное влияние на тело. Просто понемногу его закаляй, будь умеренным и воздержанным, посвящай день работе, а ночь отдыху, а если, несмотря на это, ты начинаешь хворать, то, вместо того чтобы бежать в аптеку, попытайся лучше понять причину своего недомогания. Это ты сможешь, если задумаешься о своем прежнем образе жизни. Если ты выявил причину своего недомогания, то сможешь помочь себе простейшими средствами. К примеру, недомогания, вызванные переполнением желудка, часто легко устранить отказом от еды. Я откажусь говорить об этом что-то еще из опасения, что может возникнуть видимость, будто я хочу собой подменить врача, чего мне еще никогда не приходило в голову. Если каждый познает свою природу, исследует, откуда берется его болезнь и познакомится с простыми средствами ее устранения, то он сможет обрести крепкое здоровье.

«У меня это не получится!» – скажут многие. Дорогой друг, попробуй, я надеюсь, получится. Я знаю многих людей, которым раньше приходилось бороться со многими телесными недугами, но благодаря следованию этим простым предписаниям они достигли крепкого здоровья. Но если это у тебя действительно не получается – либо потому, что у тебя отсутствует понимание, что значит по-настоящему заботиться о здоровье, либо потому, что твое тело сформировалось с изъяном, либо потому, что по какой-то причине в нем что-то было разрушено, – то последуй моему совету: откажись от воспитания и посвяти себя какому-нибудь другому делу. Оно стало бы для тебя крайне обременительным, а ты, даже при всем желании, принесешь больше вреда, чем пользы.

2. Будь всегда весел!

Находясь в веселом настроении среди своих воспитанников, ты всемогущий. Они привязываются к тебе всей душой, они схватывает на лету все твои указания. Если бы ты всегда мог быть веселым, то не было бы дела проще, чем воспитание. Есть люди, у которых веселость врожденная, которым все предстает со смешной стороны; в таком ободрении они не нуждаются, более того, мне надо напомнить им, что воспитание должно быть еще и серьезным, если они хотят укрепить свой авторитет и придать своим наставлениям необходимую действенность.

Однако число тех, кого природа одарила веселостью, очень невелико, большинство людей скорее склонны к угрюмости и поэтому обычно пребывают в недовольном расположении духа. О том, что в таком плохом настроении воспитание становится очень

трудным и приносит мало пользы, знает каждый и поэтому чувствует себя обязанным стремиться к тому, чтобы всегда быть веселым. Создать у себя веселое настроение не так трудно, как, быть может, кто-то подумает.

Стоит только отыскать причину угрюмости, и устранить ее будет несложно. Итак, спрашиваю я тебя, дорогой читатель, почему же ты всегда так угрюм?

«Из-за жизненных обстоятельств», – отвечаешь ты.

Заблуждаешься, мой друг! Действительно, одни обстоятельства более пригодны вызвать угрюмость, чем другие; но истинная причина угрюмости все же в тебе самом. Человек, полный сил и светлых мыслей, должен уметь отрешаться от своего окружения и сам себе давать пищу для веселого настроения. Он спокоен, даже если вокруг него все бушует и сверкает, и доволен, если вокруг него царит недовольство. Другой, у кого эта сила и понимание отсутствуют, мрачен и угрюм, даже если все стараются его рассмешить.

Причина угрюмости часто заключена в изъяне тела. Кто научился поддерживать свое здоровье, тот сможет защититься и от этого вида угрюмости.

Но часто и, быть может, чаще всего она проистекает из изъяна в душе, а именно из дурной привычки составлять себе о своем окружении неприятные представления. Смотрите, дорогие друзья, существует двоякий мир. Один находится вне нас, другой в нас. Тот мир не зависит от наших представлений, этот состоит из представлений, которые мы о нем себе создаем. На первый мы можем влиять лишь самую малость, второй же – наш собственный продукт, а мы его творцы. Стало быть, если мир вне тебя не такой, каким, по твоему мнению, он должен быть, то сам создай себе мир, который будет тебя веселить, создавать хорошее настроение, научись составлять обо всем приятное мнение, создавать представления, которые успокаивают и веселят, и твое веселое настроение будет иметь прочный фундамент, во всяком случае, настолько прочный, насколько это возможно в личиночном состоянии, в котором мы пребываем.

Позволь нам проделать опыт с этим творением и посмотреть, нельзя ли составить приятное, привлекательное представление о круге, в котором ты действуешь.

Ты действуешь и вращаешься в кругу детей. Кто они?

Развивающиеся люди.

Кто дал их тебе?

Бог, дающий все.

С какой целью?

Их направлять, чтобы они стали разумными, свободными,

деятельными, счастливыми существами и тем самым позволили тебе облагородиться самому.

А их пороки?

Это стимулы к размышлению об их первопричине и лучших способах их устранить.

А трудности, которые встречаются у тебя на пути?

Должны заставить тебя напрячь свои силы, чтобы их преодолеть.

Неблагодарность, которой тебя вознаграждают?

Предоставляют тебе возможность поупражняться вести себя исключительно нравственно.

Разве такие воззрения не рассеивают печаль? Разве ты не видишь того, как человек, приобретший умение извлекать из своего окружения такие воззрения, может оставаться веселым?

Но чтобы суметь прийти к такого рода воззрениям, нужно стараться достичь более высокой позиции, на которой, отрешившись от видимого, можно направить свой взгляд на невидимое. Здесь исчезают весь беспорядок, замешательство и все зло и открывается поле, где видны сплошная гармония и высокие цели.

Тем, кто расположен взобраться на эту более высокую позицию, я протянул руку в известной книге «Небеса на земле»[43].

Я не сомневаюсь, что юные воспитатели, которые усвоят данные в этой книге представления, научатся в своем деле настраивать сами себя на веселость.

3. Научись разговаривать и общаться с детьми

Каждый класс людей имеет свой собственный язык и привычки, которые нужно хорошо знать, если хочешь, чтобы тебе было комфортно с такими людьми, и если хочешь понравиться им. Поэтому кабинетный ученый робеет и делается смешным, попадая в круг более высоких сословий, и не знает, как себя вести, оказываясь в обществе землепашцев.

Сходная участь ждет молодых людей, которые, когда им доверяют детей, обходятся только книгами и общением со взрослыми. Они не знают, как себя вести, они всегда в замешательстве и не нравятся детям, которым их общество обременительно. Почему это так? Потому что язык и привычки детей им чужды.

Итак, ознакомьтесь с ними! Вместо того чтобы читать много книг о воспитании и слушать лекции по педагогике, лучше

сходите к детям, в чьем обществе вы ежедневно пару часов проводите. Ведь повсюду, где живут люди, есть дети; вы, несомненно, застанете их также и там, где находитесь. Возможно, у вас есть домохозяин, сосед, друг или родственник, у которого много детей и которому будет приятно, если иной раз вам захочется с ними поговорить.

В качестве материала беседы прежде всего я вам предлагаю рассказ.

Рассказ для всех детей привлекателен, и как только человек, умеющий рассказывать хорошо, открывает свой рот, вокруг него, как цыплята, которых манит мать, собираются дети. И то, что они его так обступают и явно жаждут услышать рассказ, делает для рассказчика его занятие простым и приятным.

В наши дни, когда написано так много книг для детей, не может быть недостатка в материале для рассказа. Лучшее, что я знаю, – это «Робинзон» Кампе.

Начиная рассказывать, обрати внимание, как при этом себя ведут твои маленькие слушатели. Если их глаза и уши направлены на тебя, если они просят тебя, когда ты хочешь закончить, рассказывать дальше, то это признак того, что твой рассказ развлекает их; но если они становятся сонными или начинают играть и друг друга поддразнивать, то, должно быть, чего-то недостает. Быть может, ты думаешь, что недостает доброй воли детей. Но я полагаю, что ты ошибаешься, поскольку все дети, насколько я знаю их, находят в рассказах удовольствие. Скорее, изъян либо в содержании преподносимой тобою истории, либо в самом тебе.

Быть может, твоя история не содержит ничего привлекательного для детей. Поэтому попробуй рассказать другую; если она привлекла к себе больше внимания, то это значит, что до этого ты ошибся в выборе рассказа. Остерегайся только развлекать своих малышей историями про фей и волшебников. Хотя они слушают их столь же охотно, как едят пряник, они столь же вредны их уму, как пряник желудку.

Но если ты обнаружишь, что всякий раз, когда ты что-то рассказываешь, дети остаются рассеянными и безучастными, то изъян, без сомнения, заключен в интонации речи, и тогда у тебя будет тем больше причин в ней что-то поправить, потому что цель твоего рассказа прежде всего заключается в том, чтобы научиться говорить с детьми.

Вот несколько советов, как ты можешь улучшить свою интонацию.

«Говорит, как по писаному», – принято отзываться о человеке, когда хотят его похвалить за умение поддерживать разговор. Но

если ты беседуешь со своими детьми, то я советую тебе говорить не как по писаному, а так, как обычно разговаривает человек, общаясь с людьми, говори языком повседневной жизни. Когда пишут книгу, подбирают каждое слово и каждую фразу и избегают многих выражений из повседневной жизни как неблагородных. Не надо избегать в своих рассказах как неблагородных тех выражений, которых ты обычно не стыдишься в повседневном общении, благодаря этому твой рассказ станет для детей живым и привлекательным.

Избегай, насколько это возможно, общих выражений, потому что они менее понятны детям, и лучше называй вещи, которые ими обозначаются, по отдельности. Например, ты можешь сказать: «Мать, когда вернулась из своего путешествия, принесла своим детям фрукты и игрушки»; но ты можешь эту фразу выразить и по-другому: «Когда мать вернулась из своего путешествия, принесла маленькой Франциске и Вильгельмине всякого рода вещицы: яблоки, груши, лесные орехи, коробку, полную небольших тарелок, канделябров, мисок, ложек, картинок» и т. п.; последнее описание, несомненно, имеет для детей большую привлекательность, чем первое.

Далее, будь в своем рассказе чуть более обстоятельным и не забывай вставлять в него всякого рода побочные детали, сопровождавшие действие. Так, ты можешь придать вышеупомянутому рассказу больше жизни благодаря привнесению следующих побочных деталей.

«Ах, если бы вдруг мама вернулась!» – сказала маленькая Франциска Вильгельмине. Едва она это произнесла, как под окном что-то прогромыхало. Франциска выглянула из окна, увидела свою мать в дорожной повозке, выскочила с Вильгельминой во двор – тут из повозки вышла мать, обняла своих детей, велела взять из кареты чемодан и отнести его в комнату. Дети последовали за ней, и им очень хотелось увидеть, что же было в том чемодане. Вот его открыли и распаковали. Распаковали также коробку и поставили перед детьми. Сгорая от любопытства, они открыли ее и нашли в ней множество прелестных вещиц, которые им доставили радость: яблоки, груши и т. д.».

Далее, всегда вводи персонажей выразительно и говори от их лица тем голосом, каким они и в самом деле стали бы разговаривать.

Например: Франциска увидел свою мать. «Вильгельмина! – воскликнула она. – Мама приехала».

«Мама!» – сказала Вильгельмина. И обе они бросились вниз по лестнице. «Мама! Милая, славная мама!» – сказали они и

обвили своими руками ее шею.

«Милые дети! – сказала она, прижав их к своей груди. – Как я по вам соскучилась! Скажите мне, вы здоровы?»

Вильгельмина. Совершенно здоровы! Ты нам что-то привезла?

Мать. Давайте посмотрим! Ганс, отнеси этот чемодан в мою комнату.

Вильгельмина. И что же там в чемодане? – и т. д.

Само собой разумеется, ты всегда должен говорить тоном, каким говорил бы человек, которого ты вводишь речью, и поэтому постарайся владеть своим голосом. «Вильгельмина, мама приехала!» – нужно произнести совершенно иначе, чем: «Славные дети! Как я по вам соскучилась!»

Благодаря этой постоянной смене интонации не только твой рассказ получает жизнь, но и твой голос получает нужную гибкость, которая безусловно необходима тебе, если ты хочешь разговаривать со своими питомцами убедительно и душевно.

Наконец, старайся также привнести в свой рассказ действие. Это происходит тогда, когда своей мимикой и жестами ты пытаешься выразить поступки, о которых рассказываешь.

Например: «Вильгельмина, мама приехала!» нужно произнести, выражая на лице необычайную радость. При этом ты не можешь оставаться в спокойной позе, а должен принять такую, какую обычно принимает ребенок, радуясь неожиданному возвращению любимой мамы.

В качестве материала беседы с детьми я предлагаю далее объяснение картинок, которые чем-то привлекательны для детей.

Разумеется, все картинки чем-то привлекательны для детей, но все же одни всегда больше других. Изображению живой природы больше, чем представлению неживой, животных больше, чем людей, действующих существ больше, чем тех, кто пребывает в покое. Изображение петушиного боя, несомненно, имеет для детей большую привлекательность, чем представление всяких кур, цыплят и т. п. Какое-то время дети будут рассматривать их с удовольствием, но вскоре им это надоест. И наоборот, они дольше задержатся на рассмотрении петушиного боя и часто будут с интересом к этому возвращаться.

При изготовлении эстампа к «Азбуке и хрестоматии Конрада Кифера», а также при подготовке к первому занятию по этике эти замечания были учтены.

Все, что было сказано о рассказе, относится и к объяснению картинок; ты должен, если хочешь привлечь к себе ими детей, следовать тем же самым советам, которые я дал тебе по поводу рассказа.

О том и другом я мог бы тебе сказать еще многое; но если ты

чувствуешь стремление рассказом и объяснением картинок привлечь к себе своих малышей, то ты сам научишься всему лучше, чем я могу это тебе рассказать.

4. Научись заниматься с детьми

В только что описанных беседах ты выступаешь действующим лицом, а дети – просто слушатели и зрители. Это положение, каким бы приятным оно ни было для них вначале, все же им надоест, если будет продолжаться чересчур долго, поскольку их стремление к самостоятельной деятельности не находит в этом удовлетворения. Поэтому ты должен также найти развлечения, в которых они могут принимать деятельное участие. К ним я причисляю прежде всего игру, причем такую, которая имеет полезную цель – предоставляет телу возможность либо совершать свободные и приятные движения и проявлять ловкость, либо упражнять силы ума.

Этим играм ты можешь отчасти научиться у самих детей, если позволяешь рассказывать о них своим питомцам, а иногда и сам приходишь на детские площадки, где играют другие дети, отчасти ты сможешь найти руководство по ним в «Играх для детей» Гутсмута.

При их выборе ты должен учитывать две вещи: чтобы они имели действительно полезную цель и чтобы они доставляли твоим малышам удовольствие.

О, все вы, кто посвящает себя воспитанию, научитесь, прошу вас, научитесь играть с детьми! Благодаря этому упражнению вы достигнете трех важных целей: привяжете детей к себе и завоюете их любовь и доверие, больше освоите дар разговаривать и общаться с ними и, наконец, у вас будет возможность заглянуть в душу своих малышей, поскольку в игре они ведут себя гораздо открытее и свободнее, чем в других ситуациях, и показывают себя со всеми своими недостатками, слабостями, фантазиями, задатками, наклонностями, то есть такими, какие они в действительности.

Кто не умеет играть с детьми, кто глубоко заблуждается, что такой способ общения с детьми ниже его достоинства, тот, собственно говоря, не должен быть воспитателем.

Но поскольку мы предназначены не только для игр, и детям они вскоре надоели бы, если бы у них вообще не было никакого другого занятия, то ты вскоре почувствуешь потребность в других, несколько более серьезных занятиях. В чем они должны состоять, было показано раньше.

Теперь вопрос только в том, как тебе приобрести для этого навык. Поэтому я тебе советую:

5. Постарайся получить четкие знания о твореньях природы

Под четкими знаниями я понимаю знания признаков, по которым можно отличать друг от друга разные классы и роды творений природы.

«Для этого у меня, – быть может, ответишь ты, – нет возможности». И вправду? Ведь ты живешь в природе и окружен ее творениями, которые растут и живут вокруг тебя.

Только приучи себя внимательно рассматривать и один за другим отыскивать признаки, которыми они отличаются от других, на них похожих. Уже благодаря этому ты разовьешь свой дар различать и приобретешь в этом некоторое умение. Но у тебя будет недоставать слов, которыми ты должен называть каждое творение природы и его признаки.

Поэтому теперь тебе надо найти друга, который знаком с природой и даст тебе некоторые наставления, как находить разные признаки творений природы, например в ботанике – различные части цветков, и познакомит тебя с терминами, которыми принято их называть. В наши дни, когда знание о природе распространяется все больше, такие друзья не так редко встречаются, как двадцать лет назад. Если даже тебе понадобится потратить несколько часов, чтобы прийти к этому другу, то все же стоит трудов иной раз проделать к нему этот путь.

Далее ты должен попытаться раздобыть себе несколько книг, которые будут служить тебе руководством при знакомстве с природой.

Таковых тоже сейчас изобилие. Среди множества руководств я назову лишь следующие: по ботанике – «Руководство Дитриха по знанию растений»; «Флора Германии» Хофмана и Ролинга. По зоологии: «Естественная история Лескенса», а по ботанике и зоологии: «Общеполезная естественная история своей страны и зарубежья Бехштейна».

Если ты найдешь творение природы, например растение, и захочешь узнать, что это такое и как называется, то посмотри сперва на признаки класса, затем рода, далее порядка, при этом ты должен придерживаться в первую очередь признаков, бросающихся в глаза больше всего. Затем справься в своей книге и отыщи класс и род, к которым принадлежит твое растение. Таким образом, тебе будет нетрудно найти и порядок, к которому оно относится, и название, которым оно обозначается. Затем при

случае спроси своего друга, не ошибся ли ты. Ты обрадуешься, если и в самом деле нашел то, что искал, и даже выявленная совершенная тобою ошибка будет для тебя поучительной, и ты убережешь себя от подобных заблуждений.

Я даю тебе этот совет тем увереннее, поскольку по опыту знаю, что разные молодые люди за время короткого пребывания в моем учреждении таким способом приобрели незаурядные знания о природе, преимущественно о растениях.

Поскольку, как я полагаю, ранее достаточно доказал, что созерцание природы крайне необходимо для развлечения детей, для пробуждения и упражнения их умственных сил, то из этого само собой вытекает, что ты должен познакомиться с природой, если хочешь воспитывать с пользой и удовольствием.

Это знакомство принесет тебе большие и разнообразные выгоды. Для тебя они будут обильным источником удовольствия, потому что теперь ты уже будешь бродить по миру не как чужак, которому незнакомы окрестности, а как местный житель, который в горах и долинах, в воде и недрах земли встречает знакомых, с которыми может побеседовать. Еще более важным оно будет для тебя при общении с твоими малышами, поскольку оно предоставляет тебе самый разнообразный материал для беседы и для занятия, делает тебя важным и незаменимым для твоих малышей и предоставляет тебе возможность, особенно летом, провести несколько часов со своими малышами за крайне полезным и приятным занятием – собиранием и высушиванием растений.

6. Познакомься с плодами человеческого усердия

Поскольку, как я ранее показал, они дают очень разнообразный материал для поучительной беседы с детьми, то без их знания обойтись невозможно. При обычном воспитании они оставались для нас чуть ли не совершенно чуждыми; о большинстве вещей, которые нас окружают, у нас нет четкого представления, а названия разных их частей были нам неизвестны. Если мы не попытаемся приобрести эти знания, то не сможем и передать их нашим приемным сыновьям, поэтому они привык-нут рассматривать то, что их окружает, лишь поверхностно и довольствоваться смутным знанием.

Итак, мой друг! Ты, посвятивший себя воспитанию, постарайся познакомиться со всевозможными плодами человеческого усердия и узнать прежде всего их материю, их части, их форму, их предназначение и научись их правильно

называть. Возможность для этого ты найдешь, если ищешь. Человек, который смастерил некую вещь и ею пользуется, сможет разъяснить тебе все, что ты захочешь узнать.

Если, к примеру, ты встретишь землепашца, дружелюбно отвечающего на твое приветствие, то вступи с ним в беседу о его деле и инструменте, которым он пользуется, чтобы бороздить землю и готовить пашню к производству зерна, которое тебя кормит. Пусть он назовет тебе разные части плуга и укажет цель, с какой они на нем размещены. Он с удовольствием ответит на твои вопросы, и ты тогда познакомишься со многим, что до этого было тебе неизвестно, и порадуешься тому, что это выучил.

Посети мастерскую столяра, токаря, кузнеца и т. д., побеседуй с ними о материалах, которые они обрабатывают, о форме, которую они им придают, об инструментах, которыми они пользуются, чтобы достичь своих целей; затем посети места, где установлены машины, например мельничные жернова, которые посредством умеренного по силе давления производят большую работу, и попроси ознакомить тебя с различными составными частями, их названиями, предназначением и т. д.

Благодаря таким беседам с производительным классом людей во многих случаях ты получишь больше полезных знаний и умений, чем в лекционном зале иного философа. Ты научишься обращаться и разговаривать с этим сколь многочисленным, столь и важным, незаменимым для человеческого общества классом людей – дар, которым далеко не всегда может похвастаться кабинетный ученый; ты приобретешь знания, которые в дальнейшем сможешь использовать в кругу своих приемных сыновей; самые обычные вещи дадут тебе материал для беседы с ними; наконец, ты приучишься не смотреть на вещи поверхностно, а внимательно их рассматривать, и об этом навыке расскажешь своим воспитанникам.

7. Научись пользоваться своими руками

Кто размешивает ложечкой сахар в чашке с кофе, тоже использует свои руки; но то, что таким их применением невозможно вдохновить других научиться использовать свои руки, вытекает само собой.

Научиться использовать свои руки скорее означает – с помощью различных упражнений постараться получить власть над всеми мышцами рук, чтобы тем самым иметь возможность многое делать и мастерить.

Поскольку же речь здесь идет о подготовке к воспитанию, то

ты должен преимущественно заниматься такими делами и уметь мастерить такие вещи, которые могут пригодиться тебе в воспитании.

Людей, у которых ты можешь в этом смысле чему-нибудь научиться, ты найдешь повсюду, и по большей части они будут склонны познакомить тебя с приемами, применяемыми ими в своей работе.

Если, к примеру, тебе повстречается человек, который обладает умением, изгибая бумагу, изготавливать всяческие фигурки, то не считай это чем-то незначительным, а постарайся этому обучиться. В дальнейшем при общении с доверенными тебе детьми, особенно с теми, у кого руки пока еще слишком слабы, чтобы пользоваться инструментами, это обеспечит тебе самые разные выгоды. Стало быть, проведи также занятие по рукоделию, если найдешь возможность для этого, поскольку этим ты сможешь занять своих малышей приятным и полезным делом.

Найди также садовника, к которому иной раз ты можешь прийти поучиться. Научись пользоваться лопатой и граблями, разбивать грядки и посмотри, как правильно сажать обычные садовые растения и за ними ухаживать. Если затем у твоих питомцев пробудится склонность к садоводству, то ты не станешь противодействовать ей, ты будешь ее подкреплять и стараться удовлетворить, станешь помощником и советчиком маленьких садовников и поэтому будешь для них очень важной фигурой.

Прежде всего изыщи возможность научиться обрабатывать дерево и картон. Эти работы я рекомендую тебе в первую очередь, потому что они очень чистые и, в отличие от многих других, не загрязняют руки, одежду и комнату, и, кроме того, ты научишься пользоваться разными инструментами – резаком, рубанком, долотом, буравом, молотком, тисками и пр. Если ты умеешь обращаться с подобными инструментами, то тогда твои силы и действенность существенно возрастут и ты сможешь перенести их на своих малышей и использовать для столь важного, полезного и приятного дела, как что-нибудь мастерить своими руками.

Но где, спросишь ты, найти время, чтобы суметь всему этому научиться?

Этим ты меня побуждаешь дать тебе восьмой совет.

8. Приучи себя экономно распоряжаться временем

Время – деньги, сказал, если я не ошибаюсь, Франклин; по всей вероятности, для того, чтобы растолковать людям, в чьих глазах ничто не имеет такой ценности, как деньги, большую

ценность времени. Но я говорю, что время ценнее денег, потому что при правильном использовании времени можно заработать много денег, но ни за какие деньги время не купишь.

Существует немало семей, которые жалуются на безденежье. Они посещают спектакли и концерты, часто принимают у себя дома знакомых за столом, уставленным самыми разными и самыми дорогими блюдами; не отстают в украшении своих комнат от персон первого ранга, наряжаются по законам моды, а затем жалуются, что их доход недостаточен.

Как помочь этим семьям, как сделать, чтобы денег хватало, видит каждый, только не они сами.

Мой друг! Ты спрашиваешь, где взять время на то, чтобы всему этому научиться? На портрете таких семей ведь ты и сам нарисован. Самые прекрасные часы дня, утренние часы, наверное, ты проводишь в постели. Затем садишься за стол и читаешь газеты, журналы и прочую писанину, присланную тебе читательским обществом, членом которого ты состоишь; во второй половине дня ты посещаешь общества, вечером сидишь за карточным столом. Когда же я советую тебе познакомиться с природой и научиться пользоваться руками, ты спрашиваешь меня: где взять время, чтобы всему этому научиться?

Но просто подумай, как целесообразнее всего тебе использовать свое время, и делай то, что советует тебе твой разум, и тогда у тебя будет достаточно времени научиться не только тому, что я тебе здесь советую, но и еще многому другому.

Если ты рано встаешь, то сразу выгадываешь пару часов, за которые ты можешь многое выучить.

С приближением утра пробуждается вся природа, за исключением ночной птицы, и поэтому неприлично, что человек, который в известном смысле хозяин природы, продолжает лежать в постели. Уклонение от такого порядка природы, несомненно, чревато самыми разными печальными последствиями, прежде всего для воспитателей. Твои воспитанники, чтобы оставаться сильными и здоровыми, должны все-таки рано вставать. Сможешь ли ты их к этому приучить, если сам позволяешь солнцу тебя освещать в твоем ночном ложе?

Думать и наблюдать – вот твое главное дело; благодаря этому упражняется сила ума, а ты накапливаешь богатство самостоятельно приобретенных знаний, в истинности которых ты убежден и которые можешь использовать в своей работе. Ты должен также читать, чтобы получить больше материала для размышлений. Если это делается умеренно, избирательно, прежде всего в отношении к делу, которому ты себя посвятил, то ты получаешь для своего ума здоровую, укрепляющую силы пищу.

Но если ты слишком много читаешь, как это теперь обычно бывает, то напоминаешь мне человека, который целый день ест. Постоянно набитый желудок делает его неспособным мыслить, а его соки портятся из-за разнородных продуктов, которые в них переходят. Постоянное чтение заполняет бóльшую часть дня и отнимает у тебя время, которое ты должен использовать на размышления и поступки. Ты схватываешь одно за другим многочисленные понятия – истинные, наполовину истинные и ложные, – которые приводят тебя в замешательство и не позволяют прийти ни к какой самостоятельности. Сегодня ты судишь так, на следующей неделе утверждаешь обратное, в зависимости от того, что говорится в книге, которую ты прочел последней.

Таким вот вредным было бы чрезмерное чтение, даже если бы у тебя не было определенных занятий. Но гораздо больший вред из этого проистекает, когда ты берешься за какие-нибудь определенные дела, например за воспитание.

Теперь ты предстаешь перед своими малышами, но только телом, твой ум отсутствует и все еще бродит в кругу идей, куда его перенес журнал, который ты только что держал в руке. Поэтому ты неправильно слышишь и искаженно видишь, а твоим речам недостает нужной убедительности. Ты руководишь детьми с журналом в руке, требуешь от них неестественной тишины, чтобы тебе не мешали читать, каждый шорох, каждый вопрос, который тебе задают, вызывает у тебя недовольство, и ты позволяешь себе перейти на раздраженный тон. За их поступками ты наблюдать неспособен, а твое присутствие влияет ненамного больше, чем пугало, которое поместили в поле пшеницы, чтобы отгонять воробьев. Какое-то время они его боятся, но мало-помалу к нему привыкают и в конце концов на него даже садятся.

Итак, мой друг, если ты действительно хочешь стать хорошим воспитателем, то последуй моему совету и умерь себя в чтении! Помни, что чтение должно быть всегда лишь средством для достижения более высоких целей и что ты совершаешь глупость, делая средство целью. Ты сэкономишь тогда много времени, которое сможешь использовать на приобретение тех умений и знаний, которые тебе безусловно понадобятся в деле воспитания. Вспомни о Песталоцци! Стал бы он таким влиятельным человеком, если бы время, которое он использовал на размышления и наблюдения, потратил на чтение?

Далее, ты сэкономишь много времени, если не слишком приучаешь себя к светской жизни.

Кто будет отрицать, что светская жизнь имеет свои большие плюсы, а умеренное наслаждение ею – потребность?

Но каждую неделю проводить по полдня в обществе – это бесполезная трата времени, самая настоящая праздность, которая, как и всякая праздность, учит дурному и отнимает у воспитателя время, которое он должен был бы использовать на подготовку и занятие своим делом. Если хотя бы половину времени, которое ты сейчас тратишь на болтовню, проведешь на природе или в мастерской, то вскоре станешь другим человеком.

Еще одно! Случайно ты не игрок? Не приобрел ли ты привычку половину дня или вечера проводить за карточной игрой? Если это так, то ты должен родиться заново, тебе нужно полностью перемениться, если хочешь быть пригодным для воспитания. Ты еще вовсе не размышлял о ценности времени, совершенно не думал, сколько разумный человек может осмыслить, выучить и сделать за один час? Как ты можешь так расточительно обходиться со своим временем? Как ты хочешь воспитывать, если тобою владеет страсть к игре? Не станешь ли ты отделываться от своих обязанностей, когда пробьет час игры и тебя позовут к карточному столу? Как ты сможешь проповедовать своим питомцам самообладание, если ты сам раб страсти к игре? Не будет ли твой пример оказывать влияние на твоих малышей и прививать им склонность к карточной игре?

Итак, мой друг, ты, который отягощен этой страстью, выбирай! Откажись либо от игры в карты, либо от воспитания, потому что то и другое так плохо уживаются друг с другом, как работа в кузнице с игрой на гармонике.

Итак, я думаю, что достаточно ответил на твой вопрос: где же взять время, чтобы всему этому научиться? Если ты всего лишь откажешься от приобретенных раньше привычек, на которые безрассудно тратил время, то у тебя появится лишнее время и ты сможешь выучить все, что будет тебе подмогой при занятии воспитанием.

9. Постарайся вступить в контакт с семьей или с обществом воспитателей, чьи дети или приемные сыновья отличаются отменным здоровьем

Почему? Об этом ты легко догадаешься. Если ты хочешь стать воспитателем, то должен также научиться сохранять здоровыми своих питомцев. Для этого ты можешь приобрести необходимые знания также в школах врачей и из книг, которые они пишут; но я полагаю, что тебе будет надежнее и легче их обрести, общаясь с людьми, доказавшими, что у них есть понимание и умения, необходимые для сохранения здоровья детей. Смотри! Садовник

ухаживает за многими тысячами молодых деревьев, которые благодаря ему растут и развиваются, при том что он не обладает точным знанием их внутренних частей и не изучал физиологии растений. Он научился обращаться с ними на примере своего отца или наставника.

Аналогичным образом ты тоже сможешь научиться сохранять здоровье детей. Общаясь с людьми, с которыми я советую тебе вступить в контакт, ты увидишь, как они обращаются с детьми, чтобы придать их телу силу и крепость, и что они делают, когда те себя плохо чувствуют.

В последнем случае ты должен уметь выяснить три вещи: где у ребенка болит, из-за чего он почувствовал себя плохо и каким простым средством можно устранить непорядок в теле.

Все это будет освоено гораздо надежнее благодаря общению с такими людьми, под чьим присмотром развиваются дети, чем с помощью врачебных лекций и книг, потому что в первом случае вещи воспринимаются через видение, а в последнем через описание, при использовании которого очень легко ошибиться.

10. Постарайся выработать у себя умение приводить детей к внутреннему убеждению исполнять свои обязанности

Насколько это необходимо, я показал раньше. Как только появляется убеждение, возникает и решение исполнять обязанности. Теперь ребенок исполняет свои обязанности не потому, что этого требуют другие, не из-за поощрений и наказаний, связанных с их исполнением и пренебрежением ими, а потому что он убежден, что так должно быть.

Поэтому сам почаще задумывайся о своих обязанностях и постарайся себя убедить в обязательности их исполнения. До тех пор пока этого убеждения у тебя нет, при исполнении долга ты будешь руководствоваться лишь внешними обстоятельствами, кроме того, тебе будет трудно говорить об обязанностях, а твои наставления будут такими холодными и безрезультатными, как проповеди якобинца об обязанностях подданных по отношению к власти. Но если ты этого добился, то будешь испытывать также стремление распространить их на своих малышей, которое сделает тебя красноречивым и придаст твоей лекции нужную теплоту и действенность. Что от сердца идет, то к сердцу приходит.

Если, к примеру, у тебя стало живым убеждение в том, что ты обязан проявлять самообладание, то оно будет присутствовать у тебя постоянно, и ты легко сможешь наглядно его показать своим

малышам.

Теперь упражняйся в том, чтобы посредством наглядного изображения обязанностей убедить детей в необходимости их исполнения. Каждое упражнение формирует навык, и чем чаще оно повторяется, тем больше оно демонстрирует нам, каким образом можно легко прийти к своей цели.

В моральном смысле при воспитании эта цель двоякая: во-первых, вселить в детей, убежденных в наличии у себя обязанностей, склонность к их исполнению; во-вторых, предписать им немедленно исполнять определенные обязанности. Ты достигнешь обеих целей, если приобретешь умение изображать все очень наглядно и, так сказать, делать обязанность ощутимой.

Когда недостаток силы ума является главной и наиболее широко распространенной причиной того, почему дети испытывают неприязнь к исполнению обязанностей, а также в том случае, если склонность действительно существует, но обязанностями очень часто пренебрегают, ты должен запастись набором наглядных примеров, с помощью которых ты покажешь, что необходимо поступать в соответствии со своим пониманием и сдерживать чувственность, что всегда должна руководить наша духовная сила, а тело с его вожделениями должно подчиняться. Это ты можешь сделать наглядным с помощью образа всадника, хозяина дома, государя; можешь показать, что управляют не конь, не челядь, не подданные, а всадник, хозяин дома и государь, а чтобы все было в порядке, конь, челядь и подданные должны подчиняться; что судьба всадника, неспособного обуздать свою лошадь и управлять ею, очень печальна; что хозяину дома и государю, позволяющим командовать собой своим подчиненным, тоже придется туго, и именно в таком положении находится человек, чья сила ума настолько невелика, что он неспособен обуздать желания и вынужден уступать их требованиям.

Далее ты должен постараться приобрести умение персонифицировать обязанности или приводить в пример людей, отличившихся благородным исполнением долга. Для этого ты найдешь богатый материал в сочинениях для детей, содержащих вымышленные истории, цель которых – облагораживание образа мыслей. Но еще гораздо большее влияние ты окажешь, если подберешь примеры реальных людей из старой и новой истории, которые можешь представить своим малышам как образец выполнения определенных обязанностей. Расскажи им, например, о благородном поступке господина де Монтескье, который тайком выкупил одного главу семейства, томившегося в рабстве у варваров, велел его одеть и отослал обратно горюющей семье, ни

словом не обмолвившись, кому они были обязаны этой радостью; или о добросовестности того менонита, которого вражеский офицер заставлял показать ячменное поле, чтобы скосить ячмень на корм для лошадей, молча провел его мимо пашен соседей и показал ему свое собственное ячменное поле, – и ты непременно заметишь, как твои маленькие слушатели глубоко прочувствуют благородство этих поступков и воодушевятся решением поступать точно так же.

Но если ты хочешь добиться от своих малышей того, чтобы они стали сразу выполнять некоторые обязанности, то тебе надо приобрести умение очень наглядно показывать их необходимость. Это может случиться, если ты дашь глубоко почувствовать детям, сколь неприлично пренебрегать своими обязанностями. Если, допустим, маленького Иеронима надо приучить в определенное время выполнять некоторую работу, а он от нее уклоняется, то ты можешь сказать: «Если ты считаешь, что прав, то давайте установим закон, что каждый член нашего небольшого общества может в рабочие часы заниматься, чем хочет: играть, петь, носиться туда и сюда, как ему хочется». Он сразу почувствует нелепость такого предписания и нехотя согласится работать. Или можешь напрямую спросить: «Ты хочешь, чтобы все дети так поступали?» И если по нему видно, что он чувствует, насколько это неподобающе, то ты можешь задать очередной вопрос: «По какой же причине ты хочешь сделать для себя исключение из правила?»

В другой раз, если он пренебрегает определенной обязанностью, ты можешь также спросить: «Ты считаешь меня порядочным человеком? В самом деле? Как же ты можешь требовать от меня, чтобы я сквозь пальцы смотрел, как ты пренебрегаешь своими обязанностями? Разве порядочный человек так поступит? Разве ты не будешь сам меня презирать, если я стану недобросовестно руководить людьми, отвечающими за надзор, и скрою, что ты пренебрег своими обязанностями?»

Благодаря такому и аналогичному обращению ты многого добьешься, подведешь своих питомцев к пониманию своих обязанностей, у них появится решимость их исполнять, они приучатся поступать как должно и лишь в редких случаях тебе придется, прибегнув к наказаниям, дать им почувствовать их упущения.

11. Всегда поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали твои воспитанники!

Как я уже отмечал, каждый ребенок имеет тягу вести себя так, как ведут себя другие, и больше склонен подражать поступкам, чем следовать наставлениям и предписаниям.

Поэтому ты должен постоянно стремиться к тому, чтобы во всех смыслах быть образцом для своих воспитанников и своим примером подкреплять наставления, которые ты им даешь. Дети обладают необычайно тонким чутьем и подмечают каждый недостаток своего воспитателя. Скрывать от них эти недостатки – напрасный труд, оправдывать их – значит их им рекомендовать. Единственный способ добиться того, чтобы твои недостатки не оказывали вредного влияния на детей, – от этих недостатков избавиться.

Итак, прежде чем ты решишься стать воспитателем, хорошо себя испытай, серьезно ли твое нравственное исправление и обладаешь ли ты достаточной силой, чтобы во всех смыслах быть образцом для своих малышей. Если в твоем случае дело обстоит иначе, то лучше откажись от этого занятия, где много добра ты все же не принесешь, и выбери другое, где твой пример будет менее заразительным для тех, кто тебя окружает.

Но если ты чувствуешь в себе решимость и силу стать во всех смыслах образцом для твоих малышей, то посвяти себя этому важному делу с радостью и рассчитывай на благословенный его успех.

Чем усерднее ты к этому стремишься, тем совершеннее станешь ты сам. Твои питомцы будут твоими воспитателями, обратят твое внимание на некоторые твои ошибки, ускользнувшие от твоего внимания, и дадут тебе стимул от них избавиться. Твой пример на них подействует, каждому из твоих наставлений придаст нужную убедительность, и подобно тому как благодаря постоянному общению с тобой они усваивают твой диалект, точно так же они усвоят и твои добродетели[44].

Нравственное воспитание может подействовать только так, как мною описано выше, то есть через живое убеждение в необходимости исполнять обязанности, и именно так оно осуществляется в моем учреждении.

Но наряду с нравственным формированием в каждом маленьком или большом обществе необходима своего рода полиция, которой управляются внешние действия членов общества. Поэтому в каждом хорошем воспитательном учреждении имеется организация, которая отдает предпочтение прилежным питомцам, а неприлежных отодвигает на задний план. В моем заведении я счел целесообразным ввести табели заслуг, но никогда не рекомендовал их другим для подражания, а наоборот, выказывал свое недовольство, если табели заслуг иной

раз находил в семьях.

Этим в моем учреждении я достигаю двух очень важных целей: во-первых, дети, у которых разум пока еще лишь развивается, всегда могут наглядно увидеть положение, в котором они находятся по отношению друг к другу с точки зрения прилежания. Во-вторых, учителя имеют возможность без телесного наказания, которого в кругу моих приемных сыновей я не терплю, указать своим воспитанникам на невыполнение ими обязанностей, вычитая билеты, которых у них должно быть пятьдесят, если рядом со своим именем они хотят видеть желтую гвоздику. Они и в самом деле часто воспринимают этот вычет более глубоко, чем иной привыкший к побоям ребенок телесное наказание. За то время, пока питомец приобретает свои пятьдесят гвоздик, его разум обычно настолько развивается, что в таком чувственном средстве управления он уже не нуждается. Теперь в течение какого-то времени его проверяют, будет ли он и без этого средства управления должным образом заниматься своими делами и исполнять общественные обязанности. Если он выдерживает испытание, то признается офицером, с ним обращаются как с юношей, его приобщают к обществу взрослых, ему поручают присматривать за младшими и т. д. Орден прилежания я уже давно упразднил. Он был сродни офицерскому званию. Дело осталось, от названия отказались, а поскольку обычные люди больше зависят от названия вещей, чем от самих вещей, то я надеюсь, что те, кого название «орден» ранее возмущало, теперь успокоятся.

Заключительное наставление

Известное изречение «Non ex quovis ligno fit Mercurius» можно применить также и к воспитателям. Не каждому человеку дано, даже при всем желании и наилучших наставлениях, стать художником или поэтом, и точно так же не каждому дано успешно заниматься воспитанием. Здесь требуются природные задатки самого человека. Можно быть в высшей степени честным и мудрым, обладать многими научными знаниями и разнообразными навыками, и все же, если этот дар отсутствует, не уметь влиять на детей и их направлять.

Итак, подвергни себя испытанию! Если ты следовал указаниям, которые даны тебе в этой книге, то посмотри, какое воздействие это оказывает на твоих малышей, нравится ли им в твоем обществе, произвели ли на них впечатление твои представления и следуют ли они твоим напоминаниям. Если это не так, то не возмущайся на них, а исследуй, где ты ошибся. Если при постоянном исследовании ты не можешь в себе заметить ничего из того, что надо было бы изменить, видишь, что даже при самом добросовестном старании ты мало чего можешь от них добиться, что у тебя не получается завоевать их любовь и доверие, то, пожалуй, это будет важным знаком провидения, что твое призвание – не воспитание, а какое-нибудь другое дело, и ты правильно поступишь, если последуешь этому указанию. При продолжении самопроверки ты, без сомнения, обнаружишь предпочтительную склонность и задатки к какому-нибудь другому занятию. Отец всех людей хорошо оснастил каждого из своих детей, дал каждому свой талант, с которым можно преуспеть и который можно преумножить правильным применением и использовать для своего блага и блага своих братьев. Итак, следуй знаку провидения и посвяти себя делу, к которому чувствуешь свое призвание. Ты будешь заниматься им с удовольствием, многого добьешься и тем самым принесешь много добра.

Если все-таки ты хочешь посвятить себя воспитанию при всей неспособности к нему, то ты испортишь жизнь себе и своим приемным сыновьям и, как бы ты ни старался, дашь их характеру неверное направление.

Но если ты обнаружишь, что общение с детьми доставляет тебе радость, что они привязаны к тебе всем сердцем, что ты с легкостью можешь их направлять, то поверь тогда, что Мировой Правитель призвал тебя к их воспитанию. Следуй Его призыву с радостью и будь уверен, что награда за твою верность профессии

будет весьма велика, что в кругу твоих приемных сыновей тебе всегда будет радостно, ты увидишь богатые плоды от своей работы и благодаря им внесешь значительный вклад в содействие благу человеческой семьи!

Послесловие издателя к русскому читателю

Россия, как и все государства прежнего СССР, переживает непростые годы. Как тяжело живется в этой стране, хорошо известно каждому и комментариев не требует. Но я уверен, что мировоззрение Зальцманна, его представление о том, что человек должен придерживаться простых, понятных вещей, зарабатывать себе на жизнь честным, умелым трудом, своими руками и своей головой, всегда стремиться в жизни к лучшему – окажутся очень полезными для жителей России в это непростое время.

Я хотел бы посвятить это новое издание двух основных произведений Кристиана Готтхильфа Зальцманна женщинам. Довольно часто я убеждался, что вы – опора России, без вас эта страна пребывала бы в полном хаосе.

В силу разных причин я также полностью убежден, что вам, женщинам, в первую очередь суждено изменить жизнь в России к лучшему. Возможно, эту книгу о воспитании детей станете, прежде всего, читать именно вы, женщины. Ваше влияние на отношения между мужчиной и женщиной, а, значит, и на отношения в семье, очень велико.

Я знаю, как сложно женщине найти хорошего мужчину, который тоже хочет создать семью и готов взять на себя ответственность за нее. И все же позвольте мне, более 30 лет изучающему законы человеческой жизни, дать вам несколько советов, касающихся поведения в быту и построения семьи. Я убежден: в здоровых, счастливых семьях заключено будущее каждой страны, но прежде всего ваше личное счастье.

Жена.

Именно жена, а не муж, является естественным центром семьи, именно она задает атмосферу в доме. Поэтому начните с себя. Ведь каждый мужчина желает иметь рядом с собой привлекательную, здоровую женщину, следящую за своим внешним видом. Но «внешний вид», и в понимании Зальцманна, означает не столько чересчур элегантную и дорогую одежду, сколько тело, каким одарила нас природа и каким в неподвластном времени красоте оно передано нам в произведениях пластического искусства древних греков.

Как сохранить красоту своего тела, хорошо известно всем. Прежде всего нужно во всем соблюдать меру и регулярно заниматься физическими упражнениями. Я рекомендую, особенно

молодым женщинам, заниматься спортом как минимум два раза в неделю. В сельской местности, где нет подходящих спортивных сооружений, можно, к примеру, два-три раза в неделю вместе с подругами бегать по нескольку километров.

Умеренность.

Будьте умеренны в своих требованиях – мужчины ценят бережливых женщин, ведущих хозяйство с умом. Молодая женщина, которой непременно нужна самая последняя одежда от модных дизайнеров, больше подходит для олигарха, своего же мужа вы только слишком обремените подобными требованиями, которые, в общем-то, излишни. Обращайте внимание и на то, чтобы в домашнем хозяйстве не приобреталось ничего лишнего, а приобретаемое всего было хорошего качества.

Муж.

У многих мужчин существуют проблемы со спиртным. Тут можно только посоветовать, не закрывать на это глаза и как можно энергичнее воздействовать на мужа, удерживая его от пагубного пристрастия. И, конечно же, не употребляйте спиртного сами, подавайте хороший пример. Мужчина не становится пьяницей за один день, а начинает выпивать немного по праздникам, затем чуть больше с друзьями, пока, наконец, вовсе не теряет рассудок, оставляет вас дома одну и возвращается ночью пьяный и дурашливый. Если дело зашло так далеко, значит, проблема слишком запущена! Ведь явно выраженный алкоголизм – это не вопрос воли, а болезнь, с которой нужно бороться под руководством врача! Это азбучная истина, и ее может подтвердить любой доктор!

Обращайте внимание и на то, с какими друзьями общается ваш муж, следите, чтобы он находился в компании с «правильными» людьми, общение с которыми ему во благо и с которыми он не пойдет «по кривой дорожке».

То же самое можно сказать и про курение. Будьте прежде всего сами достойным примером!

Питание.

По возможности готовьте еду из чистых, натуральных продуктов, лучше всего из овощей и фруктов с местного рынка. Избегайте слишком изысканных блюд, воздерживайтесь от консервов и быстрозамороженных продуктов, отдавайте предпочтение свежим продуктам. Если ваш муж явно имеет лишний вес, готовьте ему блюда из рыбы и из домашней птицы. Ему следует избегать употребления вермишели, белой муки,

сахара, картофеля, желтого сыра, сосисок, алкоголя, есть поменьше хлеба. Приветствуются свежие овощи (например, салаты) и фрукты, а также рыба, индейка, оливковое масло, белый сыр. Придерживайтесь мнения Рагнара Берга (Дрезден), который после многолетних исследований в этой области, обобщив накопленные знания, выразил их в одном простом правиле: ешьте овощей и фруктов примерно в пять-семь раз больше, чем всех прочих продуктов.

Именно в них содержится самое важное для нас – так называемые базовые минеральные вещества на основе кальция, магния, железа, которые, будучи легкорастворимыми, при варке овощей первыми переходят в отвар, который можно использовать для приготовления супов и соусов. Лучше всего готовьте овощи на пару, тогда в них останутся практически все минеральные вещества.

Сон.

Старайтесь ложиться спать не поздно и вставать раньше. Такой сон намного полезнее для здоровья и к тому же не занимает много времени. Ложась спать в девять вечера, можно вставать уже в три часа, чувствуя себя куда более свежим и энергичным, чем обычно.

Дети.

Большинство семей в России имеют лишь одного ребенка. Еще в конце XIX столетия у нас, в Германии, семья имела, как правило, 5–6 детей. Думаю, так же обстояло дело и в России. В семье Зальцманна, к примеру, было пятнадцать детей!

Один ребенок часто чувствует себя одиноким и мечтает о братике или сестричке. За тремя детьми ухаживать подчас даже легче, да и воспитывать проще, так как в определенном возрасте между детьми возникает тесное общение, и в результате они сами воспитывают друг друга.

Нередко в больших городах родители отказывают себе в счастье иметь нескольких детей, поскольку у них, якобы, слишком тесная квартира, а большую квартиру приобрести они не смогут. Но верно ли это? Для планирования семьи отведены определенные годы, и их нельзя упускать. А вы уверены, что у вас никогда не будет более просторной квартиры? Исходить из этого, планируя свою семью, недопустимо.

Но: если думаете о детях, забудьте про спиртное![45]

Дорогая читательница, дорогой читатель, надеюсь, что эти советы помогут вам обрести счастливую семью и вместе с тем

величайшее счастье, которое мы можем найти на земле. Если вы хотите вести здоровый образ жизни, почаще заходите в книжный магазин, в котором на эту тему много хорошей литературы.

Сент-Гоар, август 2010 года
Издательство «Райхль», *М. Дрегер*

notes

Примечания

1

«Chr. Gotth. Salzmanns Schriften», Reihe Padagogischer Klassiker, Pichlers Witwe & Sohn, Wien 1886; переиздано в «Salzmanns pädagogische Schriften II», Reichl Verlag, ca. 2008.

2

«Развлечения для детей и их друзей» (8 томов, Крусиус, Лейпциг, 1778–1787) стали первым писательским трудом Зальцманна.

3

Крусиус, Лейпциг 1780; переиздано в «Педагогических сочинениях Зальцманна II», 2008.

4

См. «Общую немецкую биографию», где, кстати, Гутсмутса называют «отцом немецкой гимнастики». Работа Гутсмутса, опубликованная в 1793 году, «Гимнастика для молодежи» является первым систематизированным учебником по гимнастике. В появившемся три года спустя сочинении Гутсмутса «Игры и упражнения для отдыха тела и души для молодежи» вообще впервые описываются правила бейсбола.

Archiv fur Erziehungskunde fur Deutschland, Drittes Bandchen, bei Friedrich Severin, Weisenfels und Leipzig 1793.

Блаше опубликовал множество сочинений, посвященных развитию сноровки у молодых людей, начиная с работы «Картонажный работник, или руководство по работе с картоном: предназначается преимущественно воспитателям»; Шнепфенталь, Книжный магазин учебно-воспитательного учреждения, 1797.

www.mdr.de/geschichte/pesonen/138959.html

www.salzmannschule.de

9

Wolfgang Pfauch: C. G. Salzmann-Bibliographie. Unter Berucksichtigung von Besitznachweisen in Bibliotheken herausgegeben von Wolfgang Pfauch und Reinhard Roder. Hermann Bohlaus Nachfolger, Weimar 1981.

10

Лейпциг, издательство Siegismund & Volkening. В 1869 году Рихтер подготовил в том же издательстве для серии «Педагогическая библиотека» столь же тщательно выверенное издание «Книжки для муравьев» с вариантами текста в разных изданиях наряду с примечаниями.

11

Эта центральная мысль высказывалась Зальцманном в самых разных местах его сочинений. См. также опубликованную в этом томе «Книжку для муравьев».

12

Пс 124, 4, 5 и Притч 31, 29.

13

Рокелор – дорожный или непромокаемый плащ, получивший свое название по имени его французского изобретателя.

14

Слабое пиво, которое варили монахи, в отличие от более крепкого пива, которым потчевали высшее духовенство в монастырях.

15

Сирах, 5, 17

16

Абдериты считались глупыми от рождения людьми; в древности насмешливое прозвище «абдерит» употреблялось в том же смысле, что у нас простофиля. (Pauly, R-E. I,I, 22f; Wieland: Die Abderiten, 1773.)

17

Не всякое воспитание, когда ослабляют контроль или закрывают глаза на эту проблему, можно назвать хорошим. «Воспитание воспитателей», к которому стремится Зальцманн в представленных здесь сочинениях, разве что в случае необходимости ставит целью оградить ребенка от самых диких глупостей и несуразностей его родителей и тем самым помочь ему в трудные часы его жизни. Напротив, воспитанием, закладывающим надежную основу для дальнейшей жизни, является воспитание, при котором родители бережно следят за ребенком и своевременно указывают ему правильный путь.

Несомненно, нынешние представления по этому пункту – если об этом вообще задумываются и не предпочитают завернуть тему под ковер – зачастую диаметрально противоположны воззрениям Зальцманна. Проявление юношеской сексуальности – с партнером или без него – в широких кругах сегодня рассматривается как естественное развитие собственной личности, если воспитатели вообще уделяют внимание таким вещам.

Если говорить о часто практикующемся у подростков самоудовлетворении, то преимущество такого «либерального» воспитания по сравнению с ситуацией на рубеже XIX столетия заключается в том, что сегодня подростки, как правило, не испытывают из-за этого угрызений совести, но тем тяжелее и упорнее дают знать о себе биологические последствия такой неестественной практики расточительства ценной жизненной субстанции. Зальцманн не зря говорит о детях, предававшихся этому пороку, что «через несколько лет они выглядят как сморщенные лимоны». Эту мысль он развивает в работе «О тайных грехах юности»: «Соки, которых лишает этот грех, должно быть, являются самыми что ни на есть духовными, поскольку имеют важнейшее предназначение, а их естественное излияние всегда оставляет после себя некоторую разбитость, подавленность и вялость. Чтобы возместить эти потери, природа должна, стало быть, напрячь все свои силы, и при этом страдают мозг, желудок, нервы и человек в целом. Ибо если природа может переработать определенную часть пищи лишь так, а лучшее из нее вынуждена доставлять одной части, то разве не будут при этом страдать остальные? (…) Во всяком случае, у большинства из тех, кто заражен этой эпидемией, я обнаруживал высокую степень слабоумия».

Каждый боксер знает, что за несколько дней до поединка ему

лучше не иметь половых сношений. Корреспондентка телекомпании CNN Элизабет Коэн в одной телевизионной передаче сказала: «Мухамед Али говорил, что никогда не занимался сексом на протяжении шести недель до поединка. Правило воздержания от секса изображено даже в кинофильмах, например в “Быке Дарема”».

Если же заглянуть в современную энциклопедию, например в «Википедию», и посмотреть рубрику «Мастурбация», то там можно прочесть: «Научно объяснено и доказано, что мастурбация не связана с вредом для здоровья». И в поддержку этого тезиса тут же прилагаются две научные статьи. Как объяснить это очевидное явное? Оно разрешается, если рассмотреть периоды наблюдения: В нынешних исследованиях, в том числе и в так называемых «лонгитюдных», за последствиями сексуальной активности наблюдают в течение нескольких дней, недель и иногда также месяцев. При этом совершенно естественно, что при половом акте или его симуляции временно стимулируется физическая активность. Но это отнюдь не свидетельствует о том, что это будет непременно полезным для человека любого возраста – и любой конституции! Высказывания Зальцманна по поводу разрушительного воздействия онанизма у подростков касаются прежде всего периодов, которые как по их продолжительности, так и по их воздействию на развитие личности в целом отнюдь нельзя охватить одним исследованием!

Зальцманн, как никто другой, десятилетиями ежедневно имел самый интенсивный контакт с подростками; он, которого воспитанники учебно-воспитательного заведения в Шнепфентале звали «отец», находился при них с утра до вечера. Впрочем, из ученых старого закала, которые всегда были тонкими наблюдателями, также и Фрейд признавал, что чрезмерное занятие онанизмом ведет к неврастении (общему ослаблению нервной системы).

Разумеется, этого феномена не обошел стороной также и Хуфеланд. В своей знаменитой работе «Макробиотика, или искусство продлить человеческую жизнь» он сообщает: «Невозможно себе представить, как далеко в этом пункте могут заходить предрассудки, особенно если они соответствуют нашим наклонностям. Я действительно знал одного молодого человека, который на полном серьезе считал, что нет яда, более вредного для человеческого тела, чем соки зачатия, и, как следствие, для него не было ничего более неотложного, чем всякий раз как можно быстрее от них избавиться. В результате такого усердия дело дошло до того, что в 20 лет он состарился, а в 25 лет умер, пресыщенный жизнью».

Хотя при обсуждении этой темы речь идет не о цифрах и процентах, а о конкретных людях, родителям и учителям все же надо назвать соответствующие соотношения для настоящего времени, которые были установлены в результате опроса, проведенного в июне 1989 года сотрудниками института Алленсбаха (IFD-Archiv-Nr. 2294/Schr. GEW). Оказалось, что 21 % 14–20-летних молодых людей «регулярно или чаще» занимаются онанизмом, в группе 21–39-летних таковых было около 15 %. При этом надо учесть, что в группе 14–20-летних оказались неохваченными несовершеннолетние (14–17-летние) подростки, не имевшие сексуальных контактов, поэтому, к сожалению, их процент в этой группе, включая «одиноких» подростков, может быть значительно выше.

Если уж деликатна сама эта тема, то и подавно разъяснения на этот счет! Зальцманн призывает здесь скорее к сдержанности; в работе «О тайных грехах…» он пишет: «Напрямую предостерегать детей от тайных грехов юности, не зная наверняка, что они ими заражены, я всегда считаю опасным. Тем самым их еще больше знакомят с грехом и пробуждают у них желание его совершить. Уж лучше всегда оставлять их в неведении, если только возможно удалить от них всех людей, которые склонны преподать им об этом вредный для них урок».

Все высокоразвитые культуры Востока и Запада едины во мнении, что сдержанность в использовании способности производить потомство приносит большую пользу умственному и физическому развитию юноши и мужчины. Об этом подрастающий молодой человек не может знать по собственному опыту; родители и учителя – вот кто своевременно и осторожно, используя удобную возможность, должен передать эту житейскую мудрость своим детям и ученикам!

18

Кто хочет получить более подробные сведения по этому пункту, тот найдет их в моей книге «О тайных грехах юности», которую за 16 гр. можно купить в Императорском книжном магазине в Эрфурте и во всех книжных лавках, а те, кто живет рядом со мной, могут приобрести ее и у меня [Зальцманна]*.

*Эта книга, ставшая тем временем редкой, очень дорогая для Зальцманна и содержащая множество ценнейших указаний по воспитанию, появилась в 2008 году в виде третьего тома педагогических сочинений.

19

Рафинадная кашка, снабженная приятными на вкус веществами.

К сожалению, слишком похоже на правду. Г. Лундборг в своих исследованиях семей в рамках одного поколения крестьян, насчитывающих 2232 человека, выявил следующие соотношения: из 240 обследованных семей 30 семей не имели пороков, в 37 семьях присутствовала зависимость одного или обоих родителей от алкоголя (без каких-либо других видимых пороков у родителей).

30 семей имели в общей сложности 148 детей, 37 семей – 213. Из 148 детей 27 умерли в возрасте до пяти лет (18,2 %), из 213 детей 56 умерли в возрасте до пяти лет (26 %). Число больных потомков (эпилепсия, слабоумие и т. д.) составило в 30 наследственно не отягощенных семьях 24, в 37 семьях – 96! 30 нормальных семей имели 85 детей, достигших возраста более 15 лет, 37 семей, в которых присутствовал более или менее сильно выраженный алкоголизм одного из родителей, несмотря на значительно большее количество детей, лишь 69 детей достигли возраста 15 лет и старше.

H. Lundborg: «Medizinisch-biologische Familienforschungen innerhalb eines 2232kopfigen Bauerngeschlechtes in Schweden», Verlag von G. Fischer, Jena 1913, S. 485 u. 490. См. также Vogel, Neubert: «Grundzuge der Alkoholfrage», Verlag Deutsches Hygiene-Museum, Dresden 1926.

21

Имя «Пигер» выбрано с умыслом. Piger = вялый, недовольный, медлительный, нерадивый.

22

Имя «Гарпакс» выбрано с умыслом. Harpax – разбойник, грабитель, захватчик.

23

Доминус Ульпиан – римский юрист, труды которого составляют целую треть свода законов римского права. Зальцманн употребляет здесь это имя для обозначения ученого мужа, считающего себя выше обычных дел.

24

Панкратий – католический святой, обезглавленный при Диоклетиане (около 305 г.), а затем совершивший много чудес своими реликвиями. Также и здесь это имя следует понимать как типическое.

25

Палачам (а также пастухам, кузнецам, старухам и т. д.) раньше приписывали наличие таинственной способности исцелять болезни у людей и животных, а также снимать заклятия.

26

К венерическим (половым) болезням относили триппер, шанкр и сифилис. Если без каких-либо добавлений говорят о венерической болезни, то обычно под этим подразумевают сифилис, или люэс, который называют в народе французской болезнью (Morbus gallicus); отсюда последующее выражение «французская Лизочка».

27

Маразм (греч.): увядание, усыхание, ослабление.

28

«Уча, учимся сами». (Seneca, *Epistulae morales*, 7, 8)

29

«Ревизия общей системы школьного обучения и воспитания Обществом практикующих воспитателей». Изд. Иохаим Кампе, 16 томов, Гамбург, Бонн, 1785–1792 (репринт 1979 в Топос-Ферлаг, Руггель). Об этом труде, написанном Кампе в сотрудничестве с другими воспитателями и учителями, такими, как Трапп, Штуве, Вилауме и Зальцманн, Жан Поль сказал, что «ни один народ не может противопоставить ему чего-либо подобного». Он считается главным трудом по педагогике к концу 18-го столетия, в котором могут найти для себя ценные указания также и современные воспитатели.

Зальцманн, несомненно, имеет здесь в виду кантовский моральный принцип: «Исполняй свой долг ради долга». Сочинения Канта «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика силы суждения» (1790) служили тогда фундаментом всех наук.

31

Здесь и в дальнейшем я употребляю слово «мальчики», потому что при написании этой книги всегда имел перед глазами манеру обращения с мальчиками. Но по большей части, с некоторыми изменениями, это можно использовать и при воспитании девочек.

32

С 1720-х годов я заведую одним учебно-воспитательным заведением, в котором совместно живут дети из самых разных семей и самых разных национальностей; с некоторых пор их число составляет около семидесяти. Среди них я живу и тружусь с утра до поздней ночи. Если бы дети были такими скверными, как их изображают иные воспитатели, то как мог бы я все это выдержать? Неужели у меня не случилось бы уже несколько нервных срывов? Но этого не происходит; отнюдь, я очень уютно чувствую себя в их обществе. Это не потому, что они такие безукоризненные, такие примерные, напротив, они постоянно дают мне примеры легкомыслия, безрассудности и т. п. После уроков они играют, бегают, скачут, прыгают; я появляюсь в веселящемся обществе, и мое присутствие не вносит никаких изменений. Во всем этом я не нахожу ничего оскорбительного, поскольку считаю, что дети – это дети, они мыслят и ведут себя как дети. Поэтому проходят недели, прежде чем они выведут меня из себя. Если такое случается, я проверяю себя самого и выявляю обычно, что причина заключена все же во мне самом, потому что либо мое здоровье не в полном порядке, либо меня расстроило какое-то другое неприятное происшествие, либо я чрезмерно нагружен делами. Чем внимательнее я буду к себе самому, тем реже будут обиды. Более того, могу заверить, что за 20 лет, которые я здесь провел, я не могу вспомнить, чтобы кто-то из моих воспитанников обдуманно что-нибудь сделал с целью меня обидеть. Пусть мне простят это чистосердечное признание. Его точно так же нельзя отнести мне на счет хвастливости, как садовнику, если в книге по садоводству он иной раз рассказывает что-то хорошее о своем собственном саде. Впрочем, охотно признаю, что по моим приемным сыновьям нельзя с ходу делать вывод о всех детях. Ибо хотя они и приехали из разных домов и стран, все-таки живут они в некотором обособлении от остального мира, и пример взрослых, противодействие родителей, тетушек, прислуги и т. п., соблазны со стороны мальчиков, которые росли без присмотра и воспитания, никакого влияния на них не оказывают.

Другому воспитателю, которому со всех сторон противодействуют, придется, конечно, преодолевать бóльшие трудности.

33

Поскольку многие читатели сочтут это утверждение слишком смелым, я позволю себе снова представить факт из моей сферы деятельности. В настоящее время я воспитываю около 70 молодых людей, родившихся в совершенно разных областях – от Лиссабона до Москвы, то есть их первичное воспитание неизбежно существенно различалось. Все эти молодые люди здоровы, на их лицах не видать никаких высыпаний; иногда проходят три года, прежде чем кто-то из них сляжет в постель, а за 21 год, на протяжении которых я возглавляю учреждение, никто не умер. Тем не менее я не врач. В первые десять лет, которые я здесь провел, ни один врач не переступил порога моего дома. Только тогда, когда число моих питомцев значительно возросло и следовало опасаться, что я могу что-либо у них не заметить, я начал пользоваться врачебной помощью.

34

Некоторые утверждают, что нервные болезни, столь обычные в наши дни, являются следствием купания в холодной воде. Я не собираюсь здесь ни с кем спорить. Но я совершенно искренне и открыто говорю, что из всех молодых людей, которых я воспитывал и продолжаю воспитывать, а таковых несколько сотен, никто не заболел нервной болезнью (даже если бы вдруг кто-то из воспитанников стал нервнобольным, то из этого все же не следует, что причина того – купание в холодной воде), что из всех нервнобольных людей, которых я знал, в холодной воде никто не купался, и мне совершенно не верится, что причиной нервных болезней, которыми страдают женщины в N., явились холодные ванны питомцев из Шнепфенталя.

35

Раз и навсегда замечу, что в этой книге я прежде всего обращаюсь к молодым людям, которые хотят стать воспитателями. Стало быть, если тот или иной уже сформировавшийся воспитатель имеет некоторые потребности, против которых я выступаю, и не обладает определенными навыками, которые я рекомендую иметь формирующемуся воспитателю, то мои откровенные высказывания не надо воспринимать ему как упрек. Но каждый со мной согласится, что воспитатель может воздействовать с большей энергией, если у него нет потребностей, которые он не собирается прививать своим питомцам, и сам обладает навыками, которым он хочет их обучить. Но что делать воспитателю, если у него дело обстоит иначе? Откровенно говоря, этот недостаток является несовершенством, проистекающим из первичного воспитания, от которого я хочу попытаться всячески вас защитить.

36

Оба последних упражнения полезны для развития воображения и памяти! Ср. начавшийся в 2004 году в Сатке (Россия) шахматный школьный проект: семилетние дети учатся решать шахматные задачи – *без* фигур, *без* доски!

37

! – См. также примечание о виртуальных шахматах на с. 46.

38

По поводу слабости зрения: один из основателей методизма Джон Уэсли пишет: «Еще юным я имел слабое зрение. Спустя сорок лет оно гораздо острее. Это я приписываю прежде всего усвоенной привычке каждое утро рано вставать». См. также: Т. Штекманн, «Спи до полуночи!»

Составленный план занимает лист бумаги. Чтобы сэкономить место, я привожу из него лишь этот отрывок, которого, однако, думающему воспитателю будет достаточно, чтобы увидеть, сколько всего можно заметить и распознать в самых обычных предметах повседневной жизни.

Это повторение вслух всем собранием, несомненно, по-своему очень полезно. Оно приобщает детей к деятельности, побуждает их к громкой речи, запечатлевает в их памяти лекцию. Но это упражнение нужно использовать осторожно. Если хотят, чтобы у малышей запечатлелись в памяти определенные слова и предложения, то частое произнесение их вслух всеми, несомненно, является для этого действенным средством. Но если хотят упражнять разум с помощью собственного суждения, то произнесение хором я считаю нецелесообразным, потому что тем самым детей отвлекают от самостоятельных рассуждений и приучают к бездумному повторению.

То, каким образом можно поддерживать детей на зачастую столь утомительных уроках изучения азбуки и чтения, побуждая их к приятной самостоятельной деятельности, как мне кажется, я в достаточной мере показал в «Азбуке и хрестоматии Конрада Кифера».

41

Поскольку воспитатели, обладающие умением что-либо сделать, встречаются очень редко, мне стоило немалых усилий ввести уроки труда в моем учреждении. В настоящее время мои питомцы учатся следующему: сперва изготовлению из бумаги различных игрушек и рукоделию, затем вырезанию из дерева всяких предметов, плетению корзин, картонажным работам, умению лакировать, столярничать и токарничать.

42

«Heinrich Gottschalk in seiner Familie, oder erster Religionsunterricht für Kinder von 10 bis 12 Jahren». Schnepfenthal, Buchhandlung der Erziehungsanstalt, 1804.

«Unterricht in christlichen Religion», Schnepfenthal, Buchhandlung der Erziehungsanstalt, 1808.

43

«Der Himmel auf Erden». Schnepfenthal, Buchhdlg. der Erziehungsanstalt, 1797. Переиздание: Reichl Verlag, St. Goar 2008.

44

Кто знаком с организацией моего воспитательного учреждения и знает, что в нем имеются табели заслуг, где записываются имена моих питомцев и к ним присовокупляются желтые гвоздики, благодаря которым становится очевидной степень их прилежания, тот удивится, что это воспитательное средство я здесь вообще не упоминаю. Пожалуй, мне следует дать объяснения на этот счет, тем более что с какого-то времени становится все более привычным, что, когда рекомендуют некое воспитательное учреждение, косо поглядывая в мою сторону, расхваливают его, указывая, что табелей заслуг там нет.

45

В 1900 году был произведен интересный опыт: паре собак в качестве эксперимента регулярно предлагали пиво, но они всякий раз предпочитали пить воду. Перед случкой им в воду стали подмешивать спирт, и их потомство предпочитало уже не воду, а пиво… (*Проф. Густав Кабрхель*. «О влиянии алкоголя на плазму зародыша». Archive fur Hygiene, 1909, т.71, стр. 124–130, Мюнхен).